

$\sqrt{35}$
1117

ор 10-81
454

БЕЗКОНЕЧНОЕ

АНАКСИМАНДРА.

801-14
906

М. И. Каринскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, 80.

1890.

Не смотря на особое вниманіе, которое въ историко-философской литературѣ новаго времени обращено было на разъясненіе философскаго міровоззрѣнія Анаксимандра, самое важнѣйшее ученіе этого выдающагося мыслителя древности, ученіе о безконечномъ и доселѣ представляетъ много спорнаго. Можно считать, правда, почти общепризнаннымъ и достаточно твердо обоснованнымъ мнѣніе, что безконечное Анаксимандра не было чисто абстрактною безконечностью, какъ у Платона и пифагорейцевъ, что оно было реально существующимъ предметомъ тѣлесной природы (σῶμα), безконечность же имѣла значеніе свойства, характеристическаго атрибута этого предмета, какъ это было и у слѣдующихъ за Анаксимандромъ физиковъ¹⁾. Но этимъ и ограничивается все, что можно утверждать о началѣ (ἀρχή) Анаксимандра, не рискуя встрѣтить очень серьезныхъ возраженій. Ближайшее опредѣленіе этого σῶμα съ его ка-

¹⁾ Обстоятельное доказательство этого мнѣнія см. *Zeller*, *Phil. d. Griech.* 4 Aufl., I, 184 — 188. Къ свидѣтельствамъ, которые приведены здѣсь въ подтвержденіе этого мнѣнія (важнѣйшія изъ нихъ приводились уже Шлейермахеромъ въ его сочиненіи объ Анаксимандрѣ *Werke z. Phil.* II, 176 — 177), можно прибавить слова Теофраста у Симплиція (*Simpl. in Arist. Phys. ed. Diels.* 1882, 27, 22 — 23), которыми Теофрастъ заканчиваетъ свое сравненіе Анаксагоровыхъ гомоймерій съ безконечнымъ Анаксимандра: ὅστε φαίνεται (Ἀναξαγόρας) τὰ σωματικὰ στοιχεῖα παραπλησίως ποιεῖν Ἀναξίμανδρον. Здѣсь терминъ σωματικὰ στοιχεῖα, очевидно, служитъ общимъ названіемъ какъ для гомоймерій Анаксагора, такъ и для безконечнаго Анаксимандра. Могутъ имѣть свое значеніе и приводимыя *Neuhaus*. *Anaxim. Milesius.* 1883 г. 42, № 4, свидѣтельства въ пользу той же мысли; но другія мѣста Аристотеля, на которыя онъ ссылается на той же страницѣ, предполагаютъ уже одинъ изъ спорныхъ взглядовъ на безконечное Анаксимандра, а слѣдовательно, безъ всякой нужды ставить мысль, которая можетъ быть основана на твердыхъ данныхъ, въ зависимость отъ мнѣнія, раздѣляемаго далеко не всѣми.

чественной стороны вызывает большое разногласие. По мнению одних, Анаксимандръ безконечнымъ называлъ смѣшеніе разнородныхъ составныхъ частей; по другимъ—оно было чуждо всякой качественной опредѣленности, третьи считаютъ его за τὸ μεταξὺ стихій, то есть, за то среднее, промежуточное между стихіями бытіе, о которомъ Аристотель не разъ упоминаетъ, когда перечисляетъ начала древнихъ физиковъ. Не однаково смотрятъ историки и на то вѣчное движеніе, которое, по извѣстіямъ, Анаксимандръ приписывалъ своему безконечному: по мнению однихъ, подъ вѣчнымъ движеніемъ разумѣется самый процессъ рожденія и уничтоженія конечнаго, возникновенія его изъ нѣдръ безконечнаго и возвращеніе неба, служащее причиной рожденія и гибели всего возникающаго. Самая безконечность толкуется не одинаково. Одни понимаютъ этотъ терминъ какъ обозначеніе неопредѣленности содержанія; что же касается безграничной пространственной протяженности, которую онъ обыкновенно означалъ въ философской литературѣ грековъ, то одни думаютъ, что самая идея о безпредѣльномъ протяженіи развилась въ философской мысли лишь позднѣе эпохи Анаксимандра. Другіе съ безконечностью Анаксимандрова начала, на оборотъ, соединяютъ представленіе именно о безпредѣльномъ пространственномъ протяженіи. Это разнорѣчіе компетентныхъ ученыхъ достаточно свидѣтельствуешь о темнотѣ и запутанности вопроса; но оно же естественно вызываетъ и на новую попытку пересмотрѣть не одинаково толкуемыя и, по видимому, стоящія въ противорѣчьи одно съ другимъ извѣстія древности о философскихъ взглядахъ Анаксимандра. Опытъ такого пересмотра и излагается на дальнѣйшихъ страницахъ. Порядокъ изложенія, при запутанности вопроса, естественно долженъ былъ въ извѣстной степени опредѣляться методическими удобствами.

Способъ происхожденія всего изъ безконечнаго.

Есть сторона въ ученіи Анаксимандра о безконечномъ, разъясненіе которой, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, не нуждается въ ссылкахъ на другіе его взгляды. Раздѣляя физиковъ на двѣ группы, Аристотель очень опредѣленно различаетъ взгляды ихъ на происхожденіе всего остальнаго бытія изъ начала: по одному изъ этихъ

взглядовъ, все возникаетъ чрезъ разрѣженіе и уплотненіе начала, по другому—путемъ выдѣленія изъ него, и этотъ послѣдній взглядъ не менѣе опредѣленно онъ приписываетъ Анаксимандру¹⁾. Кромѣ этого свидѣтельства, на которое обыкновенно ссылаются при разъясненіи взгляда Анаксимандра на способъ возникновенія остальнаго бытія изъ безконечнаго, для той же цѣли можно воспользоваться и другимъ мѣстомъ изъ того же Аристотеля. Извѣстно, что одно изъ приводимыхъ имъ основаній, на которыя ссылались физики, доказывая безконечность начала, доксографы относятъ къ Анаксимандру. Смыслъ этого основанія состоитъ въ томъ, что только безконечность того, откуда, какъ выражается Аристотель, „извлекается“ рождаемое, можетъ обезпечить неоскудѣваемость процесса рожденія и разрушенія²⁾. То, что въ первомъ свидѣтельствѣ названо выдѣленіемъ, здѣсь характеризуется какъ извлеченіе изъ начала; процессъ, который въ первомъ свидѣтельствѣ лишь отличался опредѣленно отъ процесса разрѣженія и уплотненія, здѣсь нагляднѣе характеризуется какъ такой процессъ, который, будучи постояннымъ извлеченіемъ изъ начала все новыхъ и новыхъ порожденій, грозитъ сполна исчерпать начало, если оно не безконечно. Въ виду разнообразія толкованій термина выдѣленія, это введеніе самимъ Аристотелемъ новаго термина и именно въ связи съ ученіемъ о безконечности начала имѣетъ свое значеніе, оно рельефнѣе показываетъ намъ, что Аристотель понимаетъ выдѣленіе у Анаксимандра какъ процессъ, предполагающій въ безконечномъ содержаніи, которое расходуется или тратится на міровую жизнь.

Сравнимъ ученіе Анаксимандра о происхожденіи важнѣйшихъ предметовъ, входящихъ въ составъ міра, какъ рисуется оно намъ въ скудныхъ, дошедшихъ до насъ, извѣстіяхъ древности, съ подобнымъ же ученіемъ его непосредственнаго преемника въ іонійской школѣ Анаксимена, который, по видимому, первый пользовался теоріей разрѣженія и уплотненія для объясненія происхожденія ко-

¹⁾ Phys. I, 4, нач.: 'Ὡς δ' οἱ φυσικοὶ λέγουσι, δύο τρόποι εἰσὶν: οἱ μὲν . . . τὰλλα γενῶσι πυκνότητι καὶ μανότητι πολλὰ ποιοῦντες . . . οἱ δ' ἐκ τοῦ ἐνός ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνεσθαι ὡς περ' Ἀναξίμανδρος φησι.

²⁾ Phys. III, 4, 203, b. 18—20: ἐτι τῷ οὕτως ἂν μόνως μὴ ὑπολείπειν γενέσθαι καὶ φθορᾶν, εἰ ἄπειρον εἴη ὅθεν ἀφαιρεῖται τὸ γιγνόμενον. Doxogr. ed. Diels, 277. 8—9. Plut. Plac. l. 3. Stob. 1, 10: λέγει γ' οὖν (Ἀναξίμανδρος), διότι ἀπείρατον ἐστίν, ἵνα μὴδὲν ἐλλείπη ἢ γένεσις ἢ ὀφισταμένη. То же Evs. Praep. Ev. XIV, 14, 2.

вечнаго изъ безконечнаго ¹⁾, и мы увидимъ, какъ послѣдовательно Анаксимандромъ проводился его общій взглядъ на отношеніе начала къ частнымъ предметамъ, и какъ опредѣленно отличаются вслѣдствіе того его мнѣнія о космогоническихъ процессахъ отъ мнѣній слѣдующаго за нимъ представителя другой общей теоріи рожденія. Оба эти философа придавали особое значеніе теплу и холоду въ міровыхъ процессахъ, но тогда какъ Анаксименъ считалъ ихъ простыми смѣнными состояніями первичнаго вещества, происходящими отъ его разрѣженія и уплотненія, Анаксимандръ говорилъ на оборотъ объ ихъ выдѣленіи изъ него ²⁾. По ученію обоихъ, свѣтила небесныя происходятъ изъ огня, но, по теоріи Анаксимена, возникновеніе этого огня предполагаетъ даже двукратное примѣненіе его основнаго принципа рожденія, качественно видоизмѣняющаго стихію: прежде должно было совершиться уплотненіе воздуха въ землю и затѣмъ уже должно было произойти разрѣженіе земныхъ испареній, чтобы они могли перейти въ огонь: у Анаксимандра пламя непосредственно выдѣляется изъ формирующагося цѣлаго, обвивая его какъ кора дерево ³⁾. И тогда какъ у Анаксимена самое образованіе свѣтилъ небесныхъ изъ огня предполагаетъ опять какой-то недостаточно ясный процессъ сжатія, который по крайней мѣрѣ самое ядро неподвижныхъ звѣздъ долженъ сдѣлать болѣе или менѣе плотнымъ, для Анаксимандра небесныя свѣтила суть простой результатъ разрыва образовавшейся

¹⁾ Simpl. in Arist. phys. ed. Diels. 149, 32—150. 1: ἐπὶ γὰρ τούτου μόνου (Αναξίμενος) Θεόφραστος ἐν τῇ ἱστορίᾳ τὴν μάνωσιν εἴρηκε καὶ πύκνωσιν. Впрочемъ, справедлива догадка Целлера, Phil. d. Griech., 223, № 3, что, по Теофрасту, только изъ древнѣйшихъ іонійцевъ Анаксименъ былъ единственнымъ, пользовавшимся этою теоріей.

²⁾ Doxogr. Diels. 561, 1, Hippol. (по ученію Анаксимена) τὰ κοριώτατα τῆς γενέσεως ἐναντία εἶναι θερμὸν τε καὶ ψυχρὸν. Plut. Moral. ed. Didot 1867—1877, Vol. 2. De pr. frig. 1160. 12—18: ἤ, καθάπερ Ἀναξίμενης ὁ παλαιὸς φησι, μήτε τὸ ψυχρὸν ἐν οὐσίᾳ, μήτε τὸ θερμὸν ἀπολείπωμεν, ἀλλὰ πάθη κοινὰ τῆς ὕλης ἐπιγινόμενα ταῖς μεταβολαῖς: τὸ γὰρ συσσελλόμενον αὐτῆς καὶ πυκνούμενον, ψυχρὸν εἶναι φησὶ. τὸ δὲ ἀραιὸν καὶ τὸ χαλαρὸν, οὕτω πως ὀνομάσας καὶ τῷ ῥήματι, θερμὸν. Doxogr. Diels. 579. 13—14. Plut. Strom.: φησὶ δὲ (Ἀναξίμανδρος) τὸ ἐκ τοῦ αἰδίου γόνιμον θερμὸν τε καὶ ψυχρὸν κατὰ τὴν γένεσιν τοῦδε τοῦ κόσμου ἀποκρίθηναί.

³⁾ Ibid. 580. 1—2: πλουμένου δὲ τοῦ ἀέρος πρώτην γεγενῆσθαι λέγει (Ἀναξίμενης) τὴν γῆν... τὸν ἥλιον καὶ τὴν σελήνην καὶ τὰ λοιπὰ ἄστρα τὴν ἀρχὴν τῆς γενέσεως ἐκ γῆς ἔχειν. Ibid. 561. 5—7. Hippol.: γεγονέναι δὲ τὰ ἄστρα (по Анаксимену) ἐκ γῆς διὰ τὸ τὴν ἰκμάδα ἐκ ταύτης ἀνίστασθαι, ἧς ἀραιουμένης τὸ πῦρ γίνεσθαι, ἐκ δὲ τοῦ πυρὸς μετεωριζομένου τοὺς ἀστέρας συνίστασθαι. Объ Анаксимандрѣ см. цитату слѣдующую.

вышеуказаннымъ путемъ огненной сферы и заключенія разорванныхъ массъ огня въ огромныя массы воздуха ¹⁾. По Анаксимену, вѣтры рождаются, когда сплотненный воздухъ вновь разрѣжается; для Анаксимандра вѣтеръ есть движеніе тончайшихъ паровъ, выдѣляемыхъ изъ воздуха ²⁾. Дальнѣйшее и дальнѣйшее сплотненіе воздуха представляютъ, по мнѣнію Анаксимена, облако, дождь и вода; система Анаксимандра, на оборотъ, знаетъ жидкое, которое имѣетъ самостоятельное происхожденіе, или какую-то первичную жидкость; часть этой жидкости испаряется, то-есть, опять-таки выдѣляется черезъ испаренія, откуда, вѣроятно, и нужно объяснять существованіе паровъ въ воздухѣ, которыми объясняется дождь, тогда какъ другая часть, остатокъ отъ предшествовавшаго выдѣленія, есть море ³⁾.

На этомъ сопоставленіи взглядовъ Анаксимандра съ взглядами Анаксимена довольно ясно выступаетъ, какъ послѣдовательно про-

¹⁾ См. предш. цит. объ Анаксименѣ. Болѣе плотную природу неподвижныхъ звѣздъ у Анаксимена, по видимому, нужно предполагать для объясненія прикрѣпленности ихъ къ небесному своду. Ibid. 344. 4—6. Plut. Plac. 11, 14. Stob. Ecl. 1, 24: Ἀναξίμενης ἤλων δίκην καταπεπηγέναι (τὰ ἄστρα) τῷ χρυσταλλοειδεῖ. Сл. Teichm Stud. z. Gesch. d. Begr. 85—91. Dox. Diels. 579. 14—17. Plut. Strom.: καὶ τινα ἐκ τούτου (то-есть, τοῦ γόνιμου, о которомъ упомянуто выше) φλογὸς σφαῖραν περιφυῆναι, (по ученію Анаксимандра) τῷ περὶ τὴν γῆν ἀέρι ὡς τῷ δένδρῳ φλοιόν. ἦστινος ἀπορραγείσης καὶ εἰς τινὰς ἀποκλεισθείσης κύκλους ὑποστῆναι τὸν ἥλιον καὶ τὴν σελήνην καὶ τοὺς ἀστέρας. Ibid. 559, 25—560, 1, Hippol.: τὰ δὲ ἄστρα γίνεσθαι κύκλῳ πυρὸς, ἀποκριθέντα τοῦ κατὰ τὸν κόσμον πυρὸς, περιληφθέντα δ' ὑπὸ ἀέρος.

²⁾ Ibid. 561, 12—15. Hippol.: (по Анаксимену) ἀνέμους δὲ γεννᾶσθαι, ὅταν ἐκπεπυκνωμένος ὁ ἀήρ ἀραιωθείς φέρηται. Въ толкованіи этого извѣстія мы слѣдуемъ Zell. 1. 225. № 1, и Дильсъ замѣчаетъ ἐκπεπυκνωμένος vix explices densitate privatus... nec simul ἀραιωθείς ferri potest. Dox. Diels 560, 8—9 Hippol.: ἀνέμους δὲ γίνεσθαι ἀπο Анаксимандру) τῶν λεπτοτάτων ἀτμῶν τοῦ ἀέρος ἀποκριομένων καὶ ὅταν ἀθροισθῶσι κινουμένων. Подобно Plut. Plac. 111, 7, ibid. 374, 19—22.

³⁾ Ibid. 561, 13—15 Hippol.: (по Анаксимену) συνελθόντος δὲ (ἀέρος) καὶ ἐπλεῖον παχυνθέντος νέφην γεννᾶσθαι καὶ οὕτως εἰς ὕδωρ μεταβάλλειν. Подобное же о дождѣ Plut. Plac. 111, 4, Stob. Ecl. 1, 31. Ibid. 370, 26—29. Arist. Meteor. II 1, 353, b. 5—11.—Οἱ δὲ σοφώτεροι τὴν ἀνθρωπίνην σοφίαν ποιοῦσιν αὐτῆς (τῆς θαλάττης) γένεσιν εἶναι γὰρ τὸ πρῶτον ὑγρὸν ἅπαντα τὸν περὶ τὴν γῆν τόπον, ὑπὸ δὲ τοῦ ἡλίου ξηραίνόμενον τὸ μὲν διατρίψαν πνεύματα καὶ τροπὰς ἡλίου καὶ σελήνης φᾶσι ποιεῖν, τὸ δὲ λειψθὲν θάλατταν εἶναι: διὸ καὶ ἐλάττω γίνεσθαι ξηρανομένην οἴονται, κατέλος εἶσεσθαι ποτε πᾶσαν ξηράν. Александръ изъ Аферодизіады въ толкованіи на это мѣсто говоритъ (см. Doxogr. Diels. 494, 11—495, 1): ταύτης τῆς δόξης ἐγένοντο, ὡς ἱστορεῖ ὁ Θεόφραστος, Ἀναξίμανδρος τε καὶ Διογένης. И Plut. Plac. 111, 16. Dox. Diels. 381, 15—18, говорится: Ἀναξίμανδρος τὴν θάλατταν φησὶ εἶναι: τῆς πρώτης ὑγρασίας λείψανον, ἧς τὸ μὲν πλεῖον μέρος ἀνεξήρανε τὸ πῦρ.

водилъ первый отличавшую его отъ другихъ древнѣйшихъ физиковъ теорію выдѣленія. Тѣмъ удивительнѣе кажется, когда ему приписывается такое ученіе о происхожденіи вышеупомянутой первичной жидкости и о значеніи ея въ мірообразовательномъ процессѣ, которое скорѣе отвѣчало бы теоріи разрѣженія и уплотненія, чѣмъ теоріи выдѣленія. Уже Брандисъ говорилъ, что, по мнѣнію Анаксимандра, эта жидкость была субстратомъ быванія ¹⁾. Целлеръ ²⁾ называетъ ее основнымъ элементомъ и, производя ее, подобно Брандису, изъ смѣшенія тепла и холода, заставляетъ уже изъ нея выдѣляться и землю, и воздухъ, и пламя, образующее звѣзды. Такое начало космогоніи въ системѣ Анаксимандра представляло бы нѣчто достойное изумленія. Первый шагъ космогоническаго процесса, переходъ холоднаго и теплаго въ жидкое, явно былъ бы чистымъ качественнымъ превращеніемъ вещества. Еслибы въ глазахъ самого Анаксимандра онъ не былъ чистымъ качественнымъ превращеніемъ, то чѣмъ его первождкое, единственный основной элементъ, изъ котораго на дѣлѣ выдѣлялось бы тогда сполна все, что относится къ составу міра въ его собственныхъ глазахъ могло бы различаться по своему содержанію отъ того безконечнаго начала, изъ котораго выдѣлились теплое и холодное, вновь слившіяся въ единство этого первождкаго? Но ученіе о качественномъ превращеніи вещества и именно такомъ превращеніи, которое не предполагаетъ и не можетъ предполагать соединеннаго съ нимъ и совершающагося чрезъ его посредство выдѣленія, вполнѣ противорѣчило бы духу Анаксимандровой системы. Поэтому, если Целлеръ самое понятіе выдѣленія у Анаксимандра и понимаетъ такъ, что оно оказывается тѣсно связаннымъ съ понятіемъ качественного превращенія, все же этотъ переходъ уже выдѣлившихся, уже обособившихся другъ отъ друга теплаго и холоднаго въ единство первичной жидкости, переходъ противоположностей сполна во всемъ ихъ объемѣ въ иное и единое бытіе, ни въ какомъ смѣслѣ не можетъ быть названъ выдѣленіемъ, и Целлеръ самъ долженъ былъ употребить здѣсь иной терминъ „смѣшеніе тепла и холода“, о которомъ не знаетъ ни одинъ изъ нашихъ источниковъ, какъ ни одинъ изъ нихъ не знаетъ ничего также и вообще о превращеніи первичной противоположности теплаго и холоднаго въ единство жидкаго. И во всякомъ случаѣ представляется страннымъ,

¹⁾ H. andb. d. Gr. röm. Phil. I, 134.

²⁾ Phil. d. Gr. I, 205—206.

что философъ, назвавшій выдѣленіемъ способъ порожденія разнообразнаго бытія изъ нѣдръ безконечнаго и довольно послѣдовательно, какъ мы видѣли, проводившій эту мысль въ пунктахъ менѣе значительныхъ, вводитъ иное объясненіе въ одномъ изъ первыхъ и важнѣйшихъ моментовъ космогоническаго процесса. Целлерово представленіе дѣла не даетъ никакого отвѣта и на тотъ естественный вопросъ: какой смѣслъ имѣло бы само первичное выдѣленіе теплаго и холоднаго, если это обособленіе качествностей тотчасъ же должно исчезнуть въ однообразіи жидкаго? Не представляется ли эта первичная жидкость въ такомъ случаѣ чѣмъ-то въ родѣ миѳологическаго бога (миѳъ о Зевсѣ и Фанесѣ), поглощающаго все, первоначально возникшее, для того, чтобы выпустить изъ себя новый міръ, съ тѣмъ однако существеннымъ различіемъ отъ него, что ученіе о превращеніи возникшаго разнообразія во всеединство жидкаго не имѣетъ того смысла, который былъ заключенъ въ этой космогонической баснѣ?

Есть, правда, одно свидѣтельство, которое даетъ чрезвычайное значеніе водѣ въ системѣ Анаксимандра. Въ находящейся въ сборникѣ Аристотелевыхъ сочиненій книгѣ de Mel. Xen. et Gorg. ¹⁾ (которую впрочемъ въ новое время большинство ученыхъ считаетъ за подложное, хотя и древнее сочиненіе) Анаксимандру приписывается мнѣніе, что все есть вода. Но Целлеръ самъ совершенно справедливо не даетъ вѣры этому свидѣтельству на томъ основаніи, что оно „обозначаетъ воду не только какъ то, изъ чего міръ произошелъ, но какъ то, изъ чего онъ постоянно состоитъ“, а этому противорѣчатъ всѣ другія и очень вѣскія историческія свидѣтельства ²⁾. Да и тому, кто захотѣлъ бы опираться на это свидѣтельство, говорить о происхожденіи самого жидкаго изъ теплаго и холоднаго было бы уже нельзя ³⁾. Что же касается всѣхъ другихъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о жидкомъ у Анаксимандра и на которыя ссылается Целлеръ, то ни одно изъ нихъ не даетъ основаній заключать, чтобы все остальное бытіе выдѣлялось у Анаксимандра изъ воды. Герміи

¹⁾ 975. b. 22—23.

²⁾ Zeller. Phil. d. Griech. I. 205.

³⁾ Нейгәузеръ, Анах. М. 254, не сомнѣвается однако опираться на это свидѣтельство, хотя, по его взгляду, жидкое не только само возникаетъ въ космогоническомъ процессѣ, но и есть лишь одно изъ двухъ первыхъ выдѣлившихся веществъ у Анаксимандра, а въ текстѣ свидѣтельства говорится: ἕξωρ εἶναι φανερόν το πᾶν. По всей вѣроятности, въ самомъ извѣстіи вслѣдствіе какой-то случайности имя Анаксимандра ошибочно поставлено вмѣсто имени Фалеса.

говорить, что Анаксимандръ признавалъ вѣчное движеніе старше жидкаго. Но если взять во вниманіе контекстъ рѣчи Гермія, то будетъ ясно, что изъ его словъ ни о какомъ особомъ значеніи жидкаго заключать нельзя. Какъ во всемъ своемъ διασπορῶς τῶν ἔξω φιλοσόφωνъ Гермій для доказательства ничтожности мудрости міра хочетъ выставить разнорѣчіе философовъ по всѣмъ вопросамъ ¹⁾, такъ и въ данномъ мѣстѣ его цѣль состоитъ только въ томъ, чтобы показать, что взглядъ, только что высказанный Thalесомъ, тотчасъ же устраненъ Анаксимандромъ; съ этою именно цѣлью, сказавъ, что Thalесъ началомъ признавалъ воду и утверждалъ, что все изъ жидкаго состоитъ и въ жидкое возвращается, онъ съ насмѣшкой противопоставляетъ ему его согражданина Анаксимандра, который вѣчное движеніе призналъ старше жидкаго ²⁾. Очевидно, съ цѣлью Гермія было бы совершенно согласно выразиться такъ, еслибы жидкое никогда не представляло собою у Анаксимандра всего міроваго вещества, а возникало бы изъ безконечнаго на ряду съ какимъ-нибудь другимъ или другими элементами. Въ цитованномъ уже нами мѣстѣ Arist. Meteor. II. 1. и въ параллельномъ мѣстѣ Plac. Plut. говорится только о происхожденіи моря и вѣтровъ изъ испареній жидкаго; о зависимости отъ него по бытію воздуха или земли тамъ нѣтъ ни одного слова, а существованіе огня подлѣ жидкаго даже несомнѣнно уже предполагается, такъ какъ испаренія воды ставятся въ зависимость отъ теплоты солнца. Plut. Plac., правда, употребляетъ названіе первичной жидкости (ἡ πρώτη ὑγρασία). Но жидкое, существовавшее въ первое время бытія міра и потомъ испарившееся, развѣ не могло естественно получить названіе первичной жидкости въ сравненіи съ теперь существующимъ моремъ—ничтожнымъ остаткомъ его въ большемъ углубленіи земли, хотя бы это жидкое и не претендовало на значеніе всеединого вещества міра? Комментарій Александръ относитъ къ Анаксимандру еще другое мѣсто изъ Метеорологіи Аристотеля именно II. 2. 355 a. 21—25 ³⁾.

¹⁾ Doxogr. Diels, 651. 5—8: δοκεῖ γάρ μοι (ἡ σοφία τοῦ κόσμου τούτου) τὴν ἀρχὴν εἰληφέναι ἀπὸ τῆς τῶν ἀγγέλων ἀποστασίας, δι' ἣν αἰτίαν οὔτε σύμφωνα οὔτε ὁμόλογα οἱ φιλόσοφοι πρὸς ἀλλήλους λέγοντες ἐκτίθενται τὰ δόγματα.

²⁾ Ibid. 653. 20—24: Ἀλλαχόθεν δέ μοι Θαλῆς τὴν ἀλήθειαν νεύει ὀρίζμενος ὕδωρ τοῦ παντὸς ἀρχὴν· καὶ ἐκ τοῦ ὑγροῦ τὰ πάντα συνίσταται καὶ εἰς ὑγρὸν ἀναλύεται... διὰ τί τοίνυν μὴ πεισθῶ Θαλῆ τῆ προεσβυτάτῃ τῶν Ἰώνων; ἀλλ' ὁ πολίτης αὐτοῦ Ἀναξίμανδρος τοῦ ὑγροῦ προεσβυτέραν ἀρχὴν εἶναι λέγει τὴν αἰδίον κίνησιν.

³⁾ Τὸ δ' αὐτὸ συμβαίνει καὶ τούτοις ἄλογον καὶ τοῖς φασκουσι τὸ πρῶτον ὑγρὰ οὔσης καὶ τῆς γῆς, καὶ τοῦ κόσμου τοῦ περὶ τὴν γῆν ὑπὸ τοῦ ἡλίου θερμαινομένου,

Въ этомъ мѣстѣ жидкому приписывается наибольшее значеніе въ космогоническомъ процессѣ: здѣсь говорится о землѣ, бывшей нѣкогда въ жидкомъ состояніи, о возникновеніи не только вѣтровъ, но и самаго воздуха вслѣдствіе высыханія жидкаго и о расширеніи неба. Однако о возникновеніи огня изъ жидкости не говорится и здѣсь; на оборотъ, самое происхожденіе вѣтровъ и воздуха объясняется, подобно какъ и во II, 1, дѣйствіемъ уже существующей солнечной теплоты. Поэтому, если даже и приписать этотъ взглядъ Анаксимандру, какъ это дѣлается обыкновенно, то отсюда можно было бы оправдать никакъ не взглядъ Целлера а лишь взглядъ Нейгаузера, отождествляющаго изъ первыхъ двухъ выдѣлившихся противоположностей, теплаго и холоднаго, послѣднюю съ τὸ ὑγρὸν и затѣмъ изъ нея выдѣляющаго землю и воздухъ ¹⁾. Но положиться на свидѣтельство Александра въ данномъ случаѣ едва ли можно. На свидѣтельство Теофраста онъ уже здѣсь не ссылается, какъ ссылался при комментарий Meteor. II, 1, и поддержки въ извѣстіяхъ доксогографовъ уже не находитъ. Въ то же время есть, мнѣ кажется, и нѣкоторыя положительныя основанія думать, что онъ въ этомъ случаѣ руководится не преданіемъ, а личнымъ соображеніемъ, вѣроятно, простымъ сходствомъ въ нѣкоторыхъ чертахъ этого взгляда со взглядомъ, о которомъ говоритъ Аристотель въ Meteor. II, 1. Я позволю себѣ обратить вниманіе на тотъ замѣчательный фактъ, что то особое значеніе, какое приписывается жидкому по взгляду, изложенному въ Meteor. II, 2, судя по дѣшедшимъ до насъ извѣстіямъ, несомнѣнно принималось однимъ изъ философовъ древности; только эти извѣстія приурочиваютъ это ученіе къ другому имени, а не къ имени Анаксимандра. Въ Meteor. II, 2, говорится о взглядѣ, по которому земля первоначально находилась въ жидкомъ состояніи и міръ во кругъ нея нагрѣвался солнцемъ, отчего, конечно, и должно было послѣдовать осушеніе земли; Гипполитъ извѣщаетъ насъ, что, по ученію Архелая, солнце осушило землю, которая первоначально представляла массу стоячей воды ²⁾. По передаваемому въ Meteor. II, 2, ученію, изъ жидкаго подлѣ вліяніемъ солнечной теплоты возникъ воздухъ; по ученію Архелая, передаваемому Гипполитомъ и Діогеномъ Лаэрт-

ἀέρα γενέσθαι καὶ τὸν ὄλον οὐρανὸν ἀύξηθῆναι, καὶ τοῦτον πνεύματά τε παρέχεσθαι καὶ τὰς τροπὰς αὐτοῦ ποιεῖν.

¹⁾ Neuhaeuser. Anax. M. 248—250.

²⁾ Doxogr. Diels, 563. 25—26 Hippol. (объ Архелая): καὶ οὕτως τὸν ἥλιον ἐπὶ τῆς γῆς ποιῆσαι φῶς... καὶ τὴν γῆν ξηρὰν. λίμνην γάρ εἶναι τὸ πρῶτον.

скимъ, воздухъ также возникаетъ изъ воды подѣ влияніемъ жара ¹⁾. Даже то расширеніе міра вслѣдствіе возникновенія воздуха, о которомъ также говорится въ Meteor. II, 2, находитъ себѣ нѣчто соответствующее въ извѣстіяхъ объ Архелая. Судя по извѣстіямъ о первоначальномъ положеніи у него впервые возникшихъ стихій, огня и воды, а также и по одному темному, правда, указанію на образованіе свѣтила небесныхъ, нужно полагать, что въ этотъ древнѣйшій періодъ мировой жизни огонь, по его ученію, долженъ былъ обнимать воду, непосредственно соприкасаясь съ нею. Такъ какъ теперь о возникшемъ воздухѣ замѣчается, что онъ поднимается вверхъ, то совершенно понятно, что это поднятіе вверхъ воздуха, должно было означать въ глазахъ Архелая расширеніе неба и уносить раскаленные части возникающей земли (небесныя свѣтила) въ отдаленныя отъ центра пространства ²⁾. Такое совпаденіе основныхъ чертъ упоми-

¹⁾ Ibid. 18—20: τηχόμενον δὲ τὸ ὕδωρ εἰς μέσον ρεῖν, ἐν ᾧ (καὶ) κατακαίμενον ἀέρα γίνεσθαι καὶ γῆν. Diog. Laert. ed. Didot. 1878. Π. 4. p. 37. 14—16: τηχόμενον φησι ('Αρχέλαος) τὸ ὕδωρ ὑπὸ τοῦ θερμοῦ καθὸ μὲν... καθὸ δὲ περιρρεῖ ἀέρα γεννᾶν.

²⁾ Слич. у Hipp. цит. предш. τὸ ὕδωρ εἰς μέσον ρεῖν. Dox. Diels, 563, 21—23: κεῖσθαι δ' [τὴν γῆν] ἐν τῷ μέσῳ οὐδὲν μέρος οὖσαν, ὡς εἰπεῖν, τοῦ παντός, ἐκδεδομένον ἐκ τῆς πυρώσεως, ἀφ' οὗ πρῶτον ἀποκαίμενον τὴν τῶν ἀστέρων εἶναι φύσιν, ὣν μέγιστον μὲν ἥλιον, δεύτερον δὲ σελήνην, τῶν δὲ ἄλλων τὰ μὲν ἐλάττω, τὰ δὲ μείζω. Изъ этого, очевидно, испорченного мѣста, слѣдуетъ, однако, по видимому, заключить, что свѣтила центрального происхожденія, то-есть, изъ того же вещества, изъ котораго формировавшаяся земля, и образовались во время ранняго накаленія этого вещества пламенемъ (ἀφ' οὗ πρῶτον ἀποκαίμενον τὴν τῶν ἀστέρων εἶναι φύσιν). На тотъ же процессъ указываетъ извѣстіе Diog. L. 27. 14—15: τηχόμενον φησι τὸ ὕδωρ ὑπὸ τοῦ θερμοῦ, καθὸ μὲν εἰς τὸ πυρώδες συνίσταται, ποιεῖν γῆν, καθὸ δὲ κτλ. (см. цит. предш.). Измѣненіе здѣсь πυρώδες въ τωρώδες или въ πηλώδες, точно также какъ и предлагаемая Дильсомъ вслѣдъ за Рёперомъ въ свѣдѣльствѣ Гипполита передъ словомъ ἐκδεδομένον вставка, вводящая воздухъ, по моему мнѣнію, описываемаго процесса не уяснять. Чтобы уяснить его себѣ, слѣдуетъ, имѣя въ виду вышесказанное сейчасъ извѣстіе Гипполита, предположить центральное образованіе свѣтила и, сверхъ того, принять во вниманіе извѣстіе Стобея Ekl. 1, 24. Dox. Diels, 342, 1—2: 'Αρχέλαος μύδροος ἐφησαν εἶναι τοὺς ἀστέρας διαπύροος δέ. Въ моменты пырѣсѣсѣ центра раскалялись и въ то же время подѣ влияніемъ сильнаго жара отвердѣвали боковыя стороны жидкаго центрального тѣла (огонь обнималъ землю съ боковъ, какъ это ясно будетъ изъ дальнѣйшаго), подготавливая основу будущей земли; но вскорѣ затѣмъ ввротнѣ, ближайшіе за ними слои жидкости, преимущественно на поверхности этого тѣла, лдѣ жаръ былъ не столь силенъ, превращаясь въ воздухообразное состояніе, расширяясь и растекаясь во все стороны, по мѣрѣ скопленія ихъ устремляются

наемаго Аристотелемъ ученія со взглядами Архелая едва ли оставляетъ мѣсто сомнѣнію, что Аристотель долженъ былъ въ Meteor. II, 2, имѣть въ виду Архелая. Конечно, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы подобнаго же мнѣнія не держался и Анаксимандръ. Но если Александръ при комментарий къ этому мѣсту объ Архелая вовсе не упоминаетъ, а объ Анаксимандрѣ другихъ свѣдѣній, подтверждающихъ его показаніе, нѣтъ, то мы вправѣ предположить, что Александръ руководился простою догадкой. На ту же мысль наводитъ и другое обстоятельство. Въ той же Метеорологіи II, 2, передъ самымъ изложеніемъ этого взгляда на происхожденіе изъ жидкости воздуха и пр., Аристотель подвергаетъ критическому разбору мнѣніе тѣхъ, которые утверждали, что солнце питается влажнымъ и для этого, какъ полагали нѣкоторые изъ нихъ, совершаетъ свои повороты по мѣрѣ оскудѣнія влаги на своемъ пути; при этомъ, конечно, предполагалось ими, что солнце привлекаетъ къ себѣ влагу въ формѣ испареній ¹⁾. Александръ, разъясняя ученіе о поворотахъ солнца тѣхъ философовъ, о которыхъ Аристотель упоминаетъ въ Meteor. II, 1, и въ которыхъ онъ

вверхъ, ibid. 563, 19—20 Hippol.: τὸν μὲν [ἀέρα] ἄνω φέρεσθαι, и разбрасываютъ часть боковой раскаленной массы на далекія проетранства, расширяя такимъ образомъ объемъ міра (Аристотелевское τὸν βλον οὐρανὸν αὐξηθῆναι). Такъ въ центрѣ остается лишь основа земли въ собственномъ смыслѣ. (Можетъ быть, извѣстіе о центральномъ образованіи свѣтила лежитъ въ основаніи страннаго и явно ошибочнаго показанія Елифанія объ Архелая: Dox. Diels. 590. 2—3: 'Εκ γῆς τὰ πάντα λέγει γενεθῆσθαι: αὕτη γὰρ ἀρχὴ τῶν βλων ἐστίν, ὡς φησι). Отдлившіяся отъ боковыхъ частей земли большія свѣтила отбрасываются *отъ стороны*, и процессъ ихъ вращанія въ началѣ совершается *параллельно земной поверхности*, такъ какъ указывается какъ на особый фактъ (ibid., 563. 24—25) ἐπικλιθῆναι δὲ τὸν οὐρανὸν, καὶ ὁτῶς τὸν ἥλιον ἐπὶ τῆς γῆς ποιῆσαι φῶς κтл., который, ввротнѣ, совершился подѣ влияніемъ продолжающагося образованія воздуха по сторонамъ земли; болѣе отвердѣвшіе и высокіе бока центрального тѣла и болѣе углубленная вслѣдствіе происшедшихъ испареній его жидкая поверхность даютъ ему видъ τῆς λίμνης (ibid. 25—27: λίμνην γὰρ εἶναι τὸ πρῶτον, ἅτε κύλιφ μὲν οὖσαν ὑψηλήν, μέσον δὲ κοίλην); послѣ наклона неба оно постепенно осушается падающимъ на поверхность его свѣтомъ солнца, хотя просачивающаяся сквозь отвердѣвшіе слои вода даетъ все же существованіе морю. (Diog. L. 37. 21—22: τὴν δὲ θάλατταν ἐν τοῖς κοίλοις διὰ τῆς γῆς ἡθουμένην συνστάται). Такъ, по видимому, мы можемъ представить себѣ космогоническій процессъ у Архелая.

¹⁾ Arist. Meteor. II, 2, 354 кон.—355: διὸ καὶ γελοῖοι παντες, ὅσοι τῶν πρότερον ὑπελαβον τὸν ἥλιον τρέφεσθαι τῷ ὑγρῷ, καὶ διὰ τοῦτ' ἐνίοι γέ φασι καὶ ποιεῖσθαι τὰς τροπὰς αὐτῶν: οὐ γὰρ δεῖ τοὺς αὐτοὺς δύνασθαι τόπους παρασκευάζειν αὐτῷ τὴν τροφήν. . . . τὸ δ' ὑγρὸν τῷ πυρὶ τροφήν εἶναι μόνον, ὡσπερ ἀφικνούμενον μέχρι πρὸς τὸν ἥλιον τὸ ἀναγόμενον τοῦ ὑγροῦ κтл.

на основаніи свидѣтельства Теофраста видитъ Анаксимандра и Діогена Аполлонійскаго, выражается такъ, что едва ли можно удержаться отъ предположенія, что онъ толкуетъ ученіе этихъ философовъ именно въ смыслѣ того мнѣнія, которое въ Meteor. II, 2, опровергаетъ Аристотель. Говоря, что солнце и луна совершаютъ повороты, по этому ученію, διὰ τὰς ἀτρίδας и τὰς ἀναθυμιάσεις, онъ прибавляетъ, что они вращаются около тѣхъ мѣстъ, гдѣ ἡ ταύτης (то-есть, жидкости) αὐτοῖς χορηγία γίνεται ¹⁾. Но Аристотель очень ясно отличаетъ лицъ, держащихся критикуемаго имъ мнѣнія о питаніи солнца испареніями, отъ философовъ, учившихъ о происхожденіи воздуха изъ влажности и о жидкомъ состояніи земли. Переходя отъ первыхъ ко вторымъ, онъ

¹⁾ Dox. Diels. 494, 5—9: τὰ πρῶτα τῆς ὑγρότητος ἀπὸ τοῦ ἡλίου ἐξατρίζεσθαι καὶ γίνεσθαι [τὰ] πνεύματά τε ἐξ αὐτοῦ (Usener. ἐξ αὐτῆς) καὶ τροπὰς ἡλίου τε καὶ σελήνης, ὡς διὰ τὰς ἀτρίδας ταύτας καὶ τὰς ἀναθυμιάσεις κακείνων τὰς τροπὰς ποιοῦμένων, ἐνθα ἡ ταύτης αὐτοῖς χορηγία γίνεται περὶ ταῦτα τροπομένων. Нейгәузеръ, Анах. М. 404—405, даетъ другой смыслъ этому мѣсту, онъ переводитъ его такъ: некоторые физики говорятъ: e natura humida ventos origi hisque solis et lunae conversiones per circulum eclipticum (τὰς τροπὰς) effici, ea utentes ratione (ὡς), quod quoniam illae stellae conversiones faciunt circa ea ipsa loca, ubi maxima naturae humidae copia sit (περὶ ταῦτα τροπομένων ἐνθα . . .), propter ipsos huius naturae vapores putandae sint conversiones facere. Послѣ этого перевода словъ Анаксандра Нейгәузеръ считаетъ возможнымъ даже растолковать на основаніи ихъ мнѣніе Анаксимандра въ томъ смыслѣ (407), что солнце всегда стремится a bruma ad solstitium, но когда приближается къ этой послѣдней точкѣ-отгъняется постепенно назадъ (ad brumam) вѣтрами, происходящими вслѣдствіе испареній моря отъ солнечнаго зноя. Само собою понятно, что подобное толкованіе есть гипотеза, которая, по крайней мѣрѣ въ словахъ Александра, не можетъ найти для себя ни малѣйшей опоры. Что касается самаго Нейгәузерова перевода этихъ словъ, который даетъ возможность толковать ихъ не въ смыслъ теоріи поглощенія солнцемъ испареній, то мнѣ кажется, что, еслибы Нейгәузеръ при своемъ переводѣ не замѣнилъ фразы подлинника „происходить какъ вѣтры, такъ и повороты“ другою фразой „изъ вѣтровъ происходятъ повороты“, а особенно, еслибы онъ не опустилъ вовсе αὐτοῖς передъ χορηγία, вслѣдствіе чего слово copia, которымъ онъ переводитъ χορηγία, получило у него значеніе просто обилія, безъ отношенія къ пользованію со стороны другаго предмета, то ему едва ли было бы удобно лишить слова Александра того смысла, который, по видному, достаточно ясно просвѣчиваетъ въ нихъ. Слѣдуетъ прибавить, что тотчасъ за приведенными словами Александръ говоритъ о морѣ какъ остаткѣ жидкости и о постепенной дальнѣйшей его убыли, и затѣмъ, сославшись на свидѣтельство Теофраста, что такого мнѣнія держались Анаксимандръ и Діогенъ, разъясняетъ, что Діогенъ считалъ причиною соленнаго вкуса моря *привлеченіе солнцемъ сладкихъ элементовъ* изъ него (ἀνάγοντος τοῦ ἡλίου τὸ γλυκόν): нужно ли и здѣсь видѣть только вѣтры?

говорить: „но одинаково неразумно поступаютъ эти, какъ и тѣ, которые утверждаютъ, что когда земля находилась въ жидкомъ состояніи“ ¹⁾ и пр. Ясно, что, если Анаксимандръ и Діогенъ дѣйствительно объясняли повороты солнца такъ, какъ, по видимому, разъясняетъ ихъ ученіе Александръ ²⁾, то ученіе о происхожденіи воздуха изъ жидкаго и пр. къ нимъ не относится. Если же они такъ не учили, то все же будетъ слѣдовать отсюда, что Александръ, приписывающій имъ это ученіе, не имѣлъ точнаго представленія о космогоническомъ процессѣ у нихъ, а слѣдовательно, не подтвержденное другими свидѣтельствами его мнѣніе по этому вопросу значенія имѣть не можетъ. Приписать Анаксимандру ученіе о происхожденіи воздуха изъ жидкости подъ влияніемъ солнечной теплоты едва ли было бы удобно въ виду свидѣтельства Plut. Strom., по которому, самое выдѣленіе огненной сферы, изъ которой должны образоваться всѣ небесныя свѣтила, уже предполагало у Анаксимандра существованіе сферы воздушной, вокругъ которой огненная сфера обвивается ³⁾. И сомнительно, чтобы Аристотель, если взгляды, о которомъ онъ говоритъ въ Meteor. II, 1, одинъ и тотъ же со взглядомъ, упоминаемымъ имъ въ II, 2, не указалъ въ первомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, на ученіе о происхожденіи воздуха изъ жидкости, какъ на одну изъ характеристическихъ его чертъ, такъ какъ эта черта не только важна сама по себѣ, но и составляетъ между прочимъ предметъ его критики въ той же Meteor. II, 2 ⁴⁾.

Такимъ образомъ мы не имѣемъ сколько-нибудь твердыхъ основаній предполагать, чтобы, по мнѣнію Анаксимандра, земля и воздухъ выдѣлялись изъ перваго элемента чрезъ посредство жидкаго, и еще менѣе имѣемъ основаній превращать теплое и холодное въ перво-жидкое и смотрѣть на послѣднее, какъ на всеединный элементъ, изъ котораго затѣмъ выдѣляется даже и огненная стихія. Обособившаяся для образованія нашего міра часть безконечнаго, то, что въ Plut.

¹⁾ Arist. Meteor. II, 2, 355, a. 21: Τὸ δ' αὐτὸ συμβαίνει καὶ τοῖς αἰῶνος καὶ τοῖς φάσκειν τὸ πρῶτον ὑγρὰς οὐραῆς κτλ.

²⁾ Целлеръ, Phil. d. Gr. 1, 208, № 3, совершенно справедливо находитъ, что нельзя съ увѣренностію утверждать, что ссылка Александра на Теофраста простирается и на это объясненіе, а не касается только взгляда на море какъ на остатокъ жидкости, постепенно испарявшейся.

³⁾ См. выше.

⁴⁾ 355, 25—32.

Strom. названо τὸ ἐκ αἰθέρος γόνυμον θερμὸν τε καὶ ψυχρὸν ¹⁾, конечно, было у него единственнымъ субстратомъ, единственнымъ основнымъ элементомъ міровой жизни; какъ τὸ γόνυμον θερμὸν этотъ субстратъ выдѣлилъ огненную кору міра; какъ τὸ γόνυμον ψυχρὸν онъ долженъ былъ выдѣлять все, обнимавшееся понятіемъ холоднаго. И строго держась вышеизложенныхъ извѣстій о космическомъ процессѣ у Анаксимандра, въ достовѣрности которыхъ мы не имѣемъ основаній сомнѣваться, мы должны заключить, что выдѣленіе для него не было только абстрактнымъ терминомъ, которымъ обозначалось бы лишь въ отвлеченномъ мышленіи отношеніе вообще между безконечнымъ и конечнымъ и который стоялъ бы въ шаткой и неопредѣленной связи съ конкретнымъ описаніемъ мірообразовательнаго процесса. Идея выдѣленія, очевидно, проводилась имъ послѣдовательно и настоятельно даже въ подробностяхъ, къ сожалѣнію, лишь отрывочно извѣстной намъ его космогоніи.

Общій взглядъ Аристотеля на природу Анаксимандрова безконечнаго.

Если Анаксимандръ пользовался понятіемъ выдѣленія какъ въ ученіи вообще о происхожденіи всего производнаго бытія изъ бытія первоначальнаго, такъ и въ разъясненіи частныхъ мірообразовательныхъ процессовъ, то онъ долженъ былъ предполагать, что его безконечное какимъ-то образомъ искони содержитъ, заключаетъ въ себѣ то разнообразіе качествностей, изъ котораго состоитъ міръ. Единственнымъ два свидѣтельства Аристотеля о природѣ Анаксимандрова безконечнаго, въ которыхъ прямо называется Анаксимандръ по имени, если понять ихъ правильно, содержатъ въ себѣ именно эту мысль, только дополняя ее другою мыслью, что существованіе въ безконечномъ разнообразіи не препятствовало ему быть единымъ. Сказать иначе, по этимъ свидѣтельствамъ, безконечное не было чистымъ множествомъ, оно было единымъ, способнымъ только разлагаться на многое и, слѣдовательно, какимъ-то образомъ совмѣщающимъ его въ себѣ.

Поставивъ въ началѣ второй главы первой книги физики вопросъ, одно ли начало (ἀρχή) или ихъ нѣсколько, и если одно, то неподвижное ли, какъ говорили элеаты, или подвижное, какъ утверждали физики монисты, а если нѣсколько, то сколько ихъ именно и каковы

¹⁾ Съ разъясненіемъ этого термина мы будемъ имѣть дѣло далѣе.

они, Аристотель, опровергнувъ затѣмъ мнѣніе элеатовъ, переходитъ къ взглядамъ физиковъ и говоритъ (начало четвертой главы): „Физики рассуждаютъ двояко. Именно одни, принявъ существующее за еѣное тѣло въ смыслѣ субстрата, за одну какую-нибудь изъ трехъ стихій (разумѣются огонь, воздухъ и вода, такъ какъ землю за единственное начало никто не принималъ) или за нѣчто другое, что плотнѣе огня, но тоньше воздуха, остальное порождаетъ, производя (изъ единаго) многое чрезъ разрѣженіе и уплотненіе, а разрѣженіе и уплотненіе суть противоположности, вообще избытокъ и недостатокъ... Другіе же (говорятъ), что изъ единаго выдѣляются существующія въ немъ противоположности, какъ утверждаетъ Анаксимандръ, а также (говорятъ такъ) и тѣ, которые принимаютъ бытіе единаго и многаго, какъ Эмпедоклъ и Анаксагоръ, такъ какъ изъ сѣшенія выдѣляютъ остальное и они“ ¹⁾.

Изъ словъ Аристотеля прежде всего ясно, что среди физиковъ онъ различаетъ двѣ группы: οἱ μὲν... οἱ δέ. У этихъ группъ ясно предполагаются нѣкоторыя общія черты, которыя состоятъ: 1) въ признаніи обѣими группами нѣкотораго единства первоначальнаго бытія: о философахъ, относящихся къ первой группѣ, ясно говорится, что они ἐν ποιήσαντες τὸ ὄν σῶμα τὸ ὑποκείμενον; о философахъ, относящихся ко второй, во всякомъ случаѣ утверждается, что они выдѣляютъ остальное ἐκ ἐνός; 2) въ признаніи также обѣими группами нѣкоторой множественности равно первоначальной: эта множественность у однихъ состоитъ въ противоположностяхъ разрѣженія и уплотненія, у другихъ—въ противоположностяхъ, выдѣляемыхъ ими изъ единаго. Различіе группъ ставится собственно въ томъ, что множественность или противоположности у однихъ не составляютъ самаго содержанія единаго; онѣ представляютъ собою только различныя еѣ состоянія или формы, въ которыхъ дано одно и то же содержаніе, которое, принимая это различіе формы, само является вслѣдствіе того въ различномъ видѣ, изъ единаго дѣляясь многимъ; у другихъ, на оборотъ, противоположности составляютъ какимъ-то образомъ самое содержаніе единаго, такъ что оно выдѣляетъ ихъ изъ себя;

¹⁾ Ὡς δ' οἱ φυσικοὶ λέγουσι, δύο τρόποι εἶσιν· οἱ μὲν γὰρ ἐν ποιήσαντες τὸ ὄν σῶμα τὸ ὑποκείμενον, ἢ τῶν τριῶν τι ἢ ἄλλο, ὃ ἐστὶ πικρότερον ἀέρος δὲ λεπτότερον, τὰλλα γεννώσι πικρότητι καὶ μονότητι πολλά ποιῶντες. ταῦτα δ' ἐστὶν ἐναντία, καθόλου δ' ὑπεροχή καὶ ἔλλειψις... οἱ δ' ἐκ τοῦ ἐνός ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνεσθαι, ὡσπερ Ἀναξίμανδρός φησι καὶ ὅσοι δ' ἐν καὶ πολλά φασί· εἶναι, ὡσπερ Ἐμπδοκλῆς καὶ Ἀναξαγόρας· ἐκ τοῦ μίγματος γὰρ καὶ οὗτοι ἐκκρίνουσι τὰλλα.

отсюда и самое происхождение остального бытія характеризуется у однихъ какъ порожденіе, производящее множественность (τὰλλα γεννῶσι πολλὰ ποιοῦντες ποικιλότητι κтл.), у другихъ оно есть простое выдѣленіе изъ единого того, что уже существуетъ въ немъ ¹⁾. Ко второй группѣ отнесенъ Аристотелемъ Анаксимандръ. Слѣдовательно, Аристотель утверждаетъ объ Анаксимандрѣ, что онъ за начало признавалъ единое, въ которомъ, однако, предполагается искони содержащимся многое.

Но этимъ не ограничивается все, что можно извлечь изъ словъ Аристотеля. Ко второй группѣ тотчасъ же Аристотель присоединяетъ новую фракцію философовъ, признающихъ началами единое и многое (οἱ δὲ... καὶ ὅσοι...); в отношеніе, которое устанавливается Аристотелемъ между этою фракціей и Анаксимандромъ, если всмотрѣться въ него внимательно, дѣлаетъ яснѣе взглядъ Аристотеля на самое безконечное Анаксимандра. По наиболѣе принятому толкованію этого мѣста, Эмпедокль и Анаксагоръ, которые разумѣются Аристотелемъ подъ ὅσοι ἐν καὶ πολλὰ φασὶ εἶναι, сближаются здѣсь съ Анаксимандромъ только въ понятіи ἐκκρίνεσθαι. Но съ этимъ толкованіемъ ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться. У тѣхъ, которые опредѣляются какъ ὅσοι κтл., нѣтъ своего предиката, чрезъ каѣ они соединены съ οἱ δὲ, и къ нимъ, слѣдовательно, отнесенъ тотъ предикатъ, который приписанъ οἱ δὲ, а о οἱ δὲ сказано, что, по ихъ ученію, изъ единого выдѣляются существующія въ немъ противоположности. Далѣе, если Эмпедоклу и Анаксагору въ этихъ словахъ Аристотеля приписывается ученіе только о выдѣленіи противоположностей или о выдѣленіи ихъ изъ смѣшенія въ смыслѣ безпорядочнаго соединенія разнородныхъ частицъ, то спрашивается, почему Аристотель, говоря здѣсь о δύο τρόποιι разсужденій физиковъ вообще, не упоминаетъ объ атомистахъ, хотя въ слѣдующей же главѣ говоритъ о признаніи ими противоположностей, а въ De coel. III. 7 b. нач. и въ Phys. II. 4. 196. a. 24 (слич. Simpl. in Phys. 331. 16—25) усвоаетъ имъ и τὴν κίνησιν τὴν διακρίνασαν? Это умолчаніе объ атомистахъ можно объяснить только тѣмъ, что Ари-

¹⁾ Терминъ γεννῶν Аристотель часто употребляетъ для обозначенія вообще возникновенія, какимъ бы способомъ оно ни происходило, но здѣсь этотъ терминъ соединенъ съ ποιοῦντες πολλὰ и въ этомъ соединеніи употребленъ лишь о первой группѣ, а во второй ему ясно противопоставлено выдѣленіе уже существующаго въ единомъ; и если терминъ выдѣленіе непосредственно противопоставляется терминамъ разрѣженія и сплотненія, то усиливающая понятіе выдѣленія прибавка ἐνοῦσας, очевидно имѣетъ себѣ соотвѣтствіе въ γεννῶσι, ποιοῦντες πολλὰ.

стотель говорить не просто о выдѣленіи противоположностей, а о выдѣленіи изъ единого, чего, конечно, ни въ какомъ смыслѣ онъ не могъ приписать атомистамъ, такъ какъ они слишкомъ ясно и рѣшительно настаивали на томъ, что οὐτ' ἐξ ἐνός πολλα γίνεσθαι, οὔτε ἐκ πολλῶν ἐν, ἀλλὰ τῇ τούτων συμπλοκῇ καὶ περιπέσει πάντα γεννᾶσθαι ¹⁾. Наконецъ, приписаніе плюралистамъ Эмпедоклу и Анаксагору ученія объ единомъ стоитъ въ очевидномъ соотвѣтствіи съ приписаніемъ въ тѣхъ же словахъ Аристотеля монистамъ, признававшимъ за начало огонь или воздухъ и пр. под., ученія о противоположностяхъ, уплотненіи и разрѣженіи, которыя тотчасъ же называются даже началами ²⁾. Въ цѣломъ, обнимающемъ нѣсколько главъ, разсужденіи о началахъ, къ которому относятся разбираемые нами слова Аристотеля, онъ имѣетъ въ виду доказать, что къ началамъ относятся противоположности, но, что въ то же время необходимо принять и единый субстратъ. По обычаю своему обращаясь при доказательствѣ своего взгляда къ опѣнкѣ взглядовъ своихъ предшественниковъ, Аристотель при этой опѣнкѣ въ рѣшительный антагонизмъ становится только съ ученіемъ элеатовъ объ единомъ и неподвижномъ бытіи, которое не представляло точекъ соприкосновенія съ его ученіемъ. Ученія же физиковъ, хотя и при самой постановкѣ вопроса о началахъ ³⁾, и въ разбираемомъ мѣстѣ ⁴⁾ Аристотель ясно различаетъ между ними монистическія и плюралистическія, очевидно намѣренно характеризуются имъ такъ, что ясно виднѣтъ у нихъ наклонъ къ его собственному взгляду. Этимъ объясняется упоминаніе о разрѣженіи и уплотненіи при характеристикѣ монистовъ, которое даетъ Аристотелю возможность при разъясненіи своего собственнаго ученія о противоположностяхъ сослаться на общее согласіе въ признаніи противоположностей началами ⁵⁾. Отсюда же должно было возникать и обрат-

¹⁾ Arist. de coel. III. 4. 303. a. 6—8.

²⁾ Phys. I. 5, нач.: πάντες δὲ τὰναντία ἀρχὰς ποιοῦσιν, οἱ τε λέγοντες, ὅτι ἐν τὸ παν... καὶ οἱ μανόν καὶ ποικίλον.

³⁾ Ibid., 2, нач.: Ἀνάγκη δ' ἦτοι μίαν εἶναι τὴν ἀρχὴν ἢ πλείους, καὶ εἰ μίαν, ἦτοι ἀκίνητον, ὡς φησι Παρμενίδης καὶ Μελισσος, ἢ κινουμένην ὡσπερ οἱ φυσικοί, οἱ μὲν ἀέρα φάσκοντες εἶναι οἱ δ' ὕδωρ τὴν πρώτην ἀρχὴν· εἰ δὲ πλείους, ἢ πεπερασμένας ἢ ἀπείρους κтл.

⁴⁾ ἐν ποιήσαντες τὸ ἐν σῶμα τὸ ὑποκείμενον и ἐν καὶ πολλὰ φασὶ εἶναι.

⁵⁾ См. вышеприв. цит. Phys. I. 5. нач. Тотчасъ затѣмъ разъяснивъ то же на Демокритѣ, Аристотель говоритъ: ὅτι μὲν οὖν τὰναντία πως πάντες ποιοῦσι τὰς ἀρχὰς, δῆλον καὶ τοῦτο εὐλόγως κтл.

ное стремление искать, гдѣ это возможно, и у плюралистовъ единого, изъ котораго выдѣлялись бы противоположности. Такъ дѣлается понятными отнесеніе къ Анаксагору и Эмпедоклу ученія о выдѣленіи всего изъ единого. Но такъ какъ все же не у всѣхъ плюралистовъ это можно было найти, то при дальнѣйшемъ разьясненіи своего ученія объ единствѣ вещества Аристотель на общее согласіе физиковъ сослаться уже не можетъ, поэтому тамъ онъ предпочитаетъ указать лишь на тѣхъ, которые ясно и рѣшительно проводили монизмъ¹⁾; однако отсюда отнесеніе къ Эмпедоклу и Анаксагору ученія ἐκ ἑνός ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνεσθαι не теряетъ своего значенія даже для разьясненія имъ своего ученія; это значеніе чувствуется въ томъ, что доказывая единство субстрата, онъ, въ виду указанной имъ почти общей тенденціи физиковъ къ монизму, не поднимаетъ полемики противъ чистаго плюрализма, подобно тому, какъ доказывая свое ученіе о противоположностяхъ, онъ ограничивается полемикой лишь противъ слишкомъ значительнаго увеличенія числа ихъ и не входитъ въ критическое разсмотрѣніе ученія объ единомъ ἀρχή, имъ же самимъ (въ началѣ всего изслѣдованія) приписаннаго нѣкоторымъ физикамъ. Итакъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Аристотель переноситъ приписанное имъ Анаксимандру ученіе на Эмпедокла и на Анаксагора. Но въ этомъ же самомъ мѣстѣ не менѣе ясно онъ даетъ понять и различіе, которое, по его мнѣнію, существуетъ между первымъ и послѣдними. Анаксимандру онъ приписываетъ ученіе о выдѣленіи всего изъ единого прямо безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій (ὡς περ Ἀναξίμανδρος φησι): присоединяя же къ Анаксимандру Анаксагора и Эмпедокла, онъ считаетъ необходимымъ привести особое основаніе, которое уполномочиваетъ отнести то же ученіе и къ нимъ (ἐκ μίματος γὰρ κτλ.). Это значитъ, что оно не дано въ ихъ системахъ такъ прямо и ясно, какъ дано въ системѣ Анаксимандра, и можетъ быть отнесено къ нимъ лишь на основаніи косвенныхъ соображеній. Съ другой стороны, присоединяя ихъ къ Анаксимандру, онъ характеризуетъ ихъ какъ ὅσοι ἐν καὶ πολλὰ φασὶ εἶναι. Эта характеристика, очевидно, напоминаетъ, что при самой установкѣ вопроса о числѣ началъ, они отнесены были къ философамъ, признававшимъ не одно, а многія начала; такъ какъ она стоитъ въ видимомъ противорѣчій съ усвояемымъ теперь имъ ученіемъ о выдѣленіи изъ единого, то она какъ бы указываетъ на тотъ поводъ, который застав-

¹⁾ Ibid. I. b. 189. b. нач.

ляетъ Аристотеля не ограничиваться простымъ перенесеніемъ этого ученія съ Анаксимандра на Эмпедокла и Анаксагора, а разьяснить основанія своей мысли. Какъ Эмпедокль, такъ и Анаксагоръ принимали вѣчность и неизмѣняемость отличныхъ другъ отъ друга по природѣ элементовъ, первый—извѣстныхъ четырехъ стихій, второй—безчисленныхъ такъ называемыхъ гомойомерій. Вещество, такимъ образомъ, было у нихъ не единымъ, а многимъ, πολλά. И Аристотель, когда преслѣдуетъ критическую цѣль—разьяснить недостатки ученій своихъ предшественниковъ и точнѣе отличить ихъ взгляды отъ своего собственнаго, всегда характеризуетъ вещество Эмпедокла и Анаксагора какъ πολλά¹⁾. То единство, которое онъ можетъ признать за этимъ разнороднымъ веществомъ есть лишь единство непрерывности, въ какой разнородные элементы или мельчайшія частицы ихъ лежатъ другъ за другомъ. О веществѣ Анаксагора самъ Аристотель достаточно ясно говоритъ намъ, что его безчисленныя начала могутъ представлять собою (единое) безконечное только вслѣдствіе непрерывности по соприкосновенію, какъ συνεχές ἀφή²⁾. Но συνεχές вообще, правда, Аристотель причисляетъ къ формамъ единства, но оно для него уже близко къ многому; и когда онъ видитъ въ τὸ συνεχές единое, онъ соединяетъ, очевидно, съ этимъ терминомъ представленіе о связи, соединяющей многое и преимущественно зависящей отъ

¹⁾ Въ извѣстномъ историко-критическомъ обзорѣ предшественниковъ въ первой книгѣ Метафизики, с. 3. 984. а. 8 — 13, Аристотель говоритъ: Ἐμπειδοκλῆς δὲ τὰ τέτταρα ... Ἀναξαγόρας δὲ ὁ Κλαζομένιος... ἀπείρους εἶναι φησι τὰς ἀρχάς; слово ἀρχή здѣсь можно замѣнить и словомъ φύσις, такъ какъ выше было сказано о всѣхъ физикахъ, 983. b. 17—18, δεῖ γὰρ εἶναι τινα φύσιν μίαν ἢ πλείους μίας, ἐξ ὧν γίγνεται ἄλλα σωζομένης ἐκείνης. Въ Gen. et corr. II. 1. 329. а. нач. Эмпедокль причисляется къ тѣмъ, которые τὴν ὀποκειμένην ὄλην признають πλείω τὸν ἀριθμὸν ἑνός. Безчисленныя τὰ ὁμοιομερῆ Анаксагора критически обсуждаются какъ безчисленныя *стихія* въ De coel. III. 4 и пр. п. Вообще, говорить ли Аристотель обще о началахъ, или частнѣе и опредѣленнѣе о стихіяхъ, ὄλη и пр., всегда онъ разсматриваетъ вещество Анаксагора и Эмпедокла, если хочетъ передать точный смыслъ ихъ ученія, какъ многое, и въ этомъ видятъ его оглядѣніе отъ вещества древнѣйшихъ физиковъ.

²⁾ Phys. III. 4. 203. а. 19—23: ὅσοι δ' ἄπειρα ποιοῦσι τὰ στοιχεῖα, καθάπερ Ἀναξαγόρας καὶ Δημόκριτος, ὁ μὲν ἐκ τῶν ὁμοιομερῶν, ὁ δ' ἐκ τῆς πανσπερμίας τῶν σχημάτων, τῇ ἀφῆ συνεχές τὸ ἀπείρον εἶναι φασίν. Ibid. 5. 205. а. 20—21: εἰ δ' ἀνόμοιον τὸ πᾶν, ἀνόμοιοι καὶ οἱ τόποι· καὶ πρῶτον μὲν οὐχ ἐν τῷ σώμα τοῦ παντός ἀλλ' ἢ τῷ ἄπτεσθαι. И по сличенію съ предш. цит., и по упоминанію имени Анаксагора далѣе въ порядкѣ мыслей, начинающемся этими словами, ясно, что здѣсь также разумѣется онъ (можетъ быть, также вмѣстѣ съ Демокритомъ).

природы, а за тѣмъ и отъ искусства, и считаетъ входящимъ въ него представленіе объ единствѣ движенія; а поэтому непрерывность исключительно по соприкосновенію онъ готовъ совсѣмъ не причислять къ единству въ субстанціальномъ смыслѣ ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія Аристотель поступаетъ совершенно послѣдовательно, когда онъ тамъ, гдѣ называетъ вещество Анаксагора (вмѣстѣ съ веществомъ Демокрита) безконечнымъ только вслѣдствіе непрерывности по соприкосновенію, отдѣляетъ Анаксагора отъ признающихъ (единое) безконечное и характеризуетъ, какъ принимающаго не безконечное, а безчисленныя стихіи ²⁾. Аристотель въ системахъ Эмпедокла и Анаксагора знаетъ и единое въ собственномъ смыслѣ, но этимъ единымъ признается имъ не вещество, а мірообразовательное начало, ἡ φιλία у

¹⁾ Phys. I. 2. 185. b. 9—11: εἰ μὲν τοῖνον συνεχές, πολλὰ τὸ ἐν εἰς ἄπειρον γὰρ διαίρετόν τὸ συνεχές. Metaph. V. 6. 1015. b. 36—1016. a. 8: τῶν δὲ καθ' ἑαυτὰ ἐν λεγομένων τὰ μὲν λέγεται τῷ συνεχῆ εἶναι, οἷον φάκελλος δεσμῶ και ξύλα κόλλη, και γραμμὴ κἄν κεκαμμένη ἢ, συνεχῆς δὲ, μία λέγεται, ὡσπερ και τῶν μερῶν ἕκαστον, οἷον σκέλος και βραχίον. αὐτῶν δὲ τούτων μᾶλλον ἐν τὰ φύσει συνεχῆ ἢ τέχνη. συνεχές δὲ λέγεται, οὐ κίνησις μία καθ' αὐτὸ και μὴ οἷον τε ἄλλως..., καθ' αὐτὰ δὲ συνεχῆ ὅσα μὴ ἀφῆ ἐν εἰ γὰρ θείης ἀπτόμενα ἀλλήλων ξύλα, οὐ φήσεις ταῦτα εἶναι ἐν, οὔτε ξύλον οὔτε σῶμα, οὔτ' ἄλλο συνεχές οὐθέν.

²⁾ Разъяснивъ мнѣніе о безконечномъ Платона и Пифагорейцевъ, Аристотель, Phys. III. 4. 203. a. 16—23, продолжаетъ: οἱ δὲ περὶ φύσεως ἅπαντες αἰεὶ ὑποτιθέασιν ἑτέραν τινὰ φύσιν τῷ ἀπείρῳ τῶν λεγομένων στοιχείων, οἷον ὕδωρ ἢ ἀέρα, ἢ τὸ μεταξὺ τούτων. (Указаніе на признающихъ τὸ ἄπειρον въ собственномъ смыслѣ, то-есть, единое безконечное этими словами окончено; далѣе съ частицею δὲ слѣдуетъ упоминаніе объ остальныхъ физикахъ, которые уже не даютъ въ собственномъ смыслѣ единого безконечнаго, а говорятъ о стихіяхъ, которыя ограничены или неограничены по числу, и это упоминаніе соединено съ разъясненіемъ, что въ известномъ относительномъ смыслѣ мысль о τὸ ἄπειρον можетъ быть приписана и признающимъ безчисленныя стихіи). τῶν δὲ πεπερασμένα ποιούντων στοιχεῖα οὐθεὶς ἄπειρα ποιεῖ ὅσοι δ' ἄπειρα и т. д., см. выше. Причисленіе Демокрита съ его πανσπερμία τῶν σχημάτων къ признающимъ τὸ ἄπειρον τῇ ἀφῆ συνεχές, не смотря на ясное свидѣтельство самого же Аристотеля въ De coel. I. 7. 275. b. 29—30: εἰ δὲ μὴ συνεχές τὸ πᾶν ἄλλ' ὡσπερ λέγει Δημόκριτος και Λεώκιππος, διωρισμένα τῷ κενῷ, μίαν κτλ., объясняется, по моему мнѣнію, тѣмъ, что Аристотель хочетъ сказать, что для признающихъ ἄπειρα στοιχεῖα возможно только безконечное въ смыслѣ непрерывности, какъ это ясное въ приведенномъ выше параллельномъ мѣстѣ, Phys. III. 5. 205. b. 20—21. Но это же присоединеніе Демокрита къ Анаксагору доказываетъ также, что τὸ ἄπειρον въ разсужденіи о безконечномъ въ Phys. приписывается Анаксагору лишь въ относительномъ смыслѣ, такъ какъ говорить о πανσπερμία τῶν σχημάτων Демокрита какъ о безконечномъ, конечно, можно лишь въ относительномъ смыслѣ, хотя бы дѣло шло даже не о дѣйствительномъ, а о возможномъ только мнѣніи.

Эмпедокла, ὁ νοῦς у Анаксагора ¹⁾. Но ἡ φιλία и ὁ νοῦς были у нихъ обособлены отъ вещества. Поэтому, когда Аристотель въ разсчитываемомъ нами мѣстѣ говорить: και ὅσοι δ' ἐν και πολλὰ φασὶ εἶναι, это значить: а также и тѣ, которые признають, что особо существуетъ единое и особо многое, то-есть, которые, обособляя отъ вещества единое, дѣлають его чистымъ множествомъ, а потому, казалось бы, никакимъ образомъ не могутъ учить выдѣленію изъ единого. Отсюда мы можемъ уже сдѣлать нѣкоторый выводъ о взглядѣ Аристотеля на Анаксимандрово безконечное. Если Аристотель не считаетъ нужнымъ особо мотивировать усвоеніе ему ученія о выдѣленіи изъ единого, какъ это дѣлаетъ онъ въ отношеніи къ Анаксагору и Эмпедоклу; если самое ученіе о существованіи ἐν και πολλά, которое разъясняетъ поводъ къ этому особому мотивированію, ставится имъ какъ характеристическая черта взглядовъ Анаксагора и Эмпедокла въ ихъ различіи отъ Анаксимандрова взгляда, то ясно, что у Анаксимандра онъ не видитъ ученія о вѣчномъ существованіи неизмѣнныхъ по своей природѣ разнообразныхъ элементовъ, какое видитъ у Анаксагора и Эмпедокла. Поэтому составлять понятіе о безконечномъ перваго по аналогіи съ понятіемъ о веществѣ у послѣднихъ было бы, очевидно, явной ошибкой ²⁾. Но послѣдуемъ за Аристотелемъ далѣе. Въ чемъ же именно видитъ онъ возможность устранить то затрудненіе, которое во взглядахъ Анаксагора и Эмпедокла, по видимому, препятствуетъ перенести на нихъ Анаксимандрово ученіе о выдѣленіи всего изъ единого? Онъ видитъ ее въ понятіи смѣшенія: „ибо и они“, говоритъ онъ,—„выдѣляютъ изъ смѣшенія“. Несомнѣнно, Анаксагоръ предполагаетъ смѣшеніе вещества до начала мірообразовательной дѣятельности ума ³⁾. У Эмпедокла, признававшего вѣчную періодическую смѣну то объединенія всего любовью, то разъединенія ненавистью, процессъ объединенія также называется

¹⁾ Metaph. X. 2. 1053. b. 15—16. Ibid. I. 8. 989. b. 17.

²⁾ Pinner, Gesch. d. Phil. I. 276—277, находилъ родство между Анаксимандровымъ представленіемъ о безконечномъ и представленіемъ древнихъ о хаосѣ; то же Тойсмаллеръ, Stud. z. Gesch. d. Begr. 54 и 58; послѣдній, ibid. 53, видитъ различіе между безконечнымъ Анаксимандра и веществомъ Анаксагора лишь въ томъ, что въ первомъ ингредиентами служатъ стихіи, во второмъ гомоймерія.

³⁾ Simpl. in Phys. 156. 4—6: πρὶν δὲ ἀποκριθῆναι, φησὶ (Ἀναξαγόρας), πάντων ὁμοῦ ἐόντων οὐδὲ χραιὴ ἐνδῆλος ἦν οὐδεμία ἀπεκάλυε γὰρ ἢ σύμμιξις πάντων χρημάτων τοῦ τε διεροῦ και τοῦ ξηροῦ και τοῦ θερμοῦ και τοῦ ψυχροῦ κτλ.

смѣшеніемъ ¹⁾). Но Аристотель въ *Gen. et corr.* анализируетъ понятіе смѣшенія и находитъ, что только то смѣшеніе можно назвать смѣшеніемъ въ собственномъ смыслѣ, гдѣ разнородныя вещества на самомъ дѣлѣ соединяются во-едино, образуя вещество всюду однородное въ частяхъ своихъ, въ противномъ же случаѣ смѣшеніе будетъ не на дѣлѣ, а для человѣческаго глаза только ²⁾). Конечно, вѣчные и неизмѣнные въ своей природѣ элементы Эмпедокла и Анаксагора не могли допускать такого внутреннего соединенія, которое давало бы въ результатѣ безусловно однородное вещество. Не удивительно поэтому, что для Аристотеля Анаксагорово ученіе о возникновеніи одного бытія изъ другаго, въ которомъ оно уже содержится, разрѣшается въ ученіе о мельчайшихъ не осязательныхъ для воспріятія частицахъ ³⁾, а ученіе о томъ же Эмпедокла онъ приравниваетъ даже прямо къ Демокриту ⁴⁾, въ которомъ, конечно, ни о какомъ выдѣленіи изъ единого не могло быть и рѣчи. Понятно, что и въ состояніи смѣшенія, какъ это состояніе, по мнѣнію Аристотеля, должны были представлять согласно съ своимъ понятіемъ о вѣчности и неизмѣнности разнороднаго Анаксагоръ и Эмпедоклъ, ихъ вещество не давало права говорить о выдѣленіи изъ единого. И если тѣмъ не менѣе Аристотель приписываетъ имъ ученіе о выдѣленіи изъ единого, ссылаясь на понятіе о смѣшеніи, то это доказываетъ, что дѣло идетъ не о томъ представленіи смѣшенія, къ ко-

¹⁾ Ibid. 161. 18—19 (слова Эмпедокла):

καὶ ἐκεῖνο μέντοι τὸ τῆν γένεσιν καὶ τῆν φθορὰν μηδὲν ἄλλο εἶναι,
ἀλλὰ μόνον μίξιν τε διάλλαξιν τε μιγέντων.

²⁾ *Gen. et corr.* I. 10. 328. a. 10—14: φάμεν δ', εἴπερ δεῖ μεμίχθαι τι, τὸ μίχθην ὁμοιομερές εἶναι καὶ ὡσπερ τοῦ ὕδατος τὸ μέρος ὕδαρ, οὕτω καὶ τοῦ κραθέντος· ἂν δ' ἢ κατὰ μικρὰ σύνθεσις ἢ μίξις, οὐθέν συμβήσεται τούτων, ἀλλὰ μόνον μεμιγμένα πρὸς τῆν αἰσθησιν.

³⁾ *Phys.* I. 4. 187. a. 31—b. 1: (Анаксагоръ принималъ безчисленныя стихіи) εἶτι δ' ἐκ τοῦ γίνεσθαι ἐξ ἀλλήλων τάναντία· ἐγυπῆρχεν ἄρα· εἰ γὰρ πᾶν μὲν τὸ γινόμενον ἀνάγκη γίνεσθαι ἢ ἐξ ὄντων ἢ ἐκ μὴ ὄντων, τούτων δὲ τὸ μὲν ἐκ μὴ ὄντων γίνεσθαι ἀδόνατον... τὸ λοιπὸν ἦδη συμβαίνειν ἐξ ἀνάγκης ἐνόμισαν ἐξ ὄντων μὲν καὶ ἐνοπαρχόντων γίνεσθαι, διὰ μικρότητα δὲ τῶν ὄγκων ἐξ ἀναισθησῶν ἡμῶν.

⁴⁾ *De coel.* III. 7. нач.: πάλιν οὖν ἐπισκεπτέον, τίς ὁ τρόπος τῆς ἐξ ἀλλήλων γενέσεως, πότερον ὡς Ἐμπειδοκλῆς λέγει καὶ Δημόκριτος ἢ ὡς... Οἱ μὲν οὖν περὶ Ἐμπειδοκλῆ καὶ Δημόκριτον λαμβάνουσι αὐτοὶ αὐτοῦς... ἐνοπαρχὸν γὰρ ἕκαστον ἐκκρίνεσθαι φασιν, ὡσπερ ἐξ ἀγγείου τῆς γενέσεως οὐρας, ἀλλ' οὐκ ἐκ τινος ὕλης. Въ *Gen. et corr.* I. 1. 315. a. 3—8 ученіе Эмпедокла о происхожденіи единого изъ многого и многого изъ единого критикуется какъ прямое противорѣчіе его принципамъ.

тому обязывало ихъ ученіе о вѣчности элементовъ. Когда Аристотель ставитъ своею цѣлью не критику мнѣній своихъ предшественниковъ, когда, на оборотъ, у него является стремленіе искать у нихъ наклона къ тому или другому изъ тѣхъ взглядовъ, которые развились лишь позднѣе, и представительницею которыхъ является его собственная система, тогда, естественно, онъ беретъ ихъ мнѣнія не въ томъ видѣ, въ какомъ они могли быть ими послѣдовательно развиты фактически, а со стороны тѣхъ неясныхъ задатковъ къ будущему развитію, которые въ нихъ заключались, хотя бы осуществленіе этихъ задатковъ враждебно сталкивалось съ ихъ же собственными болѣе общими и основными предположеніями ¹⁾. Мы уже видѣли, что разбираемое нами мѣсто представляетъ одинъ изъ случаевъ такого именно отношенія Аристотеля къ своимъ предшественникамъ. На сколько Эмпедоклъ и Анаксагоръ принимали вѣчность и неизмѣняемость разнородныхъ элементовъ, на столько смѣшеніе, о которомъ они говорили, не могло быть ἐν и должно было оставаться πολλά. Но при всемъ томъ несомнѣнно, что въ состояніи вещества, объединеннаго любовью, Эмпедоклъ хотѣлъ видѣть внутреннее объединеніе его: бытіе въ этомъ состояніи онъ называлъ единымъ ²⁾. Несомнѣнно, что и Анаксагоръ хотѣлъ, чтобы въ его веществѣ все было во всемъ ³⁾, то-есть, всѣ безконечно различныя вещества находились въ каждой самонаибольшей его части; а послѣдовательное проведеніе этой мысли необходимо должно было превратить представленіе объ разнородной смѣси въ представленіе объ однородномъ бытіи, въ которомъ должны слиться во-едино разнородныя качественности, такъ какъ только въ такомъ случаѣ каждая малѣйшая часть малѣйшей части могла бы сколько-нибудь понятно для человѣческой мысли назваться заключающею въ себѣ все безконечное разнообразіе качественностей. Анаксагоръ и Эмпедоклъ, такимъ образомъ, говоря о смѣшеніи, стремились, хотя и въ противорѣчіе своимъ принципамъ, къ тому единому равночастному бытію, къ понятію о которомъ Аристотель сводитъ понятіе о смѣшеніи. И если Аристотель, указывая на смѣшеніе, хочетъ этимъ объяснить возможность приписать имъ выдѣленіе изъ

¹⁾ Напримѣръ, въ *Metaph.* I. 8. 989. a. 30—b. 21. Ibid. XII. 2. 1069. b. 20—22.

²⁾ *Simpl. in Phys.* 158. 1—2 и 15—16 (слова Эмпедокла):

διπλ' ἐρέω· τότε μὲν γὰρ ἐν ἡξήθη μόνον εἶναι
ἐκ πλεόνων, τότε δ' αὖ διέφω πλέον' ἐξ ἐνός εἶναι.

³⁾ Ibid. 27. 9—11: λέγει γοῦν Ἀναξαγόρας, ὅτι ἐν παντί παντός μοῖρα ἔνεστι καὶ ὅτε πλεῖστα ἐνι, ταῦτα ἐνδηλότατα ἐν ἕκαστῷ ἐστί καὶ ἦν.

единого, то онъ долженъ былъ, очевидно, подъ смѣшеніемъ разумѣть это, какъ онъ его называетъ, равночастное, то-есть, на всемъ своемъ протяженіи сполна однородное бытіе, которое должно было бы получиться у нихъ при послѣдовательномъ проведеніи понятія смѣшенія. Отсюда разъясняется и взглядъ его на безконечное Анаксимандра. Если онъ Эмпедоклово и Анаксагорово понятія о веществѣ сводить къ ученію Анаксимандра, пользуясь понятіемъ о смѣшеніи, подъ которымъ разумѣетъ процессъ, дающій равночастное, то-есть, вполне однородное бытіе, то ясно, что, по его взгляду, безконечное Анаксимандра есть именно такое равночастное сплошь однородное бытіе. Оно должно было отличаться отъ вещества Анаксагора и Эмпедокла тѣмъ, что его однородность была вполне ясна, такъ какъ объ Анаксимандрѣ Аристотель считаетъ возможнымъ безъ всякихъ доказательствъ прямо сказать, что онъ выдѣляетъ изъ единого, тогда какъ объ Эмпедоклѣ и Анаксагорѣ нужно было это особо доказывать. По этому признаку полной однородности или равночастности безконечное Анаксимандра должно бы быть болѣе сходно съ веществомъ другихъ древнѣйшихъ физиковъ, признававшихъ одно начало, воду, напримеръ, или воздухъ и проч. ¹⁾ Но будучи сходно съ нимъ въ этомъ признакѣ, оно тѣмъ не менѣе, въ глазахъ Аристотеля, имѣло и существенное отличіе отъ него. Единство вообще Аристотель отжествляетъ съ недѣлимостью или нераздѣльностью ²⁾; но онъ ясно видитъ, что не все, признаваемое единымъ, не дѣлимо или не раздѣльно въ одномъ и томъ же смыслѣ и въ одной и той же степени;

¹⁾ Аристотель употребляетъ терминъ *ὁμοιομερής* въ двухъ значеніяхъ, болѣе узкомъ и болѣе широкомъ. Иногда при употребленіи его подразумевается, что дѣло идетъ о бытіи составномъ, и тогда онъ означаетъ такое составное бытіе, элементы котораго вполне слились въ единство одной особой природы, напримеръ, въ *Meteor.* IV. 12 нач. Но такъ какъ терминъ по своему буквальному смыслу означаетъ лишь совершенную однородность частей, не указывая на составность бытія изъ разнороднаго, и такъ какъ и не составное должно отличаться такою же однородностью частей, то Аристотель часто употребляетъ тотъ же терминъ и въ болѣе широкомъ значеніи вообще однороднаго во всѣхъ своихъ частяхъ бытія, все равно образовалось ли оно изъ слитія въ одну природу разнородныхъ элементовъ или оно не составно, напримеръ, *De coel.* III. 4. нач. *Metaph.* I. 9. 992. a. 6—7. Мы имѣемъ въ виду послѣдній смыслъ термина.

²⁾ *Metaph.* X. 1. 1052. a. 34—1052. b. 1: λέγεται μὲν οὖν τὸ ἐν τοσαυταχῶς, τὸ τε συνεχές φύσει καὶ τὸ ὅλον, καὶ τὸ καθ' ἕκαστον καὶ τὸ καθ' ὅλου. πάντα δὲ ταῦτα ἐν τῷ ἀδιαίρετον εἶναι τῶν μὲν τὴν κίνησιν, τῶν δὲ τὴν νόησιν ἢ τὸν λόγον. *Ibid.* 15: διὸ καὶ τὸ ἐν εἶναι τὸ ἀδιαίρετον ἐστὶν εἶναι, ὅπερ τῶς ἐντι καὶ ἀχωρίστῳ ἢ τόπῳ ἢ εἶδει ἢ διανοίᾳ, ἢ καὶ τῷ ὄλῳ καὶ ἀδιαίρετῳ.

поэтому единое для него не раздѣльно лишь на столько, на сколько оно едино, и въ томъ отношеніи, въ которомъ оно едино ¹⁾. Если мы съ этой точки зрѣнія сравнимъ безконечное Анаксимандра съ началами другихъ древнѣйшихъ физиковъ, то тотчасъ же увидимъ, что въ немъ предполагается такая форма дѣлимости, какой въ нихъ не предполагается. Оно способно выдѣлять изъ себя разнородныя и въ сличеніи съ его общею природой, и въ отношеніи другъ къ другу качественности, то-есть, способно разлагаться на такія качественности, тогда какъ другими древнѣйшими физиками предполагалось, что эти качественности могутъ получаться изъ начала лишь путемъ качественного измѣненія самаго начала, такъ что онѣ разсматривались не какъ ингредиенты, способные быть выдѣленными изъ начала, а какъ видоизмѣненія этого начала. То бытіе, которое не способно разлагаться на отличныя по виду и отъ него самаго, и другъ отъ друга качественности, но способно дѣлиться лишь на части, имѣющія ту же самую качественность, какою отличается и оно само, Аристотель обыкновенно называетъ простымъ *ἀπλοῦν*. Такъ, извѣстныя четыре стихіи, которыя, по его ученію, отличаются именно этимъ свойствомъ, то-есть, сами, составляя содержаніе другихъ вещей, могутъ выдѣляться изъ нихъ, но изъ себя не могутъ выдѣлять отличнаго отъ нихъ бытія, а могутъ лишь, соединяясь одна съ другою, превращаться въ другое бытіе, онъ обыкновенно называетъ простыми тѣлами ²⁾; подобнымъ образомъ называетъ онъ простыми движенія, не составленныя изъ движеній отличнаго отъ нихъ рода ³⁾; въ этомъ же смыслѣ онъ ⁴⁾ различаетъ простые цвѣта отъ цвѣтовъ составныхъ; тѣмъ же самымъ понятіемъ о простомъ, очевидно, пользуется онъ и при различеніи простаго отъ составнаго въ системахъ другихъ фило-

¹⁾ *Ibid.* 1053. a. 20—23: διὰ τοῦτο τὸ ἐν ἀδιαίρετον, ὅτι τὸ πρῶτον ἐκάστων ἀδιαίρετον. οὐχ ὁμοίως δὲ πᾶν ἀδιαίρετον, οἷον πῶς καὶ μονάς, ἀλλὰ τὸ μὲν πάντη, τὸ δ' εἰς ἀδιαίρετα πρὸς τὴν αἴσθησιν ἐθέλει, ὡς περ εἰρηται ἡδῆ. *Ibid.* конецъ той же главы: ἐστὶ δὲ τοιοῦτον (μέτρον τι) τὸ μὲν ἂν ἢ ἀδιαίρετον κατὰ τὸ ποσόν, τὸ δὲ ἂν κατὰ τὸ ποιόν: διὸ περ ἀδιαίρετον τὸ ἐν ἢ ἀπλῶς ἢ ἢ ἐν.

²⁾ *Gen. et corr.* II. 8. нач.: Ἄπαντα δὲ τὰ μικτὰ σώματα ... ἐξ ἀπάντων σύγχευται τῶν ἀπλῶν. γῆ μὲν γὰρ ἐνοπάρχει πᾶσι διὰ τὸ..., ὕδωρ δὲ διὰ τὸ... ἀήρ δὲ καὶ πῦρ ὅτι..., ὡς τ' ἐν ἅπαντι τῷ συνθέτῳ πάντα τὰ ἀπλὰ ἐνέσται. *Ibid.* 3. 330. b. нач.: καὶ ἠκολούθηκε (говорятся о соединеніяхъ теплаго, холоднаго, сухаго и жидкаго) κατὰ λόγον τοῖς ἀπλοῖς φαινομένοις σώμασι, πυρὶ καὶ ἀέρι καὶ ὕδατι καὶ γῆ. Названіе четырехъ стихій простыми тѣлами у Аристотеля встрѣчается очень часто.

³⁾ Напримеръ: *De coel.* I. 2. 268. b. 17—19.

⁴⁾ *De color.* кон. первой и начало второй главы.

соффовъ: для Эмпедокла простыя тѣла суть огонь, воздухъ, вода земли, для Анаксагора—его гомойомерія ¹⁾. Понятно, что простыми были въ его глазахъ и начала тѣхъ физиковъ, которые объясняли происхождение остальнаго бытія сплотненіемъ и разрѣженіемъ первоначальнаго единаго вещества. Поэтому онъ нисколько не затрудняется примѣнять къ началамъ этихъ философовъ терминъ „простыя тѣла“, хотя между этими началами было и такое, котораго онъ не имѣетъ въ числѣ своихъ четырехъ стихій ²⁾. Съ этой точки зрѣнія безконечное Анаксимандра, выдѣляющее изъ себя разновидное, Аристотель, очевидно, назвать простымъ не могъ. И если мы термину ἀπλοῦν, какъ это обычно дѣлается у Аристотеля, противопоставимъ терминъ σύνθετον ³⁾, то общій результатъ, къ которому сводится нашъ

¹⁾ Gen. et corr. I. 1. 314. a. кон.: ἐναντίως δὲ φαίνονται λέγοντες οἱ περὶ Ἀναξαγόραν τοῖς περὶ Ἐμπειδοκλέα· ὁ μὲν γὰρ φησι πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ ἀέρα καὶ γῆν στοιχεῖα τέσσαρα καὶ ἀπλᾶ εἶναι μᾶλλον ἢ σάρκα καὶ ὀστοῦν καὶ τὰ τοιαῦτα τῶν ὁμοιομερῶν, οἱ δὲ ταῦτα μὲν ἀπλᾶ καὶ στοιχεῖα, γῆν δὲ καὶ πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ ἀέρα σύνθετα, πανσπερμίαν γὰρ εἶναι τούτων.

²⁾ Gen. et corr. II. 380. b. кон.: ἅπαντες γὰρ οἱ τὰ ἀπλᾶ σώματα στοιχεῖα ποιοῦντες οἱ μὲν ἓν, οἱ δὲ δύο, οἱ δὲ τρία, οἱ δὲ τέσσαρα ποιοῦσιν. ἕσοι μὲν οὖν ἓν μόνον λέγουσιν, εἴτα πυκνώσει καὶ μανώσει τᾶλλα γεννώσει, τούτοις συμβαίνει κτλ. Последнее достаточно ясно показываетъ, о какихъ философахъ, признающихъ ἓν τὸ ἀπλοῦν σώμα, идетъ дѣло. Metaph. I. 8. 988. b. 29—32: πρὸς τούτοις τὸ ραδίως (говорится о признающихъ одно начало) τῶν ἀπλῶν σωμάτων λέγειν ἀρχὴν ὅτιοῦν πλήν γῆς, οὐκ ἐπισκεψάμενοι τὴν ἐξ ἀλλήλων γένεσιν πῶς ποιοῦνται, λέγω δὲ πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ γῆν καὶ ἀέρα. И затѣмъ, указавъ на необходимость для всѣхъ ихъ, кромѣ принимающихъ огонь, разъяснить часть остальнаго бытія διακρίσει, слѣдовательно, производное превращать въ στοιχειωδέστατον (при чемъ, очевидно, имѣется въ виду теорія разрѣженія и сплотненія, см. De coel. III. 5 и Phys. VIII. 9. 266. a. 30—32), Аристотель добавляетъ 989. a. 12—15: κατὰ μὲν οὖν τοῦτον τὸν λόγον οὐτ' εἰ τις τούτων τι λέγει πλήν πυρός, οὐτ' εἰ τις ἀέρος μὲν πυκνότερον τοῦτο τίθεισιν ὕδατος δὲ λεπτότερον, οὐκ ὀρθῶς ἂν λέγοι и такимъ образомъ расширяетъ понятіе объ этихъ началахъ, названныхъ простыми, за предѣлы четверичнаго числа стихій.

³⁾ См. вышеприведенныя цитаты изъ Gen. et corr. I. 1. 314. b. кон. Иногда Аристотель понятію ἀπλοῦν противопоставляетъ терминъ μίκτον, но въ этихъ случаяхъ μίκτον употребляется въ неточномъ смыслѣ, такъ какъ μίξις въ собственномъ смыслѣ, какъ мы видѣли, для Аристотеля есть болѣе специальное понятіе, означающее лишь такія соединенія, въ которыхъ соединяемые элементы слились въ единство особой природы. Впрочемъ и терминъ σύνθεσις также употребляется имъ и въ болѣе специальномъ значеніи, именно въ отличіе отъ μίξις онъ обозначаетъ такія соединенія, гдѣ соединяемыя вещества продолжаютъ въ своихъ мельчайшихъ частицахъ существовать каждое съ своими особыми свойствами см. Gen. et corr. I. 10. 328. a. 7—9. Иногда даже терминъ σύνθεσις понимается

анализъ главнѣйшаго свидѣтельства Аристотеля о природѣ Анаксимандра безконечнаго, можно выразить такъ: по взгляду Аристотеля, это безконечное было ἓν σύνθετον ὁμοιομερές.

Другое свидѣтельство Аристотеля о безконечномъ Анаксимандра также съ упоминаніемъ имени Анаксимандра находится въ Metaph. XII. 2. 1069. b. 20—22. Разъясняя свое понятіе о веществѣ какъ потенциально только (δυνάμει) содержащемъ въ себѣ противоположности, Аристотель говоритъ: καὶ τοῦτ' ἐστὶ τὸ Ἀναξαγόρου ἓν (βέλτιον γὰρ ἢ ὁμοῦ πάντα) καὶ Ἐμπειδοκλέους τὸ μίγμα καὶ Ἀναξιμάνδρου. Общій взглядъ на безконечное Анаксимандра здѣсь, очевидно, тотъ же, какой и въ Phys. I. 4. Точно такъ же, какъ въ Физикѣ, здѣсь изъ древнѣйшихъ физиковъ только Анаксимандръ сближается съ Эмпедокломъ и Анаксагоромъ. Съ другой стороны, самое сближеніе вещества всѣхъ этихъ философовъ съ ἕλη самого Аристотеля достаточно ясно говоритъ, что понятіе μίγμα берется не въ смыслѣ чисто внѣшняго хаотическаго соединенія разнородныхъ элементовъ. Но отношеніе Анаксимандра къ Анаксагору и Эмпедоклу здѣсь обрисовывается иначе, чѣмъ въ Phys. I. 4. Онъ, а не Анаксагоръ, соединяется, здѣсь съ Эмпедокломъ, когда Аристотель упоминаетъ о смѣшеніи; Анаксагоръ, наоборотъ, выдвигается на первый планъ и ему прямо приписывается ученіе объ единомъ, тогда какъ эта роль въ Phys. I. 4. достается Анаксимандру. Это разворѣчье обращало на себя вниманіе, но устранить или разъяснить его не удавалось. Шлейермахеръ ¹⁾ ограничился признаніемъ этого мѣста Метафизики искаженнымъ. Лютце ²⁾ предполагалъ ошибку переписчика, который перемѣшалъ и переставилъ одно на мѣсто другаго имени Анаксимандра и Анаксагора. На первый взглядъ представляется, что подобная догадка очень правдоподобно разъясняетъ дѣло. Однако принять ее неудобно уже потому, что въ словахъ Аристотеля не только приписывается Анаксагору τὸ ἓν, но и прибавляется, что этотъ терминъ лучше, чѣмъ выраженіе ὁμοῦ πάντα,

имъ еще частіе, какъ названіе одного изъ частныхъ процессовъ, въ различіе отъ очень разнообразныхъ другихъ процессовъ, напримѣръ, Phys. I. 7. 190. b. 5—9. Но всего чаще употребленіе σύνθετον въ значеніи сложнаго, составнаго вообще, и въ этомъ смыслѣ оно противопоставляется ἀπλοῦν, напримѣръ, De coel. II. 4. 286. b. 16—17, тоже при всѣхъ опроверженіяхъ существованія безконечнаго вещества Phys. III. 5. 204. b. 11; Metaph. XI. 10. 1066. b. 26—27; De Coel. I. 5. 271. b. 17—18, и во многихъ другихъ случаяхъ.

¹⁾ Schleierm. II. 191.

²⁾ Lutz. Ueb. d. Arist. Anax., 54—55.

а между тѣмъ послѣднее приналежитъ Анаксагору, а не Анаксимандру. Такимъ образомъ предположеніе объ ошибкѣ переписчика ведетъ за собою новое предположеніе или о позднѣйшей вставкѣ выраженія βέλτιον γὰρ ἢ ὁμοῦ πάντα, или о томъ, что въ этомъ выраженіи сравнивался Анаксимандръ съ Анаксагоромъ безъ упоминанія имени послѣдняго. Кромѣ того, и на особое преимущество, которое въ этомъ мѣстѣ дается Аристотелемъ веществу Анаксагора, никакъ нельзя смотрѣть какъ на что-то такое, что само по себѣ въ состояніи возбудить подозрѣніе въ искаженіи текста: въ той же *Метафизикѣ* I. 8. 989. а. 30—б. 21 Аристотель въ веществѣ именно Анаксагора видитъ особенную близость къ своему собственному взгляду на вещество. Поэтому, если высказанное Аристотелемъ объ Анаксагорѣ въ *Metaph.* XII. 2 дѣйствительно противорѣчитъ высказанному имъ въ *Phys.* I. 4, то послѣднему столько же противорѣчитъ и *Metaph.* I. 8. Лютеце ¹⁾ и Ноторпъ ²⁾ хотѣтъ сгладить послѣднее противорѣчіе; они предполагаютъ, что Аристотель, сводя въ *Metaph.* I. 8. вещество Анаксагора къ понятію τὸ ἀόριστον πρὶν ὀρίσσειναι καὶ μετασχεῖν εἶδος τινός, имѣлъ въ мысляхъ Анаксимандрово вещество, по мнѣнію Ноторпа, отличающееся этими именно свойствами. Но это предположеніе совершенно произвольное: Аристотель ни однимъ словомъ не упоминаетъ здѣсь объ Анаксимандрѣ, на оборотъ, усвоенное Анаксагору мнѣніе онъ называетъ καινοπρεπέστερον, παραπλήσιον τοῖς τε ὑστερον λέγουσιν καὶ τοῖς νῦν φαινόμενοις μᾶλλον, а это рѣшительно не подходитъ къ Анаксимандру. За разъясненіемъ дѣла обратимся къ самому Аристотелю. Въ *Metaph.* I, 8 онъ достаточно разъясняетъ, что особенно привлекаетъ его во взглядѣ Анаксагора на вещество. Его привлекаетъ не понятіе смѣшенія; на оборотъ, онъ здѣсь указываетъ и на невозможность для смѣшенія занять мѣсто первичнаго бытія, такъ какъ не смѣшанное должно все же въ такомъ случаѣ существовать ранѣе смѣшенія, и на несостоятельность Анаксагоровскаго понятія о смѣшеніи всего со всѣмъ, такъ какъ не все допускаетъ смѣшеніе со всѣмъ ³⁾. Его привлекаетъ лишь одно изъ свойствъ Анаксагорова смѣшенія и какъ разъ то, котораго не должно бы имѣть смѣшеніе

¹⁾ Ibid. 53. № 7.

²⁾ *Notorp. Ueb. d. Princ. und d. Kosmol. Anax. Philos. Monatsh.* V. XX. H. VI и VII, p. 371, № 2.

³⁾ ἀτόπου γὰρ ὄντος καὶ ἄλλως τοῦ φάσκειν μεμιχθαι τὴν ἀρχὴν πάντα, καὶ δια τὸ συμβαίνειν ἄμικτα δεῖν προῦπάρχειν, καὶ διὰ τὸ μὴ πεφοκῆναι τῷ τυχόντι μιγνύσθαι: τὸ τυχόν.

по его собственному понятію. По его собственному ученію, въ смѣшеніи потенциальнымъ бытіемъ дѣлаются ингредиенты, а получающееся изъ нихъ новое бытіе есть нѣчто дѣйствительное, отличное отъ нихъ, слѣдовательно—опредѣленное ¹⁾. Достоинство Анаксагорова вещества онъ видитъ, на оборотъ, въ томъ, что смѣшеніе отождествлялось здѣсь съ невыдѣленностью, а поэтому смѣшеніе всего означало, что ничего не выдѣлялось; именно вслѣдствіе этого сущность должна была потерять безусловно всякую опредѣленность, слѣдовательно, не могла получить никакого ни качественного, ни количественнаго предиката ²⁾. Такимъ образомъ достоинство ученія Анаксагора Аристотель видитъ здѣсь въ томъ, что Анаксагоръ, стремясь, вопреки собственному предположенію о вѣчности и неизмѣнимости разнородныхъ элементовъ, къ сплошному однообразію своего смѣшенія, представляя это однообразіе смѣшенія не въ формѣ равностатнаго, то-есть, однороднаго бытія, какъ требовало понятіе смѣшенія, а въ формѣ безусловной неопредѣленности чистаго субстрата, чисто потенциальнаго бытія. Сличая, затѣмъ, *Phys.* I, 4 и *Metaph.* XII, 2, то-есть, тѣ мѣста, въ которыхъ называются всѣ три философа, Анаксимандръ, Эмпедоклъ и Анаксагоръ, мы видимъ, что въ нихъ идетъ рѣчь не совсѣмъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Хотя разсужденіе о числѣ началъ въ *Phys.* имѣетъ свою конечную цѣлью разъясненіе той же ὄλη, о которой говорится и въ *Metaph.* II, 2, однако, когда Аристотель дѣлаетъ тамъ свое обобщеніе ученій физиковъ, онъ дѣлаетъ его не съ цѣлью сличенія ихъ взглядовъ прямо и непосредственно съ своимъ понятіемъ объ ὄλη;

¹⁾ Gen. et corr. I, 10, 327, b. 22—25: ἐπεὶ δ' ἐστὶ τὰ μὲν δυνάμει τὰ δὲ ἐνεργείᾳ τῶν ὄντων ἐνδέχεται τὰ μιχθέντα εἶναι πως καὶ μὴ εἶναι, ἐνεργείᾳ μὲν ἑτέρου ὄντος τοῦ γεγονότος ἐξ αὐτῶν, δυνάμει δὲ κτλ.

²⁾ ὅτε γὰρ οὐθὲν ἦν ἀποκεκριμένον, δῆλον ὡς οὐθὲν ἦν ἀληθὲς εἰπεῖν κατὰ τῆς οὐσίας ἐκείνης, λέγω δ' οἷον ὅτι οὔτε λευκόν οὔτε μέλαν (по Аристотелю, это первоначальные цвѣта) ἢ φαῖον ἢ ἄλλο χρῶμα (цвѣта какъ результатъ смѣшенія первоначальныхъ слич. *Metaph.* X, 7, нач.), ἀλλ' ἄχρων ἦν ἐξ ἀνάγκης. εἶχε γὰρ ἂν τι τούτων τῶν χρωμάτων. ὁμοίως δὲ καὶ ἄχυρον, καὶ τῷ αὐτῷ λόγῳ τούτῳ οὐδὲ ἄλλο τι τῶν ὁμοίων οὐθέν. οὔτε γὰρ ποῖον τι οἷον τε αὐτὸ εἶναι οὔτε ποσσόν οὔτε τί, τῶν γὰρ ἐν μέρει τι λεγόμενων εἰδῶν ὑπῆρχεν ἂν αὐτῷ, τοῦτο δὲ ἀδύνατον μεμιγμένον γε πάντων (то-есть, когда слитнымъ признается все, слѣдовательно, и всякая качественность, которую предположили бы какъ результатъ смѣшенія, какъ тую иную, отличную отъ смѣшиваемыхъ качественностей, въ которую, по Аристотелю, переходятъ послѣднія). ἤδη γὰρ ἂν ἀπεκρίχτο, φησὶ δ' εἶναι μεμιγμένα πάντα πλὴν τοῦ νοῦ.

онъ ищетъ у нихъ только ясно выраженнаго ученія объ единствѣ бытія, лежащаго въ основаніи всего, съ яснымъ въ то же время признаніемъ противоположностей за начала, въ какой бы формѣ это ни выражалось, въ формѣ ли ученія объ единомъ простомъ бытіи, въ которомъ предполагаются противоположные способы дѣятельности, или въ формѣ ученія о равночастномъ составномъ бытіи, которое, представляя сплошное однообразіе въ своей природѣ, считалось бы въ то же время способнымъ разлагаться на разнородное или выдѣлять его изъ себя. Въ группѣ физиковъ, которая учила о происхожденіи всего изъ первооснованія путемъ выдѣленія, а не чрезъ качественное измѣненіе бытія и которая, если была бы послѣдовательна, могла бы представить искомымъ имъ взглядъ лишь во второй формѣ, онъ находитъ дѣйствительно ясно выраженнымъ этотъ взглядъ лишь у Анаксимандра, у Эмпедокла же и у Анаксагора — преобладаніе чистаго плюрализма съ наклономъ только и съ стремленіемъ къ желаемому имъ примиренію монизма съ плюрализмомъ. Отсюда Анаксимандръ является у него на первомъ планѣ, а Анаксагоръ и Эмпедокль лишь присоединяются къ нему съ указаніемъ на ту сторону въ ихъ ученіи, которая можетъ оправдывать это сближеніе ихъ ученія съ Анаксимандровымъ. Въ *Metaph.* XII, 2, Аристотель ищетъ у физиковъ не ученія вообще объ единомъ и противоположностяхъ, а прямо ученія о своей $\delta\lambda\eta$; тотчасъ за указаніемъ на ученіе ихъ (и Демокрита) онъ говоритъ $\acute{\omega}\sigma\tau\epsilon\ \tau\eta\varsigma\ \delta\lambda\eta\varsigma\ \acute{\alpha}\nu\ \epsilon\iota\epsilon\nu\ \eta\mu\epsilon\nu\omicron\upsilon$. Какъ значительно эта постановка измѣняетъ положеніе дѣла, это живо чувствуется уже въ томъ, что вся группа физиковъ, учившихъ происхожденію бытія путемъ качественного измѣненія первооснованія, отпадаетъ, и, на оборотъ, является даже упоминаніе о Демокритѣ, о которомъ Аристотель не считалъ возможнымъ упомянуть въ *Phys.* I, 4, когда вся сущность дѣла ставилась въ примиреніи монизма и плюрализма. Это и понятно. Несомнѣнно, конечно, что $\delta\lambda\eta$ также представляетъ собою соединеніе единства и противоположностей, но она есть уже извѣстное опредѣленное ихъ соединеніе, она есть чистая потенція всякой дѣйствительности, заключаетъ въ себѣ всю дѣйствительность въ формѣ возможности, не будучи сама по себѣ никакою опредѣленною дѣйствительностью. Отсюда всѣ системы, которыя не показываютъ ни малѣйшаго стремленія предполагать все бытіе уже заключающимся какимъ бы то ни было образомъ въ первооснованіи (то-есть, признававшимъ $\tau\omicron\ \epsilon\iota\nu\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\alpha}\pi\lambda\omicron\upsilon\delta\upsilon$), отъ сопоставленія устраниаются, а на оборотъ, философъ Де-

мокритъ, который рѣшительно отрицалъ единство, но который въ извѣстномъ смыслѣ говорилъ о потенциальномъ существованіи всего возникающаго въ признаваемомъ имъ первоначальномъ бытіи ($\eta\gamma\ \omicron\rho\omicron\upsilon\ \lambda\acute{\alpha}\nu\tau\alpha\ \delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota,\ \epsilon\nu\epsilon\rho\gamma\epsilon\iota\alpha\ \delta\prime\ \omicron\upsilon\delta$), получаетъ право быть упомянутымъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и сравнительная оцѣнка Анаксимандра, Анаксагора и Эмпедокла съ новой точки зрѣнія оказалась не та, которая проведена была въ *Phys.* I, 4. Они или даютъ въ своемъ веществѣ $\omicron\upsilon\delta\eta\tau\omicron\upsilon\ \omicron\rho\omicron\upsilon\omicron\epsilon\rho\epsilon\varsigma$ (Анаксимандръ), или должны бы давать его, еслибы отказались отъ принципа вѣчности и неизмѣнимости разнородныхъ элементовъ, а провели бы послѣдовательно понятіе смѣшенія, на которомъ они все же настаиваютъ (Анаксагоръ и Эмпедокль). Съ этой стороны они всѣ имѣютъ право назваться предтечами ученія объ $\delta\lambda\eta$, такъ какъ въ $\omicron\upsilon\delta\eta\tau\omicron\upsilon\ \omicron\rho\omicron\upsilon\omicron\epsilon\rho\epsilon\varsigma$, по толкованію Аристотеля, должно именно потенциально заключаться то, что предполагается выдѣляющимся изъ него, подобно какъ въ $\delta\lambda\eta$ потенциально дана имѣющая развиваться изъ нея дѣйствительность. Но это $\tau\omicron\ \omicron\rho\omicron\upsilon\omicron\epsilon\rho\epsilon\varsigma$ все же никакъ не одно и то же, что $\delta\lambda\eta$: $\delta\lambda\eta$ есть чистая потенциальность, все въ возможности и ничто въ дѣйствительности; составное же и равночастное бытіе само есть нѣкоторая дѣйствительность, которая заключаетъ въ себѣ возможность другой отличной отъ нея дѣйствительности; поэтому, на сколько понятіе о равночастномъ составномъ бытіи разсматривается какъ такое предѣльное понятіе, которое они даютъ или могутъ только дать, ни о комъ изъ нихъ нельзя сказать, что его система представляетъ опредѣленное ученіе объ $\delta\lambda\eta$, объ Анаксимандрѣ столько же, сколько и объ остальныхъ. Но здѣсь-то именно и выступаетъ преимущество Анаксагора, о которомъ Аристотель говоритъ въ *Метафизикѣ* I, 8. Понятіе о бытіи однородномъ и составномъ для него непредѣльное понятіе. Вопреки ученію о вѣчности и неизмѣнности элементовъ, вопреки даже ученію о смѣшеніи по крайней мѣрѣ въ той формѣ, какъ понимаетъ его Аристотель, онъ хочетъ безусловной невыдѣленности въ первоначальномъ состояніи вещества, которое тѣмъ не менѣе должно заключать въ себѣ все; онъ стремится, слѣдовательно, къ той чистой потенциальности, которую даетъ Аристотель въ свой $\delta\lambda\eta$. Правда, эта тенденція Анаксагора къ чистой потенциальности остается лишь тенденціей; но такъ какъ для Анаксимандра и Эмпедокла предѣльнымъ понятіемъ служить понятіе о бытіи равночастномъ и составномъ, далѣе чего не идутъ ихъ стремленія, а Анаксагоръ стремится къ чистой потенциальности, которую представляетъ

Аристотелева ὄλη, то онъ естественно выдвигается на первый планъ, и его ученіе разсматривается какъ самое близкое къ позднѣйшимъ взглядамъ. Такъ какъ Аристотель уже изложилъ свое пониманіе Анаксагорова вещества въ Metaph. I, 8., то въ XII, 2, онъ ограничивается лишь самымъ краткимъ выраженіемъ этой мысли, называя вещество Анаксагора τὸ ἐν въ смыслѣ неопредѣленнаго единого и въ отличіе отъ τὸ μῖγμα, которое отнесено къ остальнымъ двумъ философамъ¹⁾. Отсюда ясно, что никакого противорѣчія между Phys. I. 4 и Metaph. XII, 2 нѣтъ. Сопоставленіе Анаксимандра, Анаксагора и Эмпедокла въ Metaph. XII, 2 имѣетъ, несомнѣнно, отличіе отъ сопоставленія, сдѣланнаго между ними въ Phys. I. 4, но это отличіе, очевидно, таково, что служитъ подтвержденіемъ тѣхъ выводовъ, которые мы сдѣлали выше изъ послѣдняго мѣста. Если при сближеніи вещества этихъ трехъ философовъ съ ὄλη какъ чистою потенціальностью, Анаксагоръ выдвигается на первый планъ, а Анаксимандръ занимаетъ второстепенное мѣсто подлѣ Эмпедокла; если, съ другой стороны, въ совершенномъ соотвѣтствіи съ этимъ въ Metaph. XII, 2 исключительно Анаксагору и даже въ прямое отличіе отъ Эмпедокла (объ Эмпедоклѣ Аристотель упоминалъ непосредственно передъ тѣмъ и не говорилъ ничего подобнаго) усвоится ученіе, сходное съ ученіемъ о ὄλη, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что безконечное Анаксимандра, по взгляду Аристотеля, не было безусловно неопредѣленнымъ бытіемъ. Если, далѣе, Аристотель находитъ возможнымъ это безконечное вмѣстѣ съ веществомъ Эмпедокла назвать μῖγμα, то ясно, что оно имѣло въ его глазахъ характеръ бытія составнаго²⁾. Если же

¹⁾ При подробномъ и болѣе точномъ изложеніи своего взгляда на вещество Анаксагора въ Metaph. I. 8. Аристотель называетъ его θάτερον въ отличіе отъ ὁ νοῦς, который здѣсь называется τὸ ἐν [τοῦτο γὰρ ἀπλοῦν καὶ ἀμίγες] въ качествѣ бытія въ собственномъ смыслѣ единого и простаго по взгляду Анаксагора.

²⁾ Разъясненный выше взглядъ Аристотеля на μῖγμα достаточно объясняетъ съ его стороны возможность при краткомъ упоминаніи о безконечномъ Анаксимандра назвать его этимъ терминомъ. Но во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія замѣчаніе Целлера, Phil. d. Griech. I. 192. № 1: „τὸ μῖγμα ближайшимъ образомъ (въ словахъ Аристотеля) приписывается Эмпедоклу, и только на второмъ мѣстѣ чрезъ добавленіе καὶ Ἀναξίμανδρου отнесено на послѣдняго“. Целлеръ предполагаетъ здѣсь легкое ζεῦγμα: изъ слова, которое во всей строгости подходит лишь къ Эмпедоклу, одно общее понятіе (единства, содержащаго въ себѣ разнообразіе) примѣняется къ Анаксимандру. Несомнѣнно, выраженіе Ἐμπειδοκλέους τὸ μῖγμα καὶ τοῦ Ἀναξίμανδρου въ виду крайней сжатости изложенія всего отдѣла, къ которому относится это мѣсто (на это также ссылается

изъ Phys. I. 4, несомнѣнно, выходитъ по крайней мѣрѣ то, что оно было единымъ, то остается возможнымъ одно заключеніе, что, по взгляду Аристотеля, оно было σύνθετον ὁμοιομερές.

Косвеннымъ подтвержденіемъ этого же вывода служить Аристотелева критика понятія безконечнаго у физиковъ въ Phys. III. 5¹⁾. Выводы, которые можно сдѣлать изъ этой критики по вопросу о природѣ Анаксимандрова безконечнаго потому имѣютъ особенное значеніе, что при предварительномъ разъясненіи ученія своихъ предшественниковъ о безконечномъ, Аристотель прямо ссылается на взглядъ Анаксимандра, называя послѣдняго по имени²⁾; слѣдовательно, при своей критикѣ ученія физиковъ о безконечномъ онъ не могъ не имѣть въ виду Анаксимандрова воззрѣнія. Критика эта распадается на двѣ части. Въ одной Аристотель доказываетъ, что безконечное тѣло не можетъ быть ни ἀπλοῦν ни σύνθετον. Задачей второй части ставится разъясненіе затрудненій, которыя должны произойти при признаніи безконечнаго тѣла вслѣдствіе необходимости предполагать связь каждаго физическаго тѣла съ опредѣленнымъ мѣстомъ. Но и при развитіи этой общей мысли Аристотель также дѣлитъ признающихъ безконечное тѣло на двѣ группы. Однако эти группы характеризуются уже иначе, именно: различается безконечное тѣло ὁμοιοειδές отъ безконечнаго ἀνόμοιον. Нельзя сомнѣваться, что это послѣднее дѣленіе не совпадаетъ съ первымъ. Аристотель никакъ не относится къ такимъ

Целлеръ), можетъ внушать подобное предположеніе. Но если это предположеніе и справедливо, то, конечно, не въ томъ смыслѣ, чтобы Аристотель здѣсь отличалъ смѣшеніе Эмпедокла отъ совершенно неопредѣленнаго единого Анаксимандра; тогда нужно было бы говорить уже не о легкомъ ζεῦγμα, и не къ τὸ μῖγμα Эмпедокла, а къ τὸ ἐν Анаксагора пришлось бы отнести Аристотелю безконечное Анаксимандра. Аристотель могъ видѣть въ μῖγμα не совсѣмъ точное названіе для Анаксимандрова безконечнаго лишь въ томъ смыслѣ, что для Анаксимандра оно не было результатомъ предварительнаго процесса смѣшенія, какъ для Эмпедокла его вещество, а было первоначальнымъ бытіемъ, способнымъ только разлагаться на разнородныя качества и, слѣдовательно, какии-то образомъ содержащимъ ихъ въ себѣ.

¹⁾ Возраженія Аристотеля противъ существованія безконечнаго тѣла почти буквально повторяются въ Metaph. XI. 10 и являются въ измѣненномъ видѣ вслѣдствіе внесенія понятія о движеніи въ De coel. I. 5 и 7.

²⁾ Phys. III. 4. 203. b. 12—15: καὶ τοῦτ' [τὸ ἀπειρον] εἶναι τὸ θεῖον ἀθάνατον γὰρ καὶ ἀνόμοιον, ὡς φησὶν ὁ Ἀναξίμανδρος καὶ οἱ πλείστοι τῶν φυσιολόγων. Между перечисляемыми Аристотелемъ тотчасъ затѣмъ основаніями, которыя приводились въ пользу ученія о безконечномъ, одно, по свидѣтельству доксогографовъ, принадлежитъ Анаксимандру.

писателямъ, которые ради изящества стили стали бы разнообразить свою терминологию, особенно еще въ прямой ущербъ точности; а подобовиднымъ (*ὁμοειδής*), равно какъ и равночастнымъ, можетъ назваться какъ тѣло простое, такъ и составное, если элементы, его составляющіе, слились въ одну особую природу. Выраженіе *ὁμοειδές* онъ самъ употребляетъ и въ другихъ случаяхъ какъ равнозначительное съ *ὁμομερές*, и въ параллельномъ мѣстѣ въ *De coel.* I. 7., гдѣ также опровергается ученіе о существованіи безконечнаго тѣла, вмѣсто *ὁμοειδές* и *ἀνόμοιον* прямо являются *ὁμομερές* и *ἀνομομερές*¹⁾. Самыя мысли, которыя Аристотель высказываетъ, когда возражаетъ противъ различныхъ группъ, на которыя онъ дѣлитъ признающихъ безконечное тѣло, совершенно отвѣчаютъ предположенію, что при дѣленіи на *τὸ ἀπλοῦν* и *τὸ σύνθετον* подѣ *σύνθετον* онъ разумѣетъ составное тѣло вообще, все равно слилось ли оно въ единство одной природы или не слилось, подѣ *ἀνόμοιον* — только послѣдній случай, подѣ *ὁμοειδές* — не простое только тѣло, но и изъ составныхъ слившееся въ одну природу²⁾. Отсюда слѣдуетъ, что Аристотель

¹⁾ *De coel.* I. 7. нач.: ἀνάγκη δὲ σῶμα πᾶν ἤτοι ἄπειρον εἶναι ἢ πεπερασμένον, καὶ εἰ ἄπειρον ἤτοι ἀνομομερές ἢ ὁμομερές. Нѣсколько выше с. 5. 271. b., подобно какъ въ *Phys.* III. 4, рассматривался тотъ же вопросъ, причѣмъ безконечное тѣло бралось то какъ *ἀπλοῦν*, то какъ *σύνθετον*. Случай употребленія *ὁμοειδής* или *ὁμοιοειδής* въ равномъ значеніи съ *ὁμομερές* см. въ *Ind. Arist. Bonitz.* 510. а 45—50.

²⁾ Противъ признающихъ безконечное *σύνθετον* Аристотель замѣчаетъ, что, если признать одну часть изъ частей, составляющихъ безконечное, безконечною, она уничтожитъ остальные, а всѣ части безконечными быть не могутъ, такъ какъ каждое безконечное тѣло должно имѣть безконечное протяженіе во всѣ стороны *Phys.* III. 5. 204. b. 13—22. Но первая изъ этихъ мыслей, очевидно, болѣе приложима къ такому составному тѣлу, элементы котораго слились въ одну природу, чѣмъ къ такому, элементы котораго только пространственно соприкасаются другъ съ другомъ: по взгляду Аристотеля на смѣшеніе, чрезвѣрное преобладаніе одного изъ смѣшиваемыхъ элементовъ сопровождается не возникновеніемъ новой качественности, а поглощеніемъ элемента слабаго элементомъ преобладающимъ. Вторая мысль имѣетъ также значеніе не для составнаго только тѣла во второмъ смыслѣ, но и въ первомъ, такъ какъ Аристотель, конечно, хорошо зналъ, что объемъ каждаго изъ тѣлъ, сливающихся въ одно новое тѣло, долженъ быть менѣе объема послѣдняго, а отсюда необходимо слѣдуетъ, что каждое изъ нихъ, взятое въ отдѣльности, не можетъ быть безконечно протяженнымъ во всѣ стороны. Первое возраженіе Аристотеля противъ признающихъ безконечное *ἀνόμοιον*, состоитъ въ томъ, что подобное тѣло могло бы быть единымъ только по соприкосновенію, *ibid.* 205. b. 19—21. Но это, бесспорно, приложимо только къ такому составному тѣлу, части котораго остаются разнородными. Общее предположеніе всѣхъ возра-

различаетъ три взгляда на безконечное тѣло; по одному изъ нихъ оно есть тѣло простое, по другому—сложное, но имѣющее однородную природу, по третьему—также сложное, но такое, составные элементы котораго не слились въ одну природу. Второй взглядъ играетъ на столько видную роль при обсужденіи имъ вопроса, что заставляетъ его, смотря по характеру возраженій, измѣнять принятое имъ двухчастное дѣленіе такъ, что въ одномъ случаѣ этотъ взглядъ входитъ во второй членъ дѣленія, въ другомъ—въ первый¹⁾. Кому же принадлежитъ этотъ взглядъ? Эмпедокль безконечности вещества не признавалъ; Анаксагора Аристотель, очевидно, относитъ къ признававшимъ *τὸ ἀνόμοιον*, такъ какъ имъ только онъ дѣлаетъ упрекъ, что ихъ безконечное едино только *τῷ ἄτρεσθαι*, а этимъ признакомъ въ предшествующей главѣ характеризовалось безконечное Анаксагора и Демокрита; и притомъ къ возраженіямъ именно противъ безконечнаго *ἀνόμοιον* примыкаетъ у Аристотеля разборъ одного изъ частныхъ мнѣній Анаксагора²⁾. Остается принять одно изъ двухъ предположеній: или здѣсь имѣется въ виду Анаксимандръ, или Аристотель опровергаетъ не фактически существовавшій, а только теоретически возможный взглядъ. Несомнѣнно, что и это послѣднее

женій Аристотеля противъ безконечнаго *ἀνόμοιον* составляетъ мысль о необходимости разнородныхъ мѣстъ для разнородныхъ составныхъ частей безконечнаго. Но этимъ предполагается, что разнородныя части безконечнаго лежатъ внѣ другъ друга, то-есть, остаются обособленными, не сливаясь въ одну природу, и Аристотель даетъ даже очень ясно понять это, когда, говоря о возможной безчисленности мѣстъ этихъ частей, называетъ самыя части простыми, *ibid.* 29—30. Возражая противъ *τὸ ὁμοειδές*, Аристотель разъясняетъ, что вслѣдствіе тождественнаго отношенія всѣхъ его частей ко всему мѣсту дѣлаго, теряется всякая возможность смѣны движенія и покоя, *ibid.* 13—19. Но это возраженіе, очевидно, одинаково приложимо какъ къ тѣлу простому, такъ и къ однородному составному, такъ какъ и послѣднее во всѣхъ частяхъ должно отличаться одними и тѣми же свойствами, а слѣдовательно, для однородныхъ частей его должно исчезнуть различіе мѣстъ.

¹⁾ Симплицій в *Phys.* 482. 28—483. 4, замѣчаетъ различіе обоихъ дѣленій Аристотеля и отстаиваетъ его въ противоположность мнѣнію Александра. Но все, что онъ можетъ сказать по этому поводу, ограничивается довольно своеобразнымъ замѣчаніемъ: καὶ ἄλλως δὲ οὐκ ἦν ἄξιον τῆς Ἀριστοτελικῆς εὐρύτητος τῇ αὐτῇ πάλιν διαίρεσει χρῆσασθαι.

²⁾ Послѣ своихъ возраженій противъ признававшихъ безконечное *ἀνόμοιον* которыя основаны на мысли о необходимости взаимнаго соответствія мѣстъ и разнородныхъ элементовъ, входящихъ въ безконечное, Аристотель говоритъ: Ἀναξαγόρας δ' ἀτόπως λέγει περὶ τῆς ἀπείρου μονῆς κτλ., и это мнѣніе Анаксагора затѣмъ подробно опровергается.

предположение само по себѣ не противорѣчило бы обычаямъ Аристотеля: при опроверженіи того или другаго взгляда онъ не рѣдко обсуждаетъ не существовавшія только дѣйствительно мнѣнія, но и возможные лишь видоизмѣненія ихъ. Однако, если мы видимъ, что ранѣе въ той же *Phys. I. 4* Анаксимандру приписывалось имъ мнѣніе о выдѣленіи изъ единого существующихъ въ немъ противоположностей, а въ *Метафизикѣ*, гдѣ повторяются тѣ же возраженія противъ безконечнаго, безконечное Анаксимандра прямо называлось *μῦμα*, то выборъ между этими двумя предположеніями едва ли будетъ сомнителенъ. По словамъ самого Аристотеля, всѣ, принимавшіе безконечное, считали его за начало (*ἀρχήν*)¹⁾, слѣдовательно, и предполагаемое его критикой составное и одновидное безконечное должно разсматриваться не какъ результатъ предварительнаго процесса смѣшенія, а какъ первоначальное бытіе, способное лишь выдѣлять изъ себя разнородное, разлагаться на него. Какъ бы Аристотель ни образовалъ понятіе о такого рода безконечномъ, хотя бы путемъ чисто теоретическихъ предположеній, но, какъ скоро оно было имъ составлено, онъ не могъ не отождествить съ нимъ безконечнаго Анаксимандра, которое, по его собственнымъ словамъ, выдѣляетъ изъ себя существующія въ немъ противоположности: для различенія Анаксимандрова безконечнаго отъ этого предполагаемаго имъ составнаго и одновиднаго безконечнаго онъ не могъ бы найти ни одного признака.

Отсюда ясно, какую крупную ошибку сдѣлали комментаторы Аристотеля и дѣлаютъ многіе новые ученые (и между ними даже не раздѣляющіе взгляда комментаторовъ на природу Анаксимандрова безконечнаго), когда относятъ къ Анаксимандру мнѣніе о простомъ, особомъ отъ стихій, безконечномъ тѣлѣ, о которомъ упоминаетъ Аристотель въ этой самой критикѣ мнѣній физиковъ о безконечномъ. Очевидно, всего менѣе возможно, чтобы Аристотель среди того самаго порядка мыслей, гдѣ ясно предполагается различіе простаго тѣла отъ тѣла однороднаго, но составнаго, причислилъ безконечное Анаксимандра къ тѣламъ простымъ. Впрочемъ, и независимо отъ этого соображенія, самая Аристотелева характеристика взгляда на безконечное какъ простое, особое отъ стихій, тѣло, равно какъ и его

¹⁾ *Phys. III. 4. 203. a. нач.*: πάντες γὰρ οἱ δοκοῦντες ἀξιολόγως ἕφθαι τῆς τοιαύτης φιλοσοφίας πεποιήται λόγον περὶ τοῦ ἀπειροῦ, καὶ πάντες ὡς ἀρχὴν τινα τιθέασιν τῶν ὄντων.

критика этого взгляда достаточно показываютъ, что онъ имѣеть здѣсь дѣло не съ мнѣніемъ Анаксимандра. „Единымъ и простымъ также не можетъ быть“, говоритъ Аристотель, — „безконечное тѣло ни въ смыслѣ мнѣнія тѣхъ, которые принимаютъ безконечное тѣло помимо стихій, производя изъ него послѣднія, ни въ обыкновенномъ смыслѣ. Есть именно нѣкоторыя“, поясняетъ онъ свою мысль, — „которыя признаютъ безконечное тѣломъ такого рода, а не воздухомъ или водою, для того, чтобы вслѣдствіе безконечности одного изъ послѣднихъ не разрушились бы остальные, такъ какъ они имѣютъ противоположность въ отношеніи другъ къ другу, напримѣръ, воздухъ холоднѣе, вода сыра, огонь тепелѣе, такъ что, еслибы одно изъ нихъ было безконечнымъ, остальные уже разрушились бы“¹⁾. Уже не разъ замѣчали, что изложенная въ этихъ словахъ Аристотеля аргументація признававшихъ простое тѣло, отличное отъ стихій, предполагаетъ ученіе о стихіяхъ, какъ сложилось оно уже позднѣе времени Анаксимандра. Мнѣ кажется, что философу, который имѣлъ позади себя только Фалеса съ его ученіемъ о происхожденіи всего изъ воды, едва ли пришло бы на мысль доказывать, что ни воздухъ, ни огонь не могутъ быть безконечными началами бытія. Предположить же, что Аристотель передаетъ мысль этого философа не въ его, а въ своихъ собственныхъ терминахъ и при этомъ нѣсколько даже измѣняетъ и пополняетъ ее, неудобно уже потому, что вопреки мнѣнію самого Аристотеля о воздухѣ какъ стихіи теплой и сырой, воздухъ характеризуется здѣсь какъ начало холодное²⁾, и это показываетъ, что даже подробности аргументаціи, частности въ разъясненіи основной мысли заимствованы изъ первоначальнаго источника. Впрочемъ и общая мысль аргументаціи, что безконечная стихія, которая, конечно, должна была признаваться и началомъ, въ иску своей противоположности другимъ стихіямъ должна уничтожить эти послѣднія, представляется мнѣ совсѣмъ не соответствующею эпохѣ Анаксимандра. Философъ, подобнымъ образомъ аргументиру-

¹⁾ *Phys. III. 5. 204. b. 22—29*: ἀλλὰ μὴν οὐδὲ ἐν καὶ ἀπλοῦν εἶναι ἐνδέχεται τὸ ἀπειρον σῶμα, οὔτε ὡς λέγουσι τινες τὸ παρὰ τὰ στοιχεῖα, ἐξ οὗ ταῦτα γεννῶσιν, οὔθ' ἀπλῶς· εἰσὶ γὰρ τινες οἱ τοῦτο ποιοῦσι τὸ ἀπειρον, ἀλλ' οὐκ ἀέρα ἢ ὕδωρ, ὡς μὴ τὰλλα φθειρῆται ὑπὸ τοῦ ἀπειροῦ αὐτῶν· ἔχουσι γὰρ πρὸς ἀλλήλα ἐναντιώσιν, οἷον ὁ μὲν ἀήρ ψυχρός, τὸ δὲ ὕδωρ ὑγρόν, τὸ δὲ πῦρ θερμόν, ὧν εἰ ἦν ἐν ἀπειρον, ἐφθάρτα ἂν ἦδη τὰλλα.

²⁾ Это различіе характеристики воздуха отъ Аристотелевой подмѣнено было уже комментаторами Аристотеля. *Simpl. in phys. 481. 28—34.*

юцій, очевидно, смотритъ на стихіи какъ на такія вещественныя массы, дѣйствіе которыхъ исключительно и съ механическою необходимостью опредѣляется ихъ чувственно постигаемыми свойствами; всякая мысль объ оживляющей веществе зидательной силѣ, не чуждой цѣлесообразности въ своей дѣятельности, равно какъ и о сравнительномъ достоинствѣ стихій съ этой именно точки зрѣнія, здѣсь вполне исключена. Все это, мнѣ кажется, слишкомъ мало подходитъ къ вѣку гилозоизма, къ тому періоду философской мысли, когда Анаксименъ ставилъ значеніе воздуха для міра въ параллель съ значеніемъ души для человѣка, когда Гераклитъ и Пифагорейцы не усумнились дать огню господственное положеніе въ бытіи исключительно въ силу взгляда на него какъ на стихію высшую по достоинству, когда самъ Анаксимандръ говорилъ о *δίχην καὶ τίσιν τῆς ἀδικίας*, совершающихся чрезъ самое движеніе міроваго процесса ¹⁾, когда онъ своему безконечному приписывалъ, какъ обыкновенно полагаютъ, способность давать направленіе цѣлому ²⁾. Возражая противъ ученія о простомъ, особомъ отъ стихій безконечномъ тѣлѣ, Аристотель аподиктически заявляетъ, что такого чувственно постигаемаго тѣла сверхъ стихій нѣтъ въ нашемъ мірѣ ³⁾. Такого рода прямое отрицаніе безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій совершенно понятно, если дѣло идетъ о тѣлѣ дѣйствительно простомъ, не заключающемъ въ себѣ противоположностей, чрезъ собственное уплотненіе и разрѣженіе впервые порождающемъ теплое и холодное, тяжелое и легкое. Съ точки зрѣнія Аристотеля такого тѣла нѣтъ и быть не можетъ. Но совсѣмъ другое дѣло, если рѣчь идетъ о тѣлѣ, о которомъ утверждаютъ, что оно въ себѣ самомъ заключаетъ противоположности, которыя и выдѣляетъ изъ себя. Всѣ предметы на землѣ, за исключеніемъ самыхъ стихій, были, съ точки зрѣнія Ари-

¹⁾ *Simpl. in Phys.* 24. 18—20: ἐξ ὧν δὲ ἡ γένεσις ἐστὶ τοῖς οὐαῖς, καὶ τὴν φύσιν εἰς ταῦτα γίνεσθαι κατὰ τὸ χρεῶν· διδόναι γὰρ αὐτὰ δίχην καὶ τίσιν ἀλλήλοις τῆς ἀδικίας κατὰ τὴν τοῦ χρόνου τάξιν, ποιητικωτέροις οὕτως ὀνόμασιν αὐτὰ λέγων ('Αναξίμανδρος).

²⁾ *Arist. Phys.* III. 4. 203. b. 10—13: διὸ καθάπερ λέγομεν οὐ ταύτης ἀρχῆς, ἀλλ' αὐτῆ τῶν ἄλλων εἶναι δοκεῖ καὶ περιέχειν ἅπαντα καὶ πάντα κυβερνᾶν, ὡς φασὶν οὐοὶ μὴ ποιοῦσι παρὰ τὸ ἄπειρον ἄλλας αἰτίας. Такъ какъ векоръ затѣмъ Аристотель дѣлаетъ ссылку на Анаксимандра, то предполагаютъ, что и κυβερνᾶν изъ него же заимствовано.

³⁾ *Ibid.* 5. 204. b. кон.: ἀδύνατον δ' εἶναι τοιοῦτον..... ὅτι οὐκ ἐστὶ τοιοῦτον σῶμα αἰσθητὸν παρὰ τὰ στοιχεῖα καλούμενα· ἅπαντα γὰρ ἐξ οὗ ἐστί, καὶ διαλύεται εἰς τοῦτο, ὥστε ἦν ἂν ἐνταῦθα παρὰ ἀέρα καὶ πῦρ καὶ γῆν καὶ ὕδωρ φαίνεται δ' οὐδέν.

стотеля, соединеніемъ стихій ¹⁾, представлявшихъ собою и по его собственному взгляду противоположности; а всѣ предметы, называемые имъ равночастными, которые, будучи непосредственными соединеніями стихій, лежатъ въ основаніи другихъ соединеній ²⁾, имѣли къ тому же и однородныя, то-есть, слившіяся въ одну природу части. Пусть природа Анаксимандрова безконечнаго отличалась отъ нихъ, все же Аристотель, самъ признававшій бытіе вещей, заключающихъ въ себѣ и изъ себя выдѣляющихъ противоположности, не могъ ограничиться голословнымъ отрицаніемъ этой природы безъ всякихъ дальнѣйшихъ разясненій ея отличія отъ массы признаваемаго имъ самимъ бытія, какъ это дѣлаетъ онъ въ *Phys.* III. 5. Здѣсь же далѣе противъ того же взгляда Аристотель замѣчаетъ, что все смѣняется изъ противоположнаго въ противоположное, напримѣръ, изъ теплаго въ холодное ³⁾. Опять это критическое замѣчаніе имѣетъ полную силу, если дѣло идетъ о взглядѣ, по которому холодное и теплое представляютъ чисто качественную перемѣну начала, какъ это долженъ былъ признавать философъ, принимавшій простое начало и слѣдовательно объяснявшій возникновеніе всего остальнаго бытія путемъ разрѣженія и сжатія этого начала; противъ такого философа дѣйствительно съ правомъ можно было возражать, что предполагаемый имъ переходъ начала въ холодное или теплое не возможенъ, такъ какъ этотъ переходъ есть чисто качественная перемѣна, а такая перемѣна предполагаетъ уже въ измѣняющемся качестве противоположное тому, въ которое оно переходитъ; но у Анаксимандра несомнѣнно по крайней мѣрѣ сущность процесса рожденія состояла не въ качественной перемѣнѣ начала, а въ выдѣленіи изъ него, а поэтому возраженіе проходило бы мимо самой существенной стороны дѣла. Въ виду всего этого едва ли можно сомнѣваться, что Аристотель въ разсматриваемомъ мѣстѣ имѣетъ въ виду иное, а не Анаксимандрово ученіе. Если же это такъ, то отсюда можно извлечь новое подтвержденіе той мысли, что Аристотель не смотрѣлъ на безконечное Анаксимандра какъ на простое бытіе, такъ какъ онъ ясно здѣсь къ ученіямъ, принимавшимъ простое безконечное, относитъ лишь два взгляда: одинъ, о которомъ сейчасъ шла у

¹⁾ *Ibid.* II. 8, нач.

²⁾ *Meteor.* IV. 12, нач.

³⁾ *Phys.* III. 5. 205. a. 4—7: ὁ δ' αὐτὸς λόγος καὶ ἐπὶ τοῦ ἐνός, οἷον ποιοῦσι παρὰ τὰ στοιχεῖα οἱ φυσικοί· πάντα γὰρ μεταβάλλει ἐξ ἐναντίου εἰς ἐναντίον, οἷον ἐξ θερμοῦ εἰς ψυχρόν.

насъ рѣчь, и другой, по которому безконечное отождествлялось съ одною изъ стихій.

Наконецъ, косвеннымъ подтвержденіемъ сдѣланнаго нами вывода о взглядѣ Аристотеля на природу Анаксимандрова безконечнаго служитъ отсутствіе всякаго намека на ученіе Анаксимандра при разборѣ Аристотелемъ мнѣній своихъ предшественниковъ о числѣ стихій въ De coel. III. 4—5. Послѣ рѣшенія вопроса, считать ли число стихій неограниченнымъ или ограниченнымъ, при чемъ изъ физиковъ упоминаются Эмпедоклъ, Анаксагоръ и атомисты (гл. 4), Аристотель переходитъ къ вопросу, нужно ли признать одну только стихію или нѣсколько (гл. 5), и критически разбираетъ мнѣнія признававшихъ только одну стихію. Изъ физиковъ онъ говоритъ здѣсь исключительно о философахъ, объяснявшихъ происхожденіе остальнаго бытія изъ одной стихіи путемъ разрѣженія и уплотненія, ни однимъ словомъ не намекая, что существовали мыслители, объяснявшие происхожденіе остальнаго бытія изъ единой стихіи путемъ выдѣленія. Они остаются такимъ образомъ не опровергнутыми, а между тѣмъ выводъ изъ обѣихъ главъ дѣлается общій и рѣшительный: ἐπει δὲ οὐτε ἄπειρα οὐτε ἓν, πλείω ἀνάγκη εἶναι καὶ πεπερασμένα (то-есть, τὰ στοιχεῖα). Теоріи выдѣленія изъ всѣхъ, признававшихъ единое начало, училъ, сколько мы знаемъ, одинъ только Анаксимандръ. Если безконечное Анаксимандра было въ глазахъ Аристотеля бытіемъ составнымъ и равночастнымъ, то это неупоминаніе о немъ, когда рѣчь идетъ о философахъ, принимавшихъ одну изъ стихій, совершенно понятно. Терминъ „стихія“ Аристотель въ общемъ его значеніи (а не въ отношеніи только къ тѣлесному бытію) очень точно опредѣлил и разъяснилъ на частныхъ примѣрахъ въ Метафизикѣ¹⁾. Стихіей, говорится здѣсь, называется то, чтò, будучи само не дѣлимо на разновидности, входитъ въ составъ другаго въ качествѣ первичнаго ингредиента. При своемъ употребленіи этого термина Аристотель, вообще говоря, придерживается смысла, даннаго ему въ Метафизикѣ, но при частомъ употребленіи его, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ важной роли не играетъ, какъ и естественно ожидать, не всегда вполне строго выдерживается его значеніе. Однако, когда онъ приступаетъ къ специальному из-

¹⁾ V. 3. нач.: στοιχεῖον λέγεται, ἐξ οὗ σύγχεται πρῶτον ἐνοπάρχοντος, ἀδιαίρετου τῷ εἶδει εἰς ἕτερον εἶδος, οἷον φωνῆς στοιχεῖα, ἐξ ὧν σύγχεται ἡ φωνή καὶ εἰς ἄδιαίρετα ἔσχατα, ἐκεῖνα δὲ μᾶλλον εἰς ἄλλας φωνάς ἕτερας τῷ εἶδει αὐτῶν. ἀλλὰ καὶ διαίρεται, τὰ μόρια ὁμοειδῆ, οἷον ὕδατος τὸ μόριον ὕδωρ, ἀλλ' οὐ τῆς συλλαβῆς.

слѣдованію о стихіяхъ тѣль въ De coel., онъ считаетъ необходимымъ прежде всего установить специальное понятіе о стихіяхъ тѣль, и здѣсь, совершенно согласно съ общимъ опредѣленіемъ стихіи въ Метафизикѣ, опредѣляетъ стихію въ тѣлахъ какъ то, на что разлагаются другія тѣла, какъ на существующее въ нихъ потенциально или актуально, но чтò само не можетъ дѣлиться на различное отъ себя по виду¹⁾. Ясно, что значеніе термина „стихія“ тѣль въ этомъ случаѣ точно совпадаетъ съ тѣмъ значеніемъ, которое, какъ было сказано, онъ обычно усваиваетъ термину простое тѣло въ отличіе отъ тѣла составнаго. Отсюда во всемъ этомъ разсужденіи о стихіяхъ термины στοιχεῖα и ἀπλά σώματα замѣняютъ другъ друга²⁾. Если же теперь для Анаксимандра его безконечное было способно разлагаться на отличное отъ него по виду бытіе, выдѣлять изъ себя разновидное, то совершенно понятно, что Аристотель не могъ отнести его къ физикамъ, учившимъ объ единой стихіи. Ученіе Анаксимандра было для него ученіемъ объ единомъ началѣ, объ единомъ субстратѣ, но не объ единой стихіи³⁾. Руководясь точно установленнымъ понятіемъ о стихіи, онъ скорѣе могъ бы принять у Анаксимандра за стихію то, что выдѣляется изъ его безконечнаго, и слѣдовательно, отнести его къ признающимъ много стихій вмѣстѣ съ Эмпедокломъ и Анаксагоромъ. Но по крайней мѣрѣ ясно и рѣшительно и этого онъ нигдѣ не дѣлаетъ, конечно, потому, что система Анаксимандра, очевидно, не знала ни процесса смѣшенія, предварающаго единство, подобно системѣ Эмпедокла⁴⁾, ни субстанціальности существующаго въ единомъ, какая предполагалась какъ у гомойомерій Анаксагора, такъ и у стихій Эмпедокла⁵⁾, такъ что ему не на что было опе-

¹⁾ De coel. III. 3. 302. a. 14—18: τοῦτο (то-есть, разъясненіе вопросовъ о числѣ и пр. стихій) δ' ἔσται φανερόν ὑποθεμένοις, τίς ἐστὶν ἡ τοῦ στοιχείου φύσις. ἔστω δὲ στοιχεῖον τῶν σωμάτων εἰς ὃ τὰλλα σώματα διαίρεται ἐνοπάρχον δυνάμει ἢ ἐνεργείᾳ... αὐτὸ δ' ἐστὶν ἀδιαίρετον εἰς ἕτερα τῶν εἶδων.

²⁾ Ibid., см. преимущественно конецъ третьей и начало четвертой главы.

³⁾ Впослѣдствіи это гонкое различіе, имѣвшее къ тому же приложеніе изъ всѣхъ философовъ древняго міра къ одному только Анаксимандру, не наблюдалось.

⁴⁾ Въ системѣ Эмпедокла на этотъ именно процессъ Аристотель указываетъ между прочимъ какъ на причину, по которой огонь, вода и проч. должны въ ней считаться στοιχειωδέστερα καὶ πρότερα τὴν φύσιν, чѣмъ единое: Gen. et corr. I. 1, кон.

⁵⁾ Имѣя, конечно, въ виду эту субстанціальность смѣшаннаго, Аристотель возражаетъ противъ Анаксагора, Metaph. I. 7. 989 нач.: ἀμικτα δεῖν προὑπάρχειν.

реться для того, чтобы выдѣляемое изъ безконечнаго признать за болѣе первичное, чѣмъ само выдѣляющее, какъ требовало того строгое опредѣленіе стихіи въ Метафизикѣ. Однимъ словомъ, понятіе стихіи въ строгомъ и точномъ значеніи оказалось вовсе не применимымъ къ системѣ Анаксимандра, такъ какъ здѣсь равночастное оказалось въ одно и то же время и не простымъ, ибо выдѣляло изъ себя иное, и не было результатомъ соединенія многихъ самостоятельныхъ реальностей, такъ какъ предваряющаго его процесса не предполагалось.

Первое и основное различіе въ толкованіяхъ взгляда Аристотеля на природу Анаксимандра безконечнаго обыкновенно сводится къ дилеммѣ, смотрѣлъ ли Аристотель на него какъ на *ἕν* или какъ на *μῦρα*. Но для Аристотеля эти два понятія не противорѣчатъ другъ другу: они могутъ быть приложены къ одному и тому же предмету. Настаивающіе на единствѣ Анаксимандра безконечнаго въ дѣйствительности хотятъ не только единства, но и простоты, они хотятъ видѣть въ немъ такое же простое бытіе, какое признавали философы, державшіеся теоріи уплотненія и разрѣженія. И настаивающіе на смѣшеніи какъ основной чертѣ Анаксимандра безконечнаго хотятъ неравночастнаго бытія, а чего-то подобнаго хаосу, хотятъ, чтобы со стороны множественности оно не отличалось отъ смѣшенія у Эмпедокла и Анаксагора. Противоположность одинаго и смѣшенія на дѣлѣ въ этихъ спорахъ есть противоположность между единымъ и простымъ, съ одной стороны, и составнымъ и неравночастнымъ, съ другой. Но между этими крайними членами для Аристотеля есть средній членъ—составное и равночастное бытіе, съ которымъ именно и отождествляется въ его мысли Анаксимандрово безконечное. Отсюда неизбежное слѣдствіе: каждая изъ спорящихъ сторонъ можетъ наносить сильные удары противнику, но не можетъ защитить себя отъ столь же сильныхъ ударовъ съ его стороны. Аристотель дѣйствительно называетъ безконечное Анаксимандра единымъ, но никогда не называетъ и не можетъ называть его простымъ, тогда какъ къ началамъ философовъ, принимавшихъ теорію сплотненія и разрѣженія, онъ примѣняетъ понятіе простаго; онъ соединяетъ Анаксимандра съ принимавшими эту теорію, но въ такомъ случаѣ и для ихъ начала онъ довольствуется терминомъ „единое“, которое тотчасъ же дополняется терминомъ „простое“, какъ скоро они берутся въ отдѣльности. Точно также Аристотель никогда не называетъ начало Анаксимандра *πολλά*, тогда какъ къ веществу Анаксагора и Эмпедокла онъ постоянно при-

мѣняетъ это понятіе; онъ соединяетъ вещество Анаксимандра съ веществомъ Анаксагора и Эмпедокла—но лишь тогда, когда сводитъ послѣднее къ понятію *μῦρα* и *ἕν*; когда же этого нѣтъ, тогда вещество обоихъ послѣднихъ философовъ сопоставляется имъ не съ единымъ безконечнымъ Анаксимандра, а съ атомами Демокрита.

Точнѣйшее понятіе Аристотеля о природѣ Анаксимандра безконечнаго.

Что же это за бытіе, природа котораго вполне однородна, но которое тѣмъ не менѣе способно выдѣлять изъ себя разнородное и, слѣдовательно, представляется содержащимъ его какимъ-то образомъ въ себѣ? Однообразіе природы этого бытія не можетъ быть однообразіемъ одной изъ тѣхъ разнообразныхъ качественностей, которыя должны изъ нея выдѣляться, потому что въ такомъ случаѣ она оказалась бы совершенно чуждою другимъ качественностямъ, которыя однако должны предсуществовать въ ней; природа этого бытія должна быть, очевидно, одинаково близка къ каждой качественности, которая изъ нея должна выдѣляться. Единственное представленіе, которое при извѣстномъ, конечно, складѣ мысли могло бы показаться отвѣчающимъ этому неизбежному требованію и въ то же время вызывать иллюзію бытія заразъ и однороднаго, и составнаго, есть представленіе о среднемъ, промежуточномъ между выдѣляемыми качественностями бытія. Соединяя другъ съ другомъ извѣстныя противоположности, напримѣръ, холодное и теплое, мы получаемъ среднее между ними бытіе и отсюда естественно можетъ зарождаться представленіе вообще о среднемъ, между разнородными качественностями, бытія, въ которомъ слиты въ одну природу эти качественности, и которое по этому можетъ выдѣлять ихъ изъ себя или разлагаться на нихъ. Если Аристотель, который смотритъ на природу Анаксимандра безконечнаго какъ на однородную и въ то же время содержащую въ себѣ разнородное, самъ убѣжденъ, что можетъ существовать однородное и составное бытіе, и что таково именно всякое бытіе среднее между противоположностями, то какъ мы удержимся отъ заключенія, что безконечное Анаксимандра было для него такого именно рода бытіемъ? И еслибы онъ захотѣлъ характеризовать природу этого безконечнаго по его отношенію къ тѣмъ изъ такъ называемыхъ стихій, которыя прежде всего изъ него выдѣлялись и которыя считались за начала другими философами, то не долженъ

ли онъ былъ бы характеризовать его, назвавъ его среднимъ между этими стихіями бытіемъ?

Аристотель, дѣйствительно, въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій упоминаетъ о принимавшихъ среднее начало между стихіями, не называя по имени представителей этого ученія (какъ онъ впрочемъ обыкновенно поступаетъ и при упоминаніи о признававшихъ началами воду, воздухъ и проч). Комментаторы Аристотеля Александръ, Θεμισцій, Филопонъ, Симплицій и Асклепій относили эти мѣста къ Анаксимандру. Высказанныя соображенія побуждаютъ, очевидно, и насъ искать въ нихъ указаній на безконечное этого мыслителя. Одинъ изъ выводовъ, сдѣланныхъ нами выше, даетъ еще и особенный къ этому поводъ. Мы видѣли, что простое начало, о которомъ Аристотель упоминаетъ въ Phys. III. 5. 204. b. 22—23, ни въ какомъ случаѣ не есть Анаксимандрово безконечное. Если теперь предположить, что и подъ упоминаемымъ нерѣдко Аристотелемъ тѣломъ среднимъ между стихіями никогда не подразумѣвается это безконечное, то окажется, что въ Аристотелевыхъ перечняхъ мнѣній его предшественниковъ, столь обычныхъ у него при обсужденіи всѣхъ важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ, нѣтъ упоминаній о началѣ Анаксимандра, кромѣ вышеприведенныхъ двухъ случаевъ въ Phys. I. 4. и Metaph. XII. 2. Но если взять во вниманіе, что Аристотель, очевидно, стремится въ этихъ перечняхъ сжато обнять всѣ важнѣйшія ученія древности по тому или иному вопросу, имъ обсуждаемому, и что онъ несомнѣнно ставитъ Анаксимандра никакъ не ниже другихъ мыслителей древности, то сдѣланное предположеніе окажется совершенно невѣроятнымъ.

Однако этотъ вопросъ сложнѣе, чѣмъ это могло бы показаться на первый взглядъ. Мы сказали, что только среднее начало допускало иллюзію однородности и въ то же время составности, и примѣръ самого Аристотеля показываетъ, что эта иллюзія была даже естественна для древняго міра. Но неизбѣжною все же она, конечно, не была. И въ древнемъ мірѣ могли быть философы, которые среднее по качественностямъ тѣло могли представлять столь же простымъ, какъ и тѣла, отличающіяся противоположными качественностями. Съ другой стороны и придти къ мысли, что начало всего есть среднее между стихіями вещество, могъ тотъ или другой философъ и не потому только, что искалъ бы въ первоначальномъ бытіи вещество въ одно и то же время и однородное и составное, но и по другимъ причинамъ. Когда Аристотель извѣщаетъ насъ, что существовали

философы, принимавшіе простое, особое отъ стихій начало на томъ основаніи, что безконечная стихія вслѣдствіе своей противоположности другимъ стихіямъ не допустила бы существованія послѣднихъ, то какъ иначе можемъ мы представить себѣ это простое начало, которое должно быть чуждо противоположностей стихій, если не среднимъ или промежуточнымъ между стихіями веществомъ? И какъ Аристотель могъ бы характеризовать его по его отношенію къ стихіямъ, если опять не терминомъ промежуточнаго между ними тѣла? Отсюда естественно возникаетъ недоумѣніе: что же именно мы должны разумѣть подъ среднимъ между стихіями веществомъ, о которомъ не разъ упоминаетъ Аристотель, безконечное ли Анаксимандра или начало простое неизвѣстнаго намъ мыслителя? Руководящей нити для выхода изъ этого затрудненія при очевидной спутанности представленія дѣла у комментаторовъ, не различающихъ тѣла простаго и сложнаго, намъ, очевидно, остается искать только у самого же Аристотеля. Аристотель, дѣйствительно, даетъ эту нить, только она оказывается у него такъ разнообразно переплетенною, что расплести ее можно не безъ труда и не иначе, какъ съ помощью понятій, уже нами выше установленныхъ.

Начнемъ съ того, что Аристотель упоминаетъ о двухъ среднихъ между стихіями началахъ, о среднемъ между огнемъ и воздухомъ и среднемъ между воздухомъ и водою, называя ихъ или просто среднимъ (τὸ μέσον, τὸ μεταξὺ) между поименованными стихіями или точнѣе—тончайшимъ одной изъ нихъ и плотнѣйшимъ другой¹⁾. Употребленіе въ отношеніи къ обоимъ этимъ началамъ однихъ и тѣхъ же общихъ терминовъ τὸ μέσον, τὸ μεταξὺ, а равно также упоминаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ о нихъ обобщенно вмѣстѣ (иногда въ раздѣльной дистриктивной формѣ, иногда въ формѣ менѣе опредѣленной, слитной), несомнѣнно показываютъ, какъ этого, конечно, и слѣдуетъ ожидать, что Аристотель видитъ нѣкоторое сродство между взглядами философовъ, признававшихъ то и другое изъ этихъ среднихъ началъ. Однако эти два взгляда, очевидно, и не считаются имъ близнецами: встрѣчаются случаи, гдѣ, упоминая объ одномъ изъ нихъ, онъ по какой-то причинѣ не считаетъ нужнымъ упомянуть о другомъ; и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что предпочтеніе, которое въ этихъ случаяхъ дѣлаетъ Аристотель одному какому-нибудь изъ этихъ взглядовъ, упоминая лишь о немъ, совсѣмъ нельзя объяснить изъ той

¹⁾ Цитаты будутъ приведены ниже.

черты, какою по этому взгляду непосредственно характеризуется вещество, напримеръ, какъ среднее между огнемъ и воздухомъ, а не какъ среднее между воздухомъ и водою. Отсюда въ виду разъясненной выше возможности двойкаго взгляда на среднее, или какъ на вещество простое, или какъ на вещество составное, естественно возникаетъ вопросъ: не соединилось ли фактически въ системахъ древняго міра это послѣднее болѣе глубокое различіе во взглядѣ на среднее начало съ первымъ менѣе значительнымъ различіемъ въ пониманіи средняго какъ промежуточнаго вещества то между огнемъ и воздухомъ, то между воздухомъ и водою? ²⁾

Несомнѣнно, что Аристотель не могъ считать безконечное Ана-

²⁾ Ноторпъ. *Philos. Monatsh.* В. 20. Н. 6 — 7. 379 — 380, думаетъ, что уже самая характеристика средняго начала, какъ тончайшаго одной и плотнѣйшаго другой стихіи, исключаетъ всякую возможность предполагать иное объясненіе происхожденія изъ него остальнаго бытія, кромѣ объясненія при помощи теоріи уплотненія и разрѣженія. Однако у Аристотеля можно замѣтить нѣкоторое различіе терминовъ, обозначающихъ способъ происхожденія бытія у философовъ, признававшихъ простое начало, отъ терминовъ, характеризующихъ оба среднія начала: первые у него всегда *μανότης καὶ πυκνότης*, вторые всегда *λεπτότερον καὶ πυκνότερον* (однажды *παχύτερον*). Это различіе имъ послѣдовательно проводится, не смотря на то, что въ *De coel.* III. 5. 303. b. 22 — 25, признающихъ теорію уплотненія и разрѣженія онъ говоритъ: *ἐτι δὲ τὸ μὲν πυκνότητι καὶ παχύτητι τὰλλα γεννᾶν οὐδὲν διαφέρει ἢ λεπτότητι καὶ παχύτητι: τὸ μὲν γὰρ λεπτόν μανόν, τὸ δὲ παχὺ βούλονται εἶναι πυκνόν*, и не смотря также на то, что когда онъ хочетъ прямо по этому способу происхожденія характеризовать вообще какое бы то ни было ученіе о началѣ, лишь бы соединялась съ нимъ эта теорія, онъ употребляетъ (см., напримеръ, *Phys.* I. 6. нач. и кон.) термины *μανόν καὶ πυκνόν*. Дѣло въ томъ, что разрѣженность и уплотненность (какъ понятіе противоположное разрѣженности) суть различные способы распространенія известной массы вещества въ пространствѣ, а тонкость и плотность (какъ понятіе противоположное тонкости), правда, могутъ считаться результатомъ этого способа распространенія вещества, но могутъ разсматриваться и какъ такія первичныя качества известнаго вещества, которыя нельзя получить путемъ разрѣженія и уплотненія одного и того же вещества и которыя поэтому должны предшествовать уже въ первооснованіи наряду съ другими качествами. Различіе огня по тонкости, напримеръ, отъ воды Анаксимандръ, конечно, такъ же мало могъ отрицать, какъ различіе его отъ нея по теплотѣ, но это также мало мѣшало ему вѣрить, что тонкое и плотное (въ смыслѣ контраста тонкому) нельзя получить путемъ уплотненія и разрѣженія того же вещества, какъ нельзя получить путемъ теплаго и холоднаго. Мнѣніе Ноторпа, мнѣ кажется, вызвано собственно неясностью на первый взглядъ того, почему начало характеризуется какъ среднее именно между тонкимъ и плотнымъ. Но это уже другой вопросъ, который разъяснится далѣе самъ собою.

ксимандра за упоминаемое имъ среднее начало между воздухомъ и водою. Ссылка на это среднее начало является у него какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ говоритъ онъ о простыхъ началахъ или гдѣ ученіе о происхожденіи остальнаго бытія ставится въ очевидную связь съ теоріей разрѣженія и уплотненія. Такъ въ *De coel.* при разсужденіи о стихіяхъ, которому, какъ сказано выше, предвослано точное опредѣленіе стихіи тѣла, и въ которомъ понятіе о стихіи ясно отождествляется съ понятіемъ простаго тѣла, къ признающимъ одну стихію отнесены, кромѣ признающихъ одну изъ известныхъ четырехъ стихій, также представители ученія о среднемъ началѣ между воздухомъ и водою, и взгляды всѣхъ этихъ философовъ критически обсуждаются въ связи съ теоріей разрѣженія и уплотненія ¹⁾. Нѣчто, вполне соответствующее этому, встрѣчаемъ въ *Metaph.* I. 8. Аристотель начинаетъ эту главу возраженіями противъ философовъ, которыхъ характеризуетъ очень обще, такъ что характеристика приложима ко всѣмъ признающимъ одно начало, будетъ ли то простое или составное, но очевидное: *ἅσολ... ἐν τε τὸ πᾶν καὶ μίαν τιὰ φύσιν ὡς ὅλην τιθέασιν*, и хотя тотчасъ же о нихъ говорится, что они τῶν γὰρ σωμάτων τὰ στοιχεῖα τιθέασιν μόνον, τῶν δ' ἁσωμάτων οὐ, однако характеръ самаго возраженія, одинаково приложимаго ко всѣмъ физикамъ монистамъ, не исключаетъ возможности предполагать, что терминъ *στοιχεῖα* употребленъ здѣсь въ менѣе точномъ значеніи. Но вслѣдъ за тѣмъ слѣдуетъ упрекъ, который Аристотель развиваетъ подробно и при которомъ онъ самъ ясно говоритъ, что имѣетъ въ виду именно признающихъ простыя тѣла, и сначала даже ограничиваетъ свои возраженія философами, признававшими одну изъ четырехъ стихій ²⁾. Возраженіе, которое здѣсь дѣлается противъ нихъ, затрогиваетъ ихъ ученіе о происхожденіи бытія; хотя теорія сжатія и расширения здѣсь прямо не называется, но указаніе на признававшихъ одну изъ стихій, характеристика взгляда на происхожденіе другихъ стихій изъ начала ³⁾, наконецъ самое возраженіе, по существу то-

¹⁾ *De coel.* III. 5. нач.: *ἐπεὶ δ' ἀνάγκη πεπεράνθαι τὰ στοιχεῖα, λοιπὸν σκέψασθαι πότερον πλείω ἔσται ἢ ἐν, ἐνιοὶ γὰρ ἐν μόνον ὑποτίθενται, καὶ τοῦτο οἱ μὲν ὕδωρ, οἱ δ' ἀέρα, οἱ δὲ πῦρ, οἱ δ' ὕδατος μὲν λεπτότερον αἶρος δὲ πυκνότερον... ἅσοι μὲν οὖν τὸ ἐν τοῦτο ποιοῦσιν ὕδωρ ἢ ἀέρα ἢ ὕδατος μὲν λεπτότερον αἶρος δὲ πυκνότερον, εἴτ' ἐκ τούτου πυκνότητι καὶ μανότητι τὰλλα γεννῶσιν, οὗτοι λανθάνουσιν αὐτοὶ αὐτοῦς κτλ.*

²⁾ *Metaph.* I. 8. 988. b. 29—32: *καὶ πρὸς τούτοις τὸ ραδίως τῶν ἀπλῶν σωμάτων λέγειν ἀρχὴν ὅτι οὖν πλὴν γῆς... λέγω δὲ πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ γῆν καὶ ἀέρα.*

³⁾ *Ibid.* 30—31: *οὐκ ἐπισκεψάμενοι τὴν ἐξ ἀλλήλων (то-есть, простыхъ тѣлъ) γένεσιν πῶς ποιοῦνται... τὰ μὲν γὰρ συγχρῆι, τὰ δὲ διακρίσει ἐξ ἀλλήλων γίγνεται.*

жественное съ тѣмъ, которое дѣлается въ *De coel.* III. 5 противъ этой теории, все это слишкомъ ясно говорить, что дѣло идетъ объ этой именно теории. Закончивъ разъясненіе возраженія, Аристотель прибавляетъ, что оно относится не только къ признающимъ одну изъ четырехъ стихій, но и къ тому, кто признавалъ бы начало болѣе плотное, чѣмъ воздухъ, и болѣе тонкое, чѣмъ вода ¹⁾. Такимъ образомъ и здѣсь при разсужденіи о признающихъ единое простое начало, при возраженіи, имѣющемъ въ виду теорію разрѣженія и уплотненія, упоминаются считавшіе началомъ вещество среднее между воздухомъ и водою. Въ *Phys.* III. 5 при возраженіяхъ противъ существованія безконечнаго тѣла, какъ мы видѣли, признающіе безконечное простое тѣло дѣлались на допускающихъ безконечность одной изъ четырехъ стихій и на принимающихъ нѣкоторое безконечное тѣло сверхъ стихій, которое не должно имѣть противоположностей, отличающихъ стихіи. Въ обоихъ мѣстахъ, о которыхъ у насъ сейчасъ шла рѣчь, *De coel.* III. 5, и *Metaph.* I. 8, къ говорящимъ о простомъ началѣ причисляются, кромѣ считающихъ за начало одну изъ четырехъ стихій, признающіе началомъ вещество среднее между воздухомъ и водою. Отсюда ясно, какое именно простое начало, сверхъ четырехъ стихій, чуждое ихъ противоположностей разумѣлъ Аристотель въ *Phys.* III. 5. Есть еще упоминаніе также о среднемъ только между воздухомъ и водою. Оно дѣлается въ той же *Phys.* III. 5 при критикѣ безконечнаго *ἀνόμοιον*, то-есть, составнаго изъ простыхъ тѣлъ не слившихся въ одну природу. Здѣсь Аристотель между прочимъ высказываетъ (какъ и противъ *σύνθετον*) ту мысль, что, если число частей различныхъ по виду въ такомъ безконечномъ будетъ ограниченное, то какія-либо изъ этихъ частей должны быть безконечны, чтобы цѣлое было безконечно; но въ такомъ случаѣ безконечное уничтожитъ противоположное себѣ. Для поясненія этой мысли Аристотель здѣсь говоритъ: „потому-то никто изъ физиковъ не принималъ одинаго безконечнаго за огонь или землю, а за воздухъ или воду, или среднее между ними“, такъ какъ только послѣднія могутъ одинаково находиться и вверху, и внизу ²⁾; то-есть, онъ хочетъ сказать, что тотъ,

¹⁾ *Ibid.* 989. a. 12—15: κατὰ μὲν οὖν τοῦτον τὸν λόγον οὐτ' εἴ τις τούτων (то-есть, изъ четырехъ стихій) τι λέγει πλὴν πυρός, οὐτ' εἴ τις ἀέρος μὲν πυκνότερον τοῦτο τίθησιν ὕδατος δὲ λεπτότερον, οὐκ ὀρθῶς ἂν λέγοι.

²⁾ *Phys.* III. 5. 205. a. 25—29: καὶ διὰ τοῦτ' οὐθεὶς τὸ ἐν καὶ ἄπειρον πῦρ ἐποίησεν οὐδὲ γῆν τῶν φυσιολόγων, ἀλλ' ἢ ὕδωρ ἢ ἀέρα ἢ τὸ μέσον αὐτῶν, ὅτι τόπος ἐκατέρου δῆλος ἢν διωρισμένος, ταῦτα δ' ἐπαμφοτερίζει τῷ ἄνω καὶ κάτω.

кто захотѣлъ бы изъ нѣсколькихъ составныхъ частей разнovidнаго безконечнаго признать какую-нибудь часть безконечною, не долженъ забывать, чего не забывали физики, признававшіе одну стихію, именно— что безконечная стихія должна владѣть способностью занять всѣ мѣста, а поэтому говорить о другихъ составныхъ частяхъ того же безконечнаго будетъ уже, очевидно, не возможно. Хотя, указывая здѣсь на примѣръ физиковъ-монистовъ, Аристотель прямо и не говоритъ, что имѣетъ въ виду лишь тѣхъ изъ нихъ, которые признавали простое начало, и, слѣдовательно, это мѣсто прямыхъ доказательствомъ простоты начала средняго между воздухомъ и водою служить не можетъ, однако возраженіе Аристотеля направлено здѣсь противъ разнovidнаго безконечнаго, части котораго остаются простыми, и рѣчь идетъ о безконечности какой-либо изъ этихъ простыхъ частей, а поэтому не только не будетъ противорѣчить общему смыслу Аристотелевой рѣчи, но и будетъ наиболѣе согласно съ нимъ предположеніе, что и при примѣрѣ, взятомъ для разъясненія возраженія, имѣются въ виду также признающіе простое безконечное.

По видимому, въ важнѣйшемъ свидѣтельствѣ Аристотеля объ Анаксимандрѣ, *Phys.* I, 4, содержится ясное и рѣшительное доказательство невозможности отождествлять безконечное Анаксимандра и съ веществомъ среднимъ между огнемъ и воздухомъ. Тамъ говорится: οἱ μὲν ἐν ποιήσαντες τὸ ὄν σῶμα τὸ ὑποκείμενον, ἢ τῶν τριῶν τι ἢ ἄλλο, ὃ ἐστὶ πυρός μὲν πυκνότερον, ἀέρος δὲ λεπτότερον, τὰλλα γεννώσι πυκνότητι . . . οἱ δὲ ἐκ τοῦ ἐνὸς ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνεσθαι, ὡσπερ Ἀναξίμανδρος φησι; то-есть, признававшіе среднее между огнемъ и воздухомъ начало, по видимому, прямо и ясно противопоставляются Анаксимандру. Однако уже комментаторы Аристотеля давали такое толкованіе этому мѣсту, при которомъ не только не отрицается, но прямо предполагается возможность отождествить безконечное Анаксимандра съ веществомъ среднимъ между огнемъ и воздухомъ. Изъ толкованія Филопона совершенно ясно, что онъ смотритъ на слова ἐν ποιήσαντες τὸ ὄν . . . λεπτότερον какъ на общую характеристику обѣихъ группъ, въ которую вошли въ дисъюнктивной формѣ и частныя характеристики каждой изъ нихъ, то-есть, по его мнѣнію, это мѣсто имѣетъ такой смыслъ: изъ признающихъ существующее за единое тѣло въ смыслѣ субстрата и именно или за одну изъ трехъ стихій, или за иное болѣе плотное, чѣмъ огонь, и болѣе тонкое, чѣмъ воздухъ, одни остальное рождаютъ и т. д. ¹⁾. При комментаріѣ къ

¹⁾ Philop. in Arist. *Phys.* ed. Vitelli. 1887 — 1888. 90. 27 — 91. 2: οὕτως

этому же мѣсту Симплицій замѣчаетъ, что одни изъ физиковъ признаютъ единое, другіе многое, и что признающимъ единое, по словамъ Аристотеля, принадлежать два способа порожденія изъ него существующаго, именно: всѣ они принимаютъ это единое за нѣчто тѣлесное, но одни принимаютъ его за какую-нибудь одну изъ трехъ стихій, нѣкоторые же—за нѣчто отличное отъ послѣднихъ, плотнѣйшее огня и тончайшее воздуха¹⁾. Нейгзюзеръ²⁾ совершенно справедливо указываетъ на эти слова Симплиція какъ на доказательство того, что Симплицій на *ἐν ποιήσαντες τὸ ὄν . . . λεπτότερον* смотритъ какъ на общее опредѣленіе обѣихъ группъ физиковъ. Подъ признающими многое Симплицій, несомнѣнно, разумѣетъ здѣсь тѣхъ, кого далѣе Аристотель называетъ *ὅσοι ἐν καὶ πολλὰ φασιν εἶναι*, слѣдовательно, къ признающимъ *ἐν* относитъ и Анаксимандра; всѣхъ признающихъ единое онъ дѣлитъ затѣмъ на принимающихъ одну изъ трехъ стихій и принимающихъ начало среднее между огнемъ и воздухомъ, слѣдовательно, это дѣленіе относится не къ первой только группѣ, но къ обѣимъ. Но то же еще опредѣленіе и яснѣе высказываетъ Симплицій при комментаріѣ къ самому началу Аристотелева изслѣдованія о числѣ началъ; здѣсь онъ, несомнѣнно, какъ показываютъ самыя его слова, имѣетъ въ виду то мѣсто Аристотеля, съ которымъ теперь мы имѣемъ дѣло; указывая на это именно мѣсто, онъ разъясняетъ, что Аристотель здѣсь физиковъ дѣлитъ на признающихъ или единое, или единое и многое, и тотчасъ же единое прямо называетъ или одною изъ трехъ стихій, или среднимъ³⁾.

οὐν ὑπερβαστέον τὴν λέξιν (то-есть, этого Аристотелева мѣста) *ὡς δὲ οἱ φυσικοὶ λέγουσι, δύο τρόποι εἰσὶν ἐν γὰρ ποιήσαντες τὸ ὄν σῶμα τὸ ὑποκείμενον καὶ τὰ ἑξῆς, τὰ ἄλλα γεννώσιν, οἳ μὲν πυκνότητι καὶ μανότητι, οἳ δὲ ἐκ τοῦ ἐνός ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνεσθαι λέγουσιν.*

¹⁾ *Simpl. in Arist. Phys. 149. 3—10: καὶ γὰρ τῶν φυσικῶν οἳ μὲν ἐν, οἳ δὲ πολλὰ λέγουσιν. καὶ τῶν ἐν λεγόντων δύο τρόπους εἶναι φησι (Ἀριστοτέλης) τῆς ἐκ τοῦτου τῶν ὄντων γενέσεως: πάντες μὲν γὰρ σωματικόν τι τὸ ἐν ὑποτίθενται τοῦτο, ἀλλ' οἳ μὲν ἐν τι τῶν τριῶν στοιχείων τινὲς δὲ ἄλλο τι τῶν τριῶν ὑπέθεντο ὃ ἐστι πυρὸς μὲν πυκνότερον, αἶρος δὲ λεπτότερον.*

²⁾ *Neuh. Anax. M. 181—182.*

³⁾ *Simpl. in Phys. 22. 3—7: ἰστέον δὲ ὅτι προελθῶν (то-есть, Аристотель) ἐν τοῖς πρὸς αὐτοὺς λόγοις μετὰ τὸ πρὸς Μέλισσον καὶ Παρμενίδην ἀντειπεῖν τοὺς φυσικοὺς καλούμενος προχειρισάμενος (такое именно положеніе разъясняемаго теперь Аристотелева мѣста) οὕτως διεῖλεν: ἢ ἐν τὸ ὄν λέγουσιν ἤτοι τὸ στοιχεῖον, ἢ ἐν καὶ πολλὰ. ἐν μὲν, εἰ τῶν τριῶν τι στοιχείων ἢ τὸ μεταξύ, ἐν δὲ καὶ πολλὰ, ὡς Ἀναξαγόρας καὶ Ἐμπεδοκλῆς. Шлейермахеръ, *Ueb. Anax. 180—181*, и слѣдовавшіе за нимъ ученые не останавливали вниманіе на этихъ и вышеприведен-*

Толкованія на это мѣсто Александра мы не имѣемъ; но мы знаемъ, что Александръ смотрѣлъ на безконечное Анаксимандра какъ на τὸ μεταξὺ, и Симплицій тутъ же при своемъ толкованіи говоритъ объ этомъ взглядѣ Александра; и хотя онъ прямо о толкованіи Александромъ

ныхъ словахъ Симплиція, но имѣя въ виду кратко и очень неопредѣленно выраженное возраженіе, которое дѣлаетъ Симплицій противъ Порфиріева толкованія словъ Аристотеля, очевидно, предполагали, что онъ слова *ἐν ποιήσαντες τὸ ὄν* ктл. относитъ исключительно къ первой группѣ. Симплицій, возражая противъ Порфирія, говоритъ, *ibid. 149. 18—27: αὐτοφούστερον δὲ μοι δοκεῖ κατὰ τὴν λέξιν* (то-есть, Аристотелевой рѣчи) *μὴ ὡς ἀντιδιηρημένου τοῦ σώματος πρὸς τὰ στοιχεῖα καὶ τὸ μεταξύ ἀκοῦειν* (то-есть, какъ толковалъ Порфирій), *ἀλλ' ὡς διηρημένου μᾶλλον εἰς τε τὰ τρία καὶ τὸ μεταξύ σῶμα γὰρ τὸ ὑποκείμενον φησιν (Ἀριστοτέλης) ἢ τῶν τριῶν τι ἢ ἄλλο ὃ ἐστι πυρὸς μὲν πυκνότερον αἶρος δὲ λεπτότερον, καὶ μέντοι κοινῶς περὶ τῶν προειρημένων ἐπήγαγεν, ὅτι τὰ ἄλλα γεννώσι μανότητι καὶ πυκνότητι, καίτοι τοῦ Ἀναξιμανδρου, ὡς αὐτὸς φησι, μὴ οὕτως γεννῶντος, ἀλλὰ κατὰ ἐκκρίσιν τὴν ἀπὸ τοῦ ἀπειρου. πῶς οὖν εἰ τοῦτου ἔλεγε, εἶναι τὸν σῶμα ἀδιορίστως ὑποθέμενον κοινῶς ἐπήγαγε τὴν κατὰ ἀλλοίωσιν γένεσιν; понимая подъ οἱ προειρημένοι всѣхъ въ совокупности *ἐν ποιήσαντες* и видя, что Симплицій къ нимъ всѣмъ относитъ предикаты первой группы, теорію разрѣженія и уплотненія, естественно полагаали, что онъ на *ἐν ποιήσαντες* ктл. смотритъ какъ на характеристическое опредѣленіе этой группы въ ея отличіи отъ группы второй. Но при этомъ ученые, такъ думавшіе, вынуждены были смотрѣть на это возраженіе Симплиція противъ Порфирія какъ на логически безсвязное и противорѣчивое. Въ самомъ дѣлѣ изъ того, что Аристотель всѣмъ признававшимъ единое за одно изъ *опредѣленно обозначаемыхъ* тѣлъ, то-есть, за одну изъ стихій или за среднее между ними приписываетъ теорію разрѣженія и уплотненія, а Анаксимандру усвоить не эту, а другую теорію — выдѣленія, никакъ не будетъ слѣдовать, что Анаксимандръ не могъ признавать единое за тѣло, оставленное безъ опредѣленія, какъ думалъ Порфирій. Прямо на оборотъ отсюда будетъ слѣдовать ошибочность взгляда самого Симплиція, отождествлявшаго безконечное Анаксимандра съ веществомъ среднимъ между стихіями. Ясно, что слова Симплиція потеряютъ при такомъ пониманіи ихъ всякій логическій смыслъ. Первую часть возраженія Симплиція, по моему мнѣнію, правильно разъясняетъ Нейгзюзеръ (*Anax. M. 181—182*). Симплицій и Порфирій, думаетъ онъ, одинаково смотрѣли на *ἐν ποιήσαντες* ктл. какъ на общее опредѣленіе обѣихъ группъ, соединенное съ двухчленною дисъюнкціей и различались лишь тѣмъ, что, по Симплицію, членами этой дисъюнкціи были *τῶν τριῶν τι* и *ἄλλο τι πυρὸς πυκνότερον* ктл., а по Порфирію—оба эти понятія относились ко второму члену дисъюнкціи, представляя собою два его вида, а первымъ членомъ ея было *σῶμα τὸ ὑποκείμενον*. Противъ этого взгляда Симплицій въ первой части возраженія замѣчаетъ, что текстъ Аристотелевой рѣчи не говоритъ въ пользу Порфиріева толкованія, а вызываетъ мысль о раздѣленіи на *τῶν τριῶν τι* и *ἄλλο*. Что же касается второй части возраженія, то можетъ быть, ее можно истолковать слѣдующимъ образомъ: Симплицій обращаетъ здѣсь вниманіе на самую послѣдовательность, въ которой*

словъ Аристотеля не упоминаетъ, но, если имѣть въ виду, что онъ обыкновенно даже въ менѣе значительныхъ случаяхъ очень охотно заявляетъ о разностяхъ своихъ толкованій отъ Александровыхъ, и что отождествленіе безконечнаго Анаксимандра съ τὸ μεταξὺ можетъ быть соглашено съ словами Аристотеля только при отнесеніи ἐν ποιήσαντες κτλ. къ обѣимъ группамъ физиковъ, то необходимо прійти къ заключенію, что и Александръ держался того же толкованія. Это согласіе комментаторовъ ¹⁾ имѣетъ свое значеніе: оно доказываетъ, что для греческихъ писателей подобное толкованіе текста Аристотелевой рѣчи не казалось невозможнымъ. Въ самихъ словахъ Аристотеля можно найти даже основаніе для того, чтобы на ἐν ποιήσαντες τὸ ὄν κтл. смотрѣть какъ на общее опредѣленіе обѣихъ группъ физиковъ. Нейгаузеръ ²⁾ справедливо ставитъ на видъ, что въ противномъ случаѣ οἱ δὲ, то-есть, вторая группа, останется безъ всякаго опредѣленія, и для читателя будетъ совершенно неизвѣстно, въ чемъ именно состоитъ ея отличіе отъ первой. Съ другой стороны—не подлежитъ сомнѣнію и большинствомъ ученыхъ признается, что Анаксимандрово безконечное разсматривается здѣсь Аристотелемъ какъ единое тѣло, и что оно не менѣе, чѣмъ вещество другихъ древнихъ физиковъ,

высказаны Аристотелемъ члены дисъюнкціи. При его толкованіи словъ Аристотеля Анаксимандръ долженъ относиться къ последнему ея члену (ἄλλο), при толкованіи Порфирія—къ первому (σῶμα τὸ ὑποκείμενον). Такъ какъ онъ увѣренъ, что послѣдовательность членовъ дисъюнкціи должна соответствовать послѣдовательности группъ οἱ μὲν и οἱ δὲ, а Анаксимандръ отнесенъ Аристотелемъ къ последней, а не къ первой, которой приписана теорія разрѣженія и уплотненія, то онъ естественно замѣчаетъ противъ Порфирія, что Аристотель тѣмъ изъ принимающихъ единство принципа, которыхъ онъ въ своей рѣчи поставилъ впереди (περὶ τῶν προειρημένων, въ подобномъ же значеніи προερεῖν употребляется, напримѣръ, Аристотель, въ Rhet II, 21, 1394, b, 31), всемъ въ совокупности (κοινῶς, слич. Simpl. 150, 1—2, гдѣ Симплицій, при болѣе подробномъ разьясненіи первой группы, замѣчаетъ противъ Теофраста, относившаго теорію разрѣженія и уплотненія къ одному Анаксимандру: ὅλον δὲ ὡς καὶ οἱ ἄλλοι τῆ μανότητι καὶ πυκνότητι ἐχρῶντο. καὶ γὰρ Ἀριστοτέλης περὶ πάντων τούτων εἶπε κοινῶς, ὅτι τὰ ἄλλα γεννῶσι πυκνότητι κтл.) усваиваетъ теорію разрѣженія и уплотненія, тогда какъ Анаксимандру усваиваетъ ἐκκρίσιν, а поэтому безконечное Анаксимандра не можетъ подразумеваться подъ σῶμα τὸ ὑποκείμενον, оставленное безъ дальнѣйшихъ опредѣленій, то-есть, подъ предполагаемый у Порфирія первый членъ дисъюнкціи.

¹⁾ Изъ вышеприведенныхъ словъ Симплиція видно, что, по крайней мѣрѣ какъ понималъ Симплицій Порфирія, Порфирій въ этомъ отношеніи не отличался отъ другихъ комментаторовъ, а только иначе толковалъ самое раздѣленіе физиковъ на группы.

²⁾ Neuh. Anax. M. 168.

имѣло право быть толкуемо въ смыслѣ субстрата ¹⁾. Но отсюда слѣдуетъ, что по крайней мѣрѣ слова ἐν ποιήσαντες τὸ ὄν σῶμα τὸ ὑποκείμενον должны были пониматься Аристотелемъ какъ относящіяся одинаково къ обѣимъ группамъ. Если же это такъ, то и непосредственно слѣдующая за ними дисъюнкція ἢ τῶν τριῶν τι ἢ ἄλλο κтл. въ такомъ случаѣ скорѣе будетъ имѣть смыслъ общаго дѣленія родоваго понятія, чѣмъ указанія на виды одной изъ группъ, къ нему относящихся. Руководствуясь толкованіемъ, которое выше дано было нами этому мѣсту въ цѣломъ его видѣ, мы, какъ кажется, можемъ даже понять, по какой причинѣ Аристотель допустилъ это во всякомъ случаѣ необычное соединеніе общаго опредѣленія съ первымъ изъ его видовъ, а не предпослалъ его ихъ перечисленію. Сказавъ, что есть два способа разсужденій физиковъ, и начиная тотчасъ за тѣмъ свою рѣчь словомъ οἱ μὲν, онъ этимъ очень ясно даетъ понять, что эти два способа совпадаютъ съ οἱ μὲν и οἱ δὲ, то-есть, съ двумя группами древнѣйшихъ физиковъ, и что слѣдующіе за тѣмъ ὅσοι ἐν καὶ πολλὰ φασί εἶναι присоединяются ко второй группѣ, такъ что общее дѣленіе физиковъ не перестаетъ отъ этого строго соответствовать дѣленію физиковъ древнѣйшихъ. Еслибы слову οἱ μὲν предпослано было общее опредѣленіе обѣихъ группъ древнѣйшихъ физиковъ, потребовалось бы особое разьясненіе, что ὅσοι τριῶν разсужденій физиковъ означаютъ не взгляды всѣхъ древнихъ монистовъ, съ одной стороны, и взгляды признающихъ единое и многое—съ другой, а соответствуютъ именно дѣленію монистовъ, къ одной части которыхъ примыкаютъ и непоследовательные плюралисты. Однимъ словомъ, выразить мысль, которую хочетъ высказать Аристотель, въ такой сжатой формѣ, въ какой она высказана имъ, нельзя было иначе, какъ начавъ съ οἱ μὲν, и слѣдовательно, отнеся общее опредѣленіе обѣихъ группъ къ одной изъ нихъ. Но если на ἐν ποιήσαντες κтл. смотрѣть какъ на общее опредѣленіе обѣихъ группъ, а на дисъюнкцію, съ нимъ соединенную, какъ на перечисленіе видовъ вещества, которые у представителей обѣихъ группъ имѣли значеніе субстрата, то несомнѣнно, что это свидѣтельство Аристотеля не только не будетъ противорѣчить отождествленію безконечнаго Анаксимандра съ среднимъ между огнемъ и воздухомъ веществомъ, но прямо будетъ вызывать мысль объ этомъ тождествѣ. Въ пользу этой же мысли, мнѣ кажется, рѣшительно говорить три слѣдующія основанія.

¹⁾ Это слѣдуетъ уже изъ отнесеннаго здѣсь къ нему: ἐκ ἑνὸς ἐκκρίσασθαι.

1) Мы уже видѣли, что въ тѣхъ двухъ случаяхъ, De coel. III. 5 и Metaph. I. 8, гдѣ ясно идетъ дѣло или о простыхъ тѣлахъ, или о стихіяхъ въ точномъ Аристотелевомъ значеніи этого слова и гдѣ или столь же ясно, или *implicite* ведется полемика противъ теоріи разрѣженія и уплотненія, упоминаются признающіе среднее вещество между воздухомъ и водою. Въ обоихъ этихъ случаяхъ упоминанія о признающихъ среднее между огнемъ и воздухомъ нѣтъ. Чтобы взвѣснить все значеніе этого умолчанія, нужно обратить вниманіе на три слѣдующія обстоятельства. Впервыхъ, Аристотелевы перечни взглядовъ, подлежащихъ его обсужденію, въ обоихъ этихъ случаяхъ имѣютъ видъ не случайно взятыхъ примѣровъ, а полного перечисленія видовъ. Въ вторыхъ, при перечняхъ философскихъ мнѣній, имѣющихъ болѣе общій характеръ, какъ увидимъ это далѣе, на оборотъ, по преимуществу выступаетъ среднее вещество между огнемъ и воздухомъ, и слѣдовательно, никакъ нельзя думать, что послѣднее опускается въ этихъ случаяхъ потому, что Аристотель придавалъ ему менѣе значенія. Втретьихъ, нужно обратить вниманіе на то возраженіе, которое дѣлаетъ здѣсь Аристотель противъ теоріи разрѣженія и уплотненія. Онъ указываетъ на непослѣдовательность всѣхъ философовъ, державшихся этой теоріи, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые огонь признавали началомъ всѣхъ вещей; ему кажется, что при послѣдовательномъ развитіи подобной теоріи наиболѣе простымъ должно представляться самое тонкое вещество, а всѣ другія вещества должны оказаться результатомъ сплотненія или соединенія его частей; но тончайшимъ веществомъ всѣ считаютъ огонь ¹⁾. Съ точки зрѣнія этой критики, конечно, болѣе заслуживало бы упоминанія вещество среднее между огнемъ и воздухомъ, еслибы ученіе о немъ также соединялось съ теоріей сжатія и расширенія, чѣмъ вещество среднее между воздухомъ и водою, такъ какъ первое по тонкости занимаетъ ближайшее къ огню мѣсто. Особенно казалось бы естественнымъ ждаты упоминанія о немъ въ Metaph. I. 8. Здѣсь Аристотель

¹⁾ De coel. III. 5. 303. b. 17—21: ἔστι γὰρ ἡ μὲν ἐκ τῶν στοιχείων γένεσις σύνθεσις, ὡς φασιν, ἢ δ' εἰς τὰ στοιχεία διάλυσις, ὡστ' ἀνάγκη πρότερον εἶναι τῇ φύσει τὸ λεπτομερέστερον. ἐπεὶ οὖν φασὶ πάντων τῶν σωμάτων τὸ πῦρ λεπτότατον εἶναι, πρῶτον ἂν εἴη τῇ φύσει τὸ πῦρ. Подобно въ Metaph. I. 8. 988 b. кон.: τὰ μὲν γὰρ συγκρίσει, τὰ δὲ διακρίσει ἐξ ἀλλήλων γίγνεται· τοῦτο δὲ πρὸς τὸ πρότερον εἶναι καὶ ὕστερον διαφέρει πλείστον· τῇ μὲν γὰρ ἂν δόξειε στοιχειωδέστατον εἶναι πάντων, ἐξ οὗ γίνονται συγκρίσει πρῶτου, τοιοῦτον δὲ τὸ μικρομερέστατον καὶ λεπτότατον ἂν εἴη τῶν σωμάτων· διόπερ ὅσοι πῦρ ἀρχὴν τίθεασιν, μάλιστα ὁμολογουμένως ἂν τῷ λόγῳ τοῦτο λέγοιεν.

въ началѣ своей критики перечисляетъ только четыре стихіи и лишь въ заключеніи ея расширяетъ свой выводъ, придавая ему характеръ вывода общаго, и говоритъ, что на представленномъ основаніи не состоятеленъ взглядъ какъ признающихъ какую-либо изъ этихъ стихій, такъ и признающихъ среднее между воздухомъ и водою. Здѣсь кажется особенно удивительнымъ, какимъ образомъ при этомъ расширеніи вывода указано на начало, несостоятельность ученія о которомъ подразумевается сама собою, какъ скоро критика имѣла уже въ виду ученіе о воздухѣ, болѣе тонкомъ, чѣмъ это начало, а не упомянуто о началѣ ближайшемъ къ огню, чѣмъ всѣ упомянутыя ранѣе стихіи, что дѣйствительно расширяло бы выводъ и указывало бы крайнюю грань, до которой онъ простирается. Всѣ эти недоумѣнія разъясняются сами собою, какъ скоро мы предположимъ, что Аристотель не относилъ ученіе о веществѣ среднемъ между огнемъ и воздухомъ къ ученіямъ о простыхъ началахъ и не считалъ его соединеннымъ съ теоріей разрѣженія и уплотненія. Но мы знаемъ, кромѣ этой теоріи, только теорію выдѣленія и между монистами знаемъ одного только представителя ея Анаксимандра.

2) При критическомъ обзорѣ мнѣній своихъ предшественниковъ о причинахъ и началахъ, сдѣланномъ въ Metaph. I. 3—6, Аристотель не упоминаетъ вообще о признававшихъ среднее вещество. Но когда въ 7-й главѣ онъ дѣлаетъ сжатое повтореніе сказаннаго, онъ дополняетъ сдѣланный пропускъ и упоминаетъ о принимавшихъ среднее между огнемъ и воздухомъ вещество. Одни, говоритъ онъ, принимаютъ начало въ смыслѣ вещества—все равно предполагаютъ ли они одно начало или многія; затѣмъ, охарактеризовавъ вещество Платона, Пивагорейцевъ, Эмпедокла и Анаксагора, продолжаетъ: эти всѣ коснулись этого рода причины и еще всѣ тѣ, которые (принимали за начало) воздухъ или огонь, или воду, или вещество плотнѣйшее огня и тончайшее воздуха, потому что нѣкоторые и такъ опредѣляли первую стихію ¹⁾. Употребленный здѣсь для обозначенія этого средняго терминъ „первая стихія“ замѣчательнъ. Аристотель, когда говоритъ о принимаемыхъ древними стихіяхъ, понимая подъ ними и вещественныя начала, говоритъ обыкновенно о признаваніи ими одной

¹⁾ Metaph. I. 7. 988. a. 23—32: οἱ μὲν γὰρ ὡς ὅλην τὴν ἀρχὴν λέγουσιν, ἂν τε μίαν ἂν τε πλείους ὑποθῶσι... οὗτοι τε δὴ πάντες τῆς τῆς αὐτῆς αἰτίας ἡμμένοι εἰσὶ, καὶ ἐτι ὅσοι ἀέρα ἢ πῦρ ἢ ὕδωρ ἢ πῦρὸς μὲν πυκνότερον ἀέρος δὲ λεπτότερον· καὶ γὰρ τοιοῦτον τινες εἰρήκασιν εἶναι τὸ πρῶτον στοιχεῖον.

стихию или многих (какъ и здѣсь онъ тѣмъ же начинаетъ свою рѣчь, употребляя лишь вмѣсто понятія τὸ στοιχεῖον понятіе τὴν ἀρχὴν ὡς ὕλην), но о признающихъ первую стихію онъ не говоритъ. Понятіе первой стихіи, когда дѣло идетъ просто о томъ, чтобы указать на число признаваемыхъ стихій, есть противорѣчивое понятіе. Понятіе стихіи само уравнивается понятію вообще первоначальнаго (въ смыслѣ не разлагаемаго далѣе и лежащаго въ основѣ всего другаго) бытія и можетъ быть замѣнено названіемъ τὸ πρῶτον, подобно тому какъ и стихіи тѣлѣ въ другихъ случаяхъ называются у Аристотеля τὰ πρῶτα σώματα и даже просто τὰ πρῶτα. Соединеніе этихъ двухъ терминовъ въ одинъ и образованіе изъ нихъ понятія τὸ πρῶτον στοιχεῖον можетъ имѣть смыслъ лишь тогда, когда имѣется въ виду указать на особое какое-либо преимущество одной стихіи предъ другими, и слѣдовательно, лишь когда дѣло идетъ о взглядѣ, допускающемъ существованіе многихъ стихій, и цѣль состоитъ не въ опредѣленіи числа ихъ, а въ указаніи на особое значеніе какой-либо изъ нихъ предъ остальными равно первоначальными. Въ этомъ именно смыслѣ Аристотель называетъ первую стихію свою пятую стихію—эфиръ, вслѣдствіе усвояемой ей высшей совершеннѣйшей природы сравнительно съ остальными четырьмя стихіями. Поэтому, если мы видимъ, что этотъ терминъ примѣненъ къ среднему началу между огнемъ и воздухомъ, помѣщенному среди началъ, принимавшихся за единныя начала, и примѣненъ единственно къ нему въ цѣломъ обширномъ историко-критическомъ очеркѣ, гдѣ слово στοιχεῖον употреблено очень значительное число разъ, то едва ли мы можемъ сомнѣваться, что Аристотель смотрѣлъ на это среднее между огнемъ и воздухомъ начало иначе, чѣмъ на другія единичныя начала. Не смотря на то, что оно несомнѣнно было для него ἐν σώμα (Phys. I. 4), μία φύσις (Gener. et. corr. II. 1), оно должно было предполагать или, такъ какъ дѣло идетъ объ одномъ только принципѣ, заключать въ себѣ, по его взгляду, нѣкоторую множественность, которая считалась имъ въ извѣстномъ смыслѣ столь же первоначальною, какъ и однообразная природа самого этого начала. Только такъ мы можемъ объяснить себѣ, почему понятіе единой стихіи здѣсь оказалось не приложимымъ, и явилась необходимость къ единому началу приложить терминъ первой стихіи. Если понятіе первой стихіи въ примѣненіи къ началу, которое не предполагаетъ другихъ началъ внѣ себя, въ независимости отъ себя, а слѣдовательно, не предполагаетъ и существованія въ собственномъ смыслѣ другихъ стихій, должно представляться шаткимъ и дву-

смысленнымъ, то въ этомъ сказывалась только та же самая неприменимость къ среднему веществу между огнемъ и воздухомъ понятія о стихіи въ строгомъ Аристотелевомъ смыслѣ, какая сказалась въ необходимости исключить безконечное Анаксимандра изъ изслѣдованія о стихіяхъ тѣлѣ въ De coel. III. 5. Разница состояла лишь въ томъ, что совѣмъ умолчать о принципѣ Анаксимандра въ историко-критическомъ обзорѣ Метафизики, гдѣ дѣло шло не о частномъ вопросѣ о стихіяхъ тѣлѣ, а объ общемъ, о послѣднихъ основаніяхъ бытія, и гдѣ понятіе стихіи естественно явилось лишь вслѣдствіе того, что у всѣхъ другихъ философовъ древности, кромѣ Анаксимандра, началами были собственно стихіи,—было не удобно. Аристотель очень искусно обходитъ это затрудненіе. Въ самомъ началѣ историческаго очерка, очень опредѣленно соединивъ понятіе о началахъ въ формѣ вещества съ понятіемъ στοιχεῖον, какъ это вполне подходило къ тѣмъ, которыхъ онъ называетъ τῶν πρῶτων φιλοσοφούντων πλείστοι¹⁾ (это πλείστοι заслуживаетъ вниманія: оно показываетъ, что есть кто-то изъ первыхъ философствовавшихъ, взглядъ котораго не укладывается въ указанные рамки), онъ опускаетъ Анаксимандра, и это даетъ ему даже возможность представить остальные важнѣйшія монистическія ученія какъ бы прямою подготовкой къ Эмпедоклову ученію о четырехъ стихіяхъ²⁾. Но при общемъ заключительномъжатомъ обзорѣ, который начинается болѣе неопредѣленнымъ выраженіемъ: οἱ μὲν γὰρ ὡς ὕλην τὴν ἀρχὴν λέγουσιν, является въ качествѣ дополненія къ перечисленнымъ началамъ и безконечное Анаксимандра подъ двусмысленнымъ терминомъ τὸ πρῶτον στοιχεῖον.

3) Предположимъ, что подъ веществомъ среднимъ между огнемъ и воздухомъ разумѣется безконечное Анаксимандра, и мы тотчасъ же увидимъ, что упоминаніе объ этомъ безконечномъ оказывается въ Аристотелевыхъ перечняхъ философскихъ мнѣній при обсужденіи имъ всѣхъ важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ дѣло идетъ о простыхъ тѣлахъ или о стихіяхъ

¹⁾ Metaph. I. 3. 983. b. 6—11: τῶν δὲ πρῶτων φιλοσοφούντων οἱ πλείστοι τὰς ἐν ὕλης εἶδει μόνως φήθησαν ἀρχάς εἶναι πάντων· ἐξ οὗ γὰρ ἔστιν ἅπαντα τὰ ὄντα, καὶ ἐξ οὗ γίνεταί πρῶτον καὶ εἰς ὃ φθείρεται τελευταῖον, τῆς μὲν οὐσίας ὑπομενοῦσης, τοῖς δὲ πάθει μεταβαλλούσης, τοῦτο στοιχεῖον καὶ ταύτην ἀρχὴν φασὶν εἶναι τῶν ὄντων.

²⁾ Ibid. 20—21: Θαλῆς μὲν ὁ τῆς τριαύτης ἀρχηγὸς φιλοσοφίας ὕδωρ εἶναι φησὶν (τὴν ἀρχὴν)... (984 a. 5—8) Ἀναξίμενης δὲ ἀέρα... Ἴππασος δὲ πῦρ ὁ Μεταποντιῖνος καὶ Ἡράκλειτος ὁ Ἐφέσιος, Ἐμπειδοκλῆς δὲ τὰ τέτταρα, πρὸς τοῖς εἰρημένοις γῆν πρῶστιθειεὶς τέταρτον.

въ собственномъ смыслѣ, сказать иначе, упоминаніе о немъ является всюду, гдѣ мы его должны ожидать. Мы видимъ его въ *Metaph. I. 7* при заключеніи историко-критическаго обзора ученія о началахъ или причинахъ, въ *Gener. et corr.* и при перечнѣхъ ученій о субстратѣ II. 1¹⁾ и при критикѣ этихъ ученій II. 5²⁾, въ *Phys.* и при перечнѣ началъ, признаваемыхъ физиками, I. 4, и при ссылкѣ Аристотеля на физиковъ-монистовъ для подтвержденія своего собственного ученія объ единствѣ субстрата I. 6³⁾, и наконецъ въ перечнѣхъ ученій о безконечномъ⁴⁾. Совершенно понятною въ такомъ случаѣ дѣлается для насъ и роль, какую играетъ въ такихъ перечняхъ среднее вещество между воздухомъ и водою. Ученіе о немъ не принадлежитъ, по взгляду Аристотеля, какому-нибудь изъ болѣе значительныхъ философовъ древности, что можно заключить уже изъ того, что этотъ философъ нигдѣ въ его сочиненіяхъ не называется по имени.

¹⁾ *Gener. et corr.* II. 1. 328. b. кон.: τούτων (τῶν αἰσθητῶν σωμάτων) δὲ τὴν ὑποκειμένην ὕλην οἱ μὲν φασὶν εἶναι μίαν, οἷον ἀέρα τιθέντες ἢ πῦρ ἢ τι μεταξὺ τούτων... οἱ δὲ πλείω κτλ.

²⁾ *Ibid.* II. 5. 332. a. 18—22: ὁ δ' αὐτὸς λόγος περὶ πάντων, ὅτι οὐκ ἔστιν ἐν τούτων (стихій) ἐξ οὗ τὰ πάντα, οὐ μὴν οὐδ' ἄλλο τί γε παρὰ ταῦτα, οἷον μέσον τι ἀέρος καὶ ὕδατος ἢ ἀέρος καὶ πυρός, ἀέρος μὲν παχύτερον καὶ πυρός, τῶν δὲ λεπτότερον.

³⁾ *Phys.* I. 6. нач.; здѣсь оно обнимается вмѣстѣ съ среднимъ веществомъ между воздухомъ и водою въ общемъ терминѣ, указывающемъ на двѣ болѣе отдаленныя стихіи: ὕδωρ ἢ πῦρ ἢ τὸ μεταξὺ τούτων.

⁴⁾ *Ibid.* III. 4. 203. a. 16—18. Здѣсь непосредственно передъ ἢ τὸ μεταξὺ τούτων стоитъ, правда, οἷον ὕδωρ ἢ ἀέρα, такъ какъ другія стихіи никѣмъ не признавались безконечными, а поэтому не могли быть упомянуты; но именно въ одномъ этомъ мѣстѣ изъ всѣхъ подобныхъ случаевъ передъ οἷον стоитъ τῶν λεγόμενων στοιχείων, такъ что ὕδωρ ἢ ἀέρα получаютъ значеніе вставочнаго примѣра, и дается право на тоѣмъ смотрѣть какъ на указывающее на τῶν λεγόμενων στοιχείων. Вопросъ о томъ, разумѣть ли подъ τὰ λεγόμενα στοιχεῖα извѣстныя четыре стихіи или элементарное тѣло вообще (*Zeller*, Ph. d. Gr. I. 198. № 2), разрѣшается тѣмъ, что подъ понятіе послѣдняго какъ тѣла *простого* Анаксимандрово безконечное, какъ показано, не подходитъ, а поэтому, при толкованіи τὰ λεγ. ст. въ послѣднемъ смыслѣ, Анаксимандръ изъ числа признающихъ безконечное Аристотелемъ былъ бы исключенъ. Впрочемъ это толкованіе исключается уже обычнымъ у Аристотеля употребленіемъ термина τὰ λεγ. ст. въ первомъ смыслѣ. Смысла Целлера на *Metaph.* V. 3. 1014 a. 32 доказываетъ только, что Аристотель могъ бы начала, признававшіяся за не разложимыя другими, назвать отъ ихъ имени стихіями, то-есть, обозначить какъ признаваемые отъ нихъ (или называемыя ими) стихіями, но никакъ не доказываетъ, чтобы даже такія начала онъ могъ назвать такъ-называемыми (то-есть, за которыми установилось это названіе) стихіями, что именно у него значить терминъ τὰ λεγ. или κατ. στοιχεῖα.

И этому вполне соответствуетъ то мѣсто, которое занимаетъ его принципъ въ Аристотелевыхъ перечняхъ философскихъ мнѣній. Въ обзорахъ болѣе общаго характера, гдѣ идетъ дѣло не о монистахъ только, онъ обыкновенно совѣмъ не упоминается, на примѣръ, въ *Metaph. I. 7*, *Gener. et corr.* II. 1, *Phys.* I. 4¹⁾. Гдѣ же дѣлается перечень однихъ монистовъ, какъ въ *Phys.* I. 6, или поднимается частный вопросъ объ единомъ сверхъ стихій какъ въ *Gener. et corr.* II. 5 при критикѣ ученій объ ὕλῃ, а тѣмъ болѣе при перечнѣхъ взглядовъ на единое какъ простое, на примѣръ, въ *De coel.* III. 5, *Metaph.* I. 8, даже при упоминаніи о нихъ просто въ качествѣ разъяснительнаго примѣра, какъ при критикѣ разнovidнаго безконечнаго въ *Phys.* III. 5, онъ тотчасъ же является, смотря по характеру случая, или въ соединеніи съ среднимъ веществомъ между огнемъ и воздухомъ, или какъ единственный примѣръ средняго вещества. Одинъ разъ среднее начало между воздухомъ и водою послѣ болѣе общаго обзора въ *Gener. et corr.* II. 1, въ который оно не вошло, особо ставится на видъ (вмѣстѣ съ матеріей Платона) отдѣльно отъ всѣхъ другихъ началъ физиковъ²⁾; вопросъ здѣсь идетъ о чистой ὕλῃ, и совершенно понятно, что Аристотель чувствуетъ потребность рѣзче отличить свое понятіе о ней отъ этого именно средняго, которое, по видимому, болѣе близко подходило къ его понятію чистаго субстрата, долженствующаго быть первѣе противоположностей³⁾,

¹⁾ Исключеніе составляетъ перечень ученій о безконечномъ въ *Phys.* III. 4; но здѣсь указанная выше необходимость поименовать изъ стихій ὕδωρ и ἀήρ, вынудившая прибавку передъ οἷον словъ τῶν λεγόμενων στοιχείων естественно сопровождалась и тѣмъ, что образовавшееся вслѣдствіе того общее понятіе το μεταξὺ στοιχείων должно было необходимо обнять и среднее начало между воздухомъ и водою.

²⁾ Въ этомъ случаѣ прямо не называется среднее между водою и воздухомъ, а говорится о μίᾳ φύσει παρὰ τὰ εἰρημένα; но такъ какъ перечислены были выше не стихіи только, но и τὸ μεταξὺ πυρός καὶ ἀέρος, то употребленный терминъ вполне ясно указываетъ на среднее между водою и воздухомъ, подобно тому, какъ παρὰ ταῦτα, *ibid.* II. 5, послѣ разсужденія объ *однихъ* стихіяхъ, совершенно точно указываетъ на оба среднія, которыя тутъ же и поименовываются, или подобно тому, какъ тотъ же терминъ въ *Phys.* III. 5 при разсужденіи о *простыхъ* тѣлахъ совершенно точно указываетъ опять на среднее начало между воздухомъ и водою.

³⁾ *Gener. et corr.* II. 1. 329. a. кон.: ὅστε πρῶτον μὲν τὸ δυνάμει σῶμα αἰσθητῶν (то-есть, ἢ ὕλη ἢ ἀχώριστος) ἀρχή, δεύτερον δ' αἱ ἐναντιώσεις... τρίτον δ' ἡδὴ πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ τὰ τοιαῦτα. Вполнѣ чуждымъ чувственно постигаемыхъ качественностей все-таки, какъ далѣе увидимъ, не было и это среднее; сверхъ

такъ какъ и оно также стремилось быть чуждымъ противоположностей. Такъ получаетъ совершенно понятный смыслъ непонятное на первый взглядъ, и, по видимому, совершенно случайное и произвольное упоминаніе Аристотелемъ при его обзорахъ философскихъ взглядовъ то средняго начала между огнемъ и воздухомъ, то средняго начала между воздухомъ и водою, то ихъ обихъ.

Ясно, что Аристотель отождествлялъ безконечное Анаксимандра съ веществомъ среднимъ между огнемъ и воздухомъ. Комментаторы Аристотеля поступали совершенно правильно, ища указанія на это безконечное въ тѣхъ мѣстахъ Аристотелевыхъ сочиненій, гдѣ дѣло идетъ о среднемъ между стихіями началѣ. Но они сдѣлали крупную ошибку, отождествивъ оба среднія начала и оба приписавъ Анаксимандру ¹⁾. Предполагая, что для позднѣйшихъ комментаторовъ при-

того, въ немъ не предполагались преобладающими противоположности какъ въ τὸ μεταξὺ Анаксимандра и въ понятіи о веществѣ, къ которому стремится Анаксагоръ, а потому оно и не упоминается въ *Metaph.* XII. 2. и, какъ мнѣ кажется, никакъ не разумѣется подѣ τῶν ὑστερον въ *Metaph.* I. 8, хотя представитель ученія о немъ былъ, какъ разъяснится далѣе, моложе Анаксагора.

¹⁾ Несомнѣнно, что это соединеніе двухъ взглядовъ на среднее и приписаніе ихъ одному лицу начинается уже съ Александра, который въ *Comm. in Arist. Metaph.* ed. *Bonitz*, 1847, p. 45, говоритъ: προσέθηκε δὲ (то-есть, Аристотель) ἱστορίᾳ καὶ τὴν Ἀναξίμανδρον δόξαν, ὅς ἀρχὴν ἔθετο τὴν μεταξὺ φύσιν ἀέρος τε καὶ πυρός ἢ ἀέρος τε καὶ ὕδατος λέγεται γὰρ ἀμφοτέρως. Съ нимъ согласны и позднѣйшіе комментаторы. Филопонъ in *Arist. Phys.* 23. 14—20: *Ἀναξίμανδρος δὲ τὸ μεταξὺ ἢ ἀέρος καὶ ὕδατος ἢ πυρός καὶ ἀέρος... τὸ μεταξὺ τοῦτο ἔλεγε εἶναι τὴν ἀρχὴν, ὅπερ ἀέρος μὲν εἶναι πυκνότερον, ὕδατος δὲ μαιότερον, ἢ πυρός μὲν πυκνότερον ἀέρος δὲ μαιότερον* и въ др. м. Симплицій in *Phys.* 149. 9—11: *τινὲς δὲ ἄλλοι τι τῶν τριῶν ὑπέθεντο, ὅ ἐστι πυρός μὲν πυκνότερον, ἀέρος δὲ λεπτότερον, ἢ ὡς ἐν ἄλλοις φησὶν (Аристотель), ἀέρος μὲν πυκνότερον, ὕδατος δὲ λεπτότερον* и во многихъ др. мѣстахъ. Не видно, чтобы и Порфирій, вольвѣ за Николаемъ Дамаскенимъ приписывавшій ученіе о τὸ μεταξὺ Диогену, отличалъ два ученія о τὸ μεταξὺ одно отъ другаго; правда, Симплицій, когда онъ in *Phys.* 25. 8—9; 149. 13—18; 151. 21—24 извѣщаетъ объ особомъ мнѣніи Порфирія относительно Анаксимандрова безконечнаго, говоритъ собственно о τὸ μεταξὺ πυρός καὶ ἀέρος, но такъ какъ самыя эти разъясненія дѣлаются Симплиціемъ по поводу словъ Аристотеля о началѣ среднемъ между огнемъ и воздухомъ, то совершенно естественно, что, и говоря о мнѣніи Порфирія, онъ пользуется однимъ этимъ наименованіемъ средняго начала; между тѣмъ тотъ фактъ, что онъ ни однимъ намекомъ не даетъ понять, что Порфирій или Дамаскениъ знали еще другаго философа (кромя Диогена), принимавшаго также нѣкоторое τὸ μεταξὺ, знаменательнъ; въ виду отождествленія обихъ τὰ μεταξὺ самимъ Симплиціемъ, ему было совершенно естественно упомянуть о различіи между ними, какое дѣлаетъ Порфирій

нате такого мнѣнія значительно облегчалось традиціей ¹⁾, мы все же невольно встрѣчаемся съ вопросомъ; что побуждало къ нему древнѣйшихъ изъ нихъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣльнаго и связнаго представленія о безконечномъ Анаксимандра, составленнаго на основаніи строгаго анализа и точнаго сличенія всѣхъ, относящихся сюда мѣстъ изъ сочиненій Аристотеля, а также и изъ другихъ источниковъ, комментаторы составить себѣ не пытались или не могли: это доказываютъ тѣ противорѣчія, оставленныя ими безъ всякой попытки разъясненія или сглаженія, въ которыхъ запутывается ихъ взглядъ на тожество обихъ среднихъ съ безконечнымъ Анаксимандра ²⁾. Однако этотъ очевидный недостатокъ строгаго научнаго

еслибы Порфирій дѣйствительно различалъ два взгляда, и также подвергнуть разбору мнѣніе его о началѣ среднемъ между водою и воздухомъ, какъ онъ подвергаетъ разбору мнѣніе о его среднемъ началѣ между огнемъ и воздухомъ.

¹⁾ Симплицій прямо ссылается на мнѣніе Александра по этому вопросу: 149. 11—13: *καὶ ὁ μὲν Ἀλέξανδρος Ἀναξίμανδρον οἶσται τὸν ἄλλην τινὰ φύσιν σώματος παρὰ τὰ στοιχεῖα τὴν ἀρχὴν ὑποθέμενον*. И сжатость его возраженія противъ Порфирія, гдѣ излагается подвергшееся упреку въ логической несостоятельности толкованіе его *Phys.* I. 4, вѣроятно, тѣмъ и объясняется, что онъ хочетъ лишь напомнить о толкованіи хорошо извѣстномъ по традиціи.

²⁾ Никто изъ нихъ не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки разъяснить, въ какомъ смыслѣ одно и то же вещество могло бы быть названо тончайшимъ огня и плотнѣйшимъ воздуха и въ то же время тончайшимъ воздуха и плотнѣйшимъ воды, хотя естественно ожидать, что подобный вопросъ долженъ неминуемо явиться въ умѣ читателя. Не дѣлается комментаторами какой-либо попытки примирить относимыя ими къ Анаксимандру извѣстія Аристотеля о философахъ, признающихъ простыя тѣла съ опредѣленнымъ извѣстіемъ его о существованіи противоположностей въ Анаксимандровомъ безконечномъ и выдѣленіи ихъ изъ него, хотя Симплицій самъ же повторяетъ это извѣстіе въ выраженіяхъ столь же опредѣленныхъ, какъ Аристотель: *ἐνούσας γὰρ τὰς ἐναντιότητας ἐν τῷ ὑποκειμένῳ, ἀπειρῶ ὄντι σώματι, ἐκκρίνεσθαι φησὶν Ἀναξίμανδρος*, говоритъ онъ in *Phys.* 150. 22—23. Еще болѣе рельефно выражаетъ ту же мысль Филопонъ in *Arist. Phys.* 93. 17—19: *οἱ δὲ ἐκ τοῦ ἐνός ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνουσιν, οἷος ἦν ὁ Ἀναξίμανδρος ἐν ὑπάρχειν γὰρ ἔλεγε ἐν τῷ μεταξὺ, ὅπερ ἦν κατ' αὐτὸν στοιχεῖον, τὰ ἐναντία ἐνεργεῖν*. Ясное отношеніе къ представителю одного изъ среднихъ началъ теоріи уплотненія и разрѣженія также не вызываетъ въ нихъ никакого недоумѣнія и вопроса. Симплицій даже къ этому противорѣчію прибавляетъ новое. Формулируя Аристотелево противоположеніе между *πυκνότητι καὶ μαιότητι πολλὰ ποιῶντες* и *ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνεσθαι* какъ противоположность 24. 23—24 между *ἀλλοιομένου τοῦ στοιχείου* и *ἀποκρυσμένου τῶν ἐναντίων* или 150. 21—22 между *κατὰ ἀλλοίωσιν* и *κατὰ ἐκκρίσιν*, онъ въ то же время допускаетъ, что Анаксимандръ принялъ за начало τὸ μεταξὺ διὰ τὸ εὐαλλοίστον. Въ виду того, что въ научной литературѣ новаго времени ставились на видъ нѣкоторыя изъ этихъ противо-

анализа и критическаго отношенія къ явно ошибочному мнѣнію можетъ объяснять для насъ лишь ту легкость, съ какою оно принималось, но все же должны были существовать какіе-либо положитель-

рвчій комментаторовъ, новѣйшіе послѣдователи ихъ взглядовъ дѣлали попытки къ разъясненію возникшихъ недоразумѣній, но едва ли эти разъясненія достигаютъ цѣли. Люте значительно, по видимому, облегчилъ для себя это дѣло, приписавъ Анаксимандру ученіе лишь объ одномъ изъ среднихъ началъ и признавъ ученіе о другомъ поправкой Анаксимандрова ученія со стороны или самого Аристотеля (?), или кого-либо изъ позднѣйшихъ физиковъ (Ueb. d. 'Aler. Anaх., 110); но такъ какъ къ этому взгляду привело его не точное различіе обоихъ этихъ ученій со стороны ихъ внутренняго характера, а лишь то различіе, которое прямо выражалось въ самыхъ названіяхъ того и другаго средняго начала, то онъ для Анаксимандра выбираетъ то изъ этихъ ученій, которое стоитъ въ прямомъ противорѣчьи съ его теоріей существованія въ безконечномъ противоположностей и выдѣленія ихъ изъ него. Приемъ же, съ помощію котораго Люте устраняетъ самыя эти противорѣчья, едва ли можно назвать удачнымъ; онъ утверждаетъ, что въ Phys. I. 4 Аристотель не устанавливаетъ и не имѣетъ въ виду установить противоположность между теоріей выдѣленія и теоріей разрѣженія и уплотненія, не смотря на ясный буквальный смыслъ этого мѣста; онъ готовъ предположить даже, что понятіе выдѣленія совсѣмъ не употреблялось Анаксимандромъ (59—60). Нейгүзеръ усваиваетъ взглядъ комментаторовъ во всей его полнотѣ. Различіе Аристотелевыхъ названій для природы Анаксимандрова безконечнаго Нейгүзеръ, Анах. М. 258—259, объясняетъ слѣдующимъ образомъ: Анаксимандрово безконечное было среднимъ между природой теплою или огненною и холодною или влажною, а такъ какъ, по Аристотелю, воздухъ былъ элементомъ вѣтвей и влажнымъ, и теплымъ, то представить среднее начало Анаксимандра какъ среднее между стихіями Аристотелю съ точки зрѣнія его собственнаго взгляда на стихіи можно было двояко, смотря по тому, видѣть ли во второмъ членѣ Анаксимандровой противоположности преимущественно влажное или преимущественно холодное; въ первомъ случаѣ Анаксимандрово среднее начало должно было сдѣлаться среднимъ между огнемъ и воздухомъ, во второмъ— между воздухомъ и водою. Но мысль, которая лежитъ въ самомъ основаніи этого объясненія, именно тождество холоднаго и влажнаго, по Анаксимандру, основана лишь на довѣриі къ свидѣтельству Александра, относящаго къ Анаксимандру извѣстіе Arist. Meteor. II. 2 о физикахъ, придававшихъ особое значеніе влажному въ космогоническомъ процессѣ; но недостоверность этого свидѣтельства мы уже видѣли; кромѣ того, Нейгүзеръ своимъ объясненіемъ, какъ справедливо замѣчаетъ Целлеръ въ рецензіи на его книгу, *Deut. Literaturz.* 1883, Nr. 48, p. 1502, то противорѣчіе, отъ котораго хотеть онъ освободить Анаксимандра, переноситъ только на Аристотеля; но никакъ не въ обычаѣ Аристотеля давать о своихъ предшественникахъ такія противорѣчивыя показанія, и у него нельзя найти ни одного случая, который бы представлялъ даже отдаленную аналогію съ этимъ⁴. Нейгүзеръ, даже, думаетъ, что названіе у Аристотеля Анаксимандрова начала смѣшеніемъ представляетъ только толкованіе Аристотелемъ средняго начала съ точки зрѣнія его взгляда вообще на качества средняго

ные мотивы, породившіе это мнѣніе. Новѣйшіе приверженцы взгляда комментаторовъ, изыскивая основанія, какія могли бы быть приведены въ его пользу, тѣмъ самымъ отчасти разъясняютъ намъ и эти мотивы. Они указываютъ, съ одной стороны, на случайную и совершенно, по видимому, произвольную замѣну у Аристотеля одного изъ названій средняго начала другимъ, съ другой стороны—на соединеніе съ τὸ μεταξὺ терминовъ τὸ ἄπειρον, τὸ περιέχον, τὸ περιέχον πάντας τοὺς οὐρανοὺς, которые вполне подходятъ къ Анаксимандрову безконечному. И какъ ни недостаточны эти основанія для того, чтобы оправдать мысль о тождествѣ обоихъ среднихъ съ безконечнымъ Анаксимандра¹⁾,

между противоположностями (An. M. 55—56). Однако Нейгүзеръ признаетъ (ibid., 259—262), что Анаксимандръ былъ убѣжденъ, что въ его среднемъ веществѣ содержатся и изъ него выдѣляются противоположности. Но въ такомъ случаѣ, если не понятіе μίγμα, которое все-таки возбуждаетъ представленіе о составныхъ частяхъ, *предваряющихъ* цѣлое, то понятія σύνθετον и ὁμοιομερές будутъ точными выраженіями не Аристотелева только взгляда на τὸ μεταξὺ, а и взгляда самого Анаксимандра, хотя подобныхъ терминовъ самъ Анаксимандръ, несомнѣнно, не употреблялъ, какъ онъ не употреблялъ, конечно, и термина ἄπλοῦν, довольствуясь названіемъ ἕν. Поэтому относить къ Анаксимандру принципъ, который Аристотель называетъ ἄπλοῦν, значить думать, что Аристотель пользуется терминомъ, который не выражаетъ ни его собственной оцѣнки принципа, ни взгляда философа, о принципѣ котораго онъ ведетъ рѣчь. Отнесеніе теоріи разрѣженія и уплотненія къ признающимъ среднее между воздухомъ и водою въ De coel. III. 5 (о Metaph. I. 8 Нейгүзеръ подробно не говоритъ, конечно, потому, что прямо эта теорія здѣсь не названа) Нейгүзеръ толкуетъ въ смыслъ не фактическаго, а возможнаго только пользованія ими ею (222—224); впрочемъ, онъ приписываетъ безконечному Анаксимандру и разрѣженіе и уплотненіе при порожденіи противоположностей, но не какъ причину этого порожденія или сущность его, а какъ его результатъ или сопровождающее его обстоятельство (225, 266, 277 сл., 314 сл.). Но то и другое несостоятельно; при опроверженіи перечисленныхъ въ De coel. III, 5 ученій Аристотель говоритъ: ἔστι γὰρ ἢ μὲν ἐκ τῶν στοιχείων γένεσις σύνθεσις, ὡς φασίν, ἢ δ' εἰς τὰ στοιχεία διάλυσις, и далѣе: τὸ μὲν γὰρ λεπτόν μανόν, τὸ δὲ παχὺ βούλονται εἶναι ποικύον, ясно тѣмъ показывая, что дѣло идетъ о фактическомъ мнѣніи и что у этихъ философовъ самыя понятія λεπτόν καὶ ποικύον, которыми считалъ возможнымъ характеризовать ихъ начало Аристотель, толковались ими какъ μανόν и ποικύον, а слѣдовательно, самая сущность процесса рожденія всякаго иного бытія не могла не состоять въ μανότητι καὶ ποικύότητι.

¹⁾ Выше было разъяснено, что никакой случайности или произвола въ упоминаніи Аристотелемъ то одного, то другаго средняго нвтъ. Что касается наименованій τὸ ἄπειρον, τὸ περιέχον, τὸ περιέχον πάντας τοὺς οὐρανοὺς, то не разъ уже замѣчали, что понятія, соединенныя съ этими терминами, никакъ не были исключительно принадлежностію Анаксимандра. Но остается, сколько знаю, до-

но возбуждать подобную мысль у комментаторовъ они, конечно, могли. Несравненно важнѣе, однако, представляется мнѣ иное побужденіе, которое должно было у первыхъ комментаторовъ породить убѣжде-

селъ не объясненнымъ, почему въ трехъ мѣстахъ, гдѣ они встрѣчаются (Geneg. et corr. II, 1; II, 5; De coel. III, 5) применены они именно къ τὸ μεταξὺ при чемъ на нихъ сдѣлано, очевидно, особенное удареніе. (На это обстоятельство наиболѣе рельефно указываетъ Нейгвусеръ, Ap. M. 212—221). Между тѣмъ объясненіе этого не представляетъ трудности. Аристотель этими обозначеніями пользуется совсѣмъ не какъ характеристическими для указанія философа или философова, которымъ принадлежать эти взгляды: философы для тѣхъ, для кого предназначались сочиненія Аристотеля, конечно, достаточно указывались обозначеніемъ принципа какъ средняго между такою-то и такою-то стихіей, чтѣ и дѣйствительно Аристотелемъ считается достаточнымъ для этой цѣли, какъ это доказывается большинствомъ остальныхъ мѣстъ, упоминающихъ о τὸ μεταξὺ. Эти добавочныя обозначенія даютъ понятіе читателю, что принимаемое за принципъ τὸ μεταξὺ неизбѣжно считалось за χωριστόν, то-есть, за бытіе, способное къ обособленному существованію, а не за простой субстратъ для другаго бытія, чтѣ для Аристотеля имѣть существенную важность по близости τὸ μεταξὺ къ его ἄλη и чтѣ существенно опредѣляетъ его критическое отношеніе къ философскимъ взглядамъ на τὸ μεταξὺ какъ начало. Совершенно понятно, что τὸ μεταξὺ какъ безконечное (при ограниченности міра), какъ обнимающее (міръ), какъ обнимающее всѣ небеса должно быть неизбѣжно мыслимо какъ χωριστόν, какъ способное къ обособленному отъ возникающихъ изъ него вещей существованію. Особенно ясно это на обоихъ мѣстахъ въ Geneg. et corr., гдѣ дѣло идетъ объ ἄλη. Перечисливъ, II, 1, принимавшіяся за субстратъ стихіи и τὸ μεταξὺ πῦρος καὶ ἀέρος, εἴρα τε ὄν καὶ χωριστόν, Аристотель обращается къ παρά τὰ εἰρημένα, то-есть, къ τὸ μεταξὺ ἀέρος καὶ ὕδατος, особенно, по видимому, близкое къ его ἄλη, указываетъ опять для отличія отъ послѣдней на его тѣлесность и способность къ обособленности и замѣчаетъ, что чувственно постигаемое тѣло не можетъ быть безъ противоположныхъ качествъ и необходимо какія-либо изъ нихъ будетъ имѣть τὸ ἄπειρον τοῦτο, то-есть, это вещество какъ безпредѣльное, а поэтому неизбѣжно имѣющее обособленность отъ остальнаго бытія. Въ II, 5 онъ критически обсуждаетъ возможность для обоихъ среднихъ считаться за ἄλη и указываетъ на то, что субстратъ смѣняющихся другъ друга противоположныхъ качествъ не можетъ не быть στέργεις, онъ заключаетъ, что никогда не можетъ ποιοῦμαι ἐκείνο, ὡστερ φασὶ τινες τὸ ἄπειρον καὶ τὸ περιέχον, то-есть, не можетъ обособиться это μεταξὺ, чтѣ однако необходимо должно бы случиться, если предположить его безконечнымъ и все объемлющимъ. И въ De coel. III, 5, приступая къ оцѣнкѣ принимающихъ одну только стихію и перечисляя вещества, принимаемыя за такую стихію, Аристотель при среднемъ между водою и воздухомъ прибавляетъ ὃ περιέχει φασὶ πάντας τοὺς ἀφανοὺς ἄπειρον ὄν опять съ тою же цѣлью, чтобы показать, что о немъ идетъ дѣло, лишь на сколько оно ставится какъ обособленно существующее по крайней мѣрѣ внѣ міра, еслибы и не предполагалось подобной обособленности его въ самомъ мірѣ, такъ какъ, не будь этой обособленности, о немъ слѣдовало бы вести совсѣмъ другую рѣчь.

ніе въ тожествѣ обоихъ среднихъ началъ. Они не находили, кромѣ Анаксимандра, другаго лица, которому могли бы съ какою-либо вѣроятностью приписать одно изъ нихъ, а между тѣмъ они были увѣрены, что имя этого философа не могло быть не извѣстно имъ изъ источниковъ, какими они пользовались. Какъ велика была эта послѣдняя увѣренность ихъ, можно судить по тому, что не Николай только Дамаскенъ, но и ученый Порфирій, отрицая принадлежность вообще Анаксимандру ученія о среднемъ веществѣ, считали необходимымъ указать имя философа, которому оно должно принадлежать, хотя для этого имъ пришлось остановиться на гипотезѣ, которая противорѣчила свидѣтельству не только Теофраста, но и самого Аристотеля. И на чемъ бы ни основывалось фактически это убѣжденіе комментаторовъ, самая мысль о томъ, что имена представителей обоихъ среднихъ началъ должны оказаться среди именъ, сохранныхъ историческою традиціей, какъ увидимъ сейчасъ, имѣетъ высокую степень вѣроятности. Это обстоятельство, а вмѣстѣ и та связь, въ какой стоятъ встрѣчающіяся у Аристотеля упоминанія объ обоихъ среднихъ началахъ, и которая неразрывно соединила и въ ученой литературѣ вопросы о нихъ, заставляютъ думать, что разъясненіе взгляда Аристотеля на Анаксимандрово безконечное можетъ лишь въ томъ случаѣ достигнуть желательной полноты, устраняющей всѣ недоумѣнія, когда будетъ названо имя представителя ученія о другомъ среднемъ началѣ и съ помощію имѣющихся историческихъ свидѣній о немъ дано надлежащее освѣщеніе его ученію. Все это заставляетъ насъ высказать наше мнѣніе о философѣ, признавшемъ простое среднее между стихіями начало, какъ ни рискованною представляется попытка разрѣшить задачу, которая два тысячелѣтія оставалась безъ удовлетворительнаго отвѣта и для рѣшенія которой никакихъ новыхъ, неизвѣстныхъ доселѣ данныхъ мы представить не можемъ.

Представитель ученія о простомъ среднемъ началѣ.

Философа, признававшаго за начало простое среднее между водою и воздухомъ вещество, Аристотель, очевидно, не относитъ къ крупнымъ представителямъ философской мысли, но онъ и не считаетъ его совершенно ничтожнымъ, лишеннымъ всякаго значенія мыслителемъ. Онъ обычно поименовываетъ его начало при перечняхъ монистическихъ принциповъ, и такимъ образомъ упоминаніе о немъ дѣлается и въ

Метафизикъ и во всѣхъ сочиненіяхъ натур-философскаго характера: въ Физикѣ, въ сочиненіи О небѣ и О рожденіи и разрушеніи; при этомъ нигдѣ не высказывается презрительнаго отношенія къ мыслителю, его представлявшему, тогда какъ Аристотель никакъ не относится къ критикамъ, которые сдерживались бы при выраженіи своей оцѣнки научнаго значенія лицъ, которыхъ ставятъ они не высоко: припомнимъ суровые отзывы его о Гиппонѣ, Мелиссѣ, даже Ксенофанѣ. Въ Phys. I, 6 онъ даже отдаетъ явное предпочтеніе принявшимъ вообще τὸ μεταξὺ ὕδατος καὶ πυρός (то-есть, оба среднія) передъ другими монистами на томъ основаніи, что принципы послѣднихъ сплетены съ противоположностями, и это одобрение должно относиться къ простому среднему еще въ большей степени, чѣмъ къ составному, потому что по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія самого Аристотеля объединеніе противоположностей въ τὸ μεταξὺ должно давать среднюю качественность, стоящую, по его мнѣнію, все же въ относительной противоположности къ обѣимъ крайнимъ. И если мы при своей оцѣнкѣ взглядовъ философскихъ стали бы руководиться не извѣстностью или безвѣстностью мыслителей, высказывавшихъ ихъ, а научнымъ значеніемъ самыхъ этихъ взглядовъ, то признаніе началомъ простаго средняго между стихіями бытія едва ли покажется намъ ничтожнымъ. Имъ уравнивалось достоинство фактически данныхъ стихій по крайней мѣрѣ съ стороны ихъ происхожденія: всѣ онѣ одинаково оказывались вторичнымъ, производнымъ бытіемъ. Въ мыслителѣ, который говорилъ объ этомъ началѣ, нельзя не признать способности, при уясненіи послѣднихъ основаній бытія, отрѣшиться отъ чувственно конкретныхъ представлений, и при составленіи понятія объ единой сущности разнообразнаго вещества полнѣе обстригивать специфическія свойства этого разнообразнаго бытія. Среднее между стихіями вещество, чуждое ихъ противоположныхъ качественностей, есть въ существѣ дѣла общее или родовое понятіе стихіи, поставленное только какъ предметъ способный къ обособленному существованію въ мірѣ чувственномъ; по первому своему признаку то-есть, по близости къ родовому понятію стихіи, оно все же родственно Аристотелеву понятію об̄ ὕλη ¹⁾, поэтому-то онъ, какъ было уже сказано, и останавливаетъ на немъ особое вниманіе, когда хочетъ указать отличіе своего собственнаго понятія отъ мнѣній дру-

¹⁾ Gen. et. corr. I. F. 324, b. 6—7: τὴν μὲν γὰρ ὕλην λέγομεν ὁμοίως ὡς εἶπεῖν τὴν αὐτὴν εἶναι τῶν ἀντικειμένων ὀπιτερουούδιν, ὡς περ γένος ὄν.

гихъ; поэтому-то для яснаго и вполне опредѣленнаго отличенія своего взгляда на субстратъ. отъ этого ученія о простомъ среднемъ онъ ставитъ только одинъ признакъ—признаваемую имъ самимъ неспособность ὕλη къ обособленному существованію, вѣчное соединеніе ея съ качественностями какъ субстрата этихъ качественностей ¹⁾. И то основаніе, которое приводилось въ пользу чуждаго противоположностей простаго начала, именно мысль, что безконечное, имѣющее ту или другую изъ противоположныхъ качественностей, не допустить существованія качественности, себѣ противоположной, имѣло безспорно большее значеніе въ глазахъ Аристотеля: на него, какъ мы уже видѣли, онъ самъ ссылается при опроверженіи безконечнаго, имѣющаго составную природу, одна изъ частей которой была бы безконечна. Ясно, что философъ, говорившій о простомъ среднемъ началѣ, никакъ не можетъ быть названъ на столько ничтожнымъ мыслителемъ, чтобы можно было признать дѣломъ вполне естественнымъ совершенную утрату даже имени его въ исторической традиціи, которая сохранила намъ не мало именъ дѣйствительно ничтожныхъ мыслителей.

Черты, которыми отличалось его ученіе, довольно опредѣленно, по видимому, указываютъ на періодъ, къ которому относится его жизнь. Выше мы уже сказали, что основаніе, которое приводилъ онъ противъ безконечности какой-либо изъ стихій, плохо мирится съ вѣкомъ гилозоизма; на позднѣйшее время указываетъ и слишкомъ абстрактное представленіе о веществѣ чуждомъ тѣхъ противоположныхъ качественностей, которыя для древнихъ состав-

¹⁾ Ibid. II. 1. 329, a. 24—26: ἡμεῖς δὲ φημέν μὲν εἶναι τινα ὕλην τῶν σωμάτων τῶν αἰσθητῶν, ἀλλὰ ταύτην οὐ χωριστὴν ἀλλ' ἀεὶ μετ' ἐναντιώσεως, ἐξ ἧς γίνεται τὰ καλούμενα στοιχεῖα. Если въ Metaph. I, 8, 989, b., см. выше, онъ ставитъ особенно на вид Анаксагорово вещество какъ ближайшее къ ученію о томъ же предметѣ позднѣйшихъ (а вмѣстѣ и къ своему собственному), то это, конечно, на томъ основаніи, что при послѣдовательномъ проведеніи Анаксагорова ученія о веществѣ (а не въ томъ видѣ, какъ развивалось оно самимъ Анаксагоромъ), абстракція должна была идти далѣе: ученіе о простомъ среднемъ веществѣ, отрицая въ немъ противоположности, которыми всего болѣе характеризовалось тѣло въ представленіи древнихъ, оставляло за нимъ извѣстную степень плотности, вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, протяженностью и, будетъ ли то сознательно или незосознательно, способность противодѣйствовать вѣвшему напору и давленію; вещество же Анаксагора въ идеализированномъ Аристотелевомъ пониманіи οὐτε γὰρ ποῖόν τι οἶον τε αὐτὸ εἶναι οὐτε ποσὸν οὐτε τι..... τὸ ἀρίστον πρὶν ὀριστῆναι καὶ μετασχεῖν εἶδους τινός.

дали существенные признаки тѣлеснаго бытія, а еще болѣе — близость этого представленія къ Платоно-Аристотелеву ученію о веществѣ, для котораго, оно, по видимому, представляетъ естественную переходную ступень отъ представленія вещества древними, то-есть, отъ отождествленія вещества или съ одною изъ стихій, или съ объединеніемъ ихъ, будетъ ли то въ смыслѣ Анаксимандра или Эмпедокла и Анаксагора. Есть еще и особая основанія предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ философомъ, слѣдовавшимъ уже за Эмпедокломъ и Анаксагоромъ. На это время указываетъ сложившееся уже ученіе о стихіяхъ, которое, какъ выше было сказано, предполагается приводимымъ у Аристотеля доказательствомъ его ученія. Еще рѣшительнѣе указываетъ на то же время то отношеніе, въ которомъ должно было стоять это ученіе о простомъ, особомъ отъ стихій, веществѣ къ Анаксагорову ученію о смѣшеніи. Что оно совершенно естественно могло выродиться изъ критики послѣдняго,—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Аристотель, какъ мы видѣли, сводитъ Анаксагорово понятіе о смѣшеніи къ понятію безусловно неопредѣленнаго вещества, къ своему понятію ὕλη. Почему предшествующій ему мыслитель, не достигшій той высшей ступени абстракціи, на которой стоитъ Аристотель, не могъ бы сводить тоже понятіе о смѣшеніи къ понятію вещества чуждаго противоположныхъ качествъ? Понятіе о смѣшеніи въ первый разъ въ системахъ Анаксагора и Эмпедокла явилось въ качествѣ одного изъ важнѣйшихъ философскихъ понятій и было заимствовано изъ мысли обыденной, не критической. Удивительно ли, что при первой же попыткѣ анализа оно должно было обнаружить противорѣчія, въ немъ заключающіяся? И не было никакой нужды въ критическомъ талантѣ Аристотеля для того, чтобы всплыли наружу эти противорѣчія. Аристотель самъ извѣщаетъ насъ, что понятіе смѣшенія подвергалось уже критикѣ до него ¹⁾. Критика эта говорила, что смѣшеніе разнообразнаго есть понятіе невозможное: если части разнообразнаго послѣ смѣшенія сохраняютъ свои качества, то состояніе смѣшенія ничѣмъ не будетъ отличаться отъ состоянія не смѣшанности; если же разнообразное при смѣшеніи переходитъ въ иное

¹⁾ Gen. et corr. I. 10. 327. a. кон.: ἀδύνατον γὰρ εἶναι μίχθηναί τι ἕτερον ἑτέρῳ καθάπερ λέγουσι τινες· ὄντων μὲν γὰρ εἶναι τῶν μίχθέντων καὶ μὴ ἡλλοιωμένων οὐδὲν μᾶλλον οὐκ ἐπιμύθηται φασιν ἢ πρότερον, ἀλλ' ὁμοίως ἔχειν, θατέρου δὲ φθαρέντος οὐ μίχθηται, ἀλλὰ τὸ μὲν εἶναι τὸ δ' οὐκ εἶναι, τὴν δὲ μίξιν ὁμοίως ἐχόντων εἶναι τὸν αὐτὸν δὲ πρόπον κἂν εἰ ἀμφοτέρων συνελθόντων ἐφθάρται τῶν μίγνυμένων ἑκάτερον· οὐ γὰρ εἶναι μεμιγμένα τὰ γε ὅλως οὐκ ὄντα.

бытіе, то на дѣлѣ будетъ существовать это лишь послѣднее, а разнообразное уже не существуетъ, а слѣдовательно, и смѣси какъ смѣси въ наличности опять не будетъ. Кому бы ни принадлежала эта критика понятія смѣшенія ¹⁾, она могла сдѣлаться извѣстною позднѣйшимъ физикамъ и въ такомъ случаѣ должна была, совершенно естественно, перевести у кого-либо изъ нихъ Анаксагорово понятіе смѣшенія, въ которомъ ничто не должно было выдѣляться по своей качественности, въ понятіе единого простаго чуждаго противоположностей бытія. Но, на оборотъ, было бы совершенно невѣроятно предположить, чтобы Анаксагоръ остановился на своемъ двусмысленномъ понятіи о смѣшеніи, еслибы уже ранѣе его была высказана мысль о простомъ бытіи такого рода. Анаксагоръ могъ имѣть позади себя Анаксимандра съ его единымъ безконечнымъ, заключающимъ въ себѣ разнообразное. Такъ какъ яснаго различія (сдѣланнаго лишь позднѣе Аристотелемъ) между потенциальнымъ и актуальнымъ существованіемъ быть въ то время не могло, то Анаксимандрово понятіе фактически даннаго однороднаго бытія, въ которомъ тѣмъ не менѣе предполагалось какимъ-то образомъ существующимъ или заключающимся разнородное, должно было казаться явно противорѣчивымъ и вызывать нужду поставить иначе разнородное, если считается желательнымъ сохранить мысль о его предсуществованіи въ первоначальномъ бытіи. Понятіе о смѣшеніи разнороднаго могло казаться подходящимъ для этой цѣли: оно давало дѣйствительную реальность разнообразному, и не примиримое, какъ казалось, съ этимъ разнообразіемъ понятіе единого безконечнаго замѣняло понятіемъ нераздѣльности, слитности существованія этого разнообразнаго, не дѣлая изъ него прямо одной природы; въ то же самое время оно оставляло для мірообразовательнаго процесса почти ту же задачу—превратить эту нераздѣльность или слитность существованія въ бытіе раздѣльное, обособившееся ²⁾. Такимъ образомъ Анаксагорово понятіе о

¹⁾ Прантль въ своемъ изданіи П. гев. х. фѣ. въ примѣчаніи къ цитованному мѣсту относитъ эту критику понятія смѣшенія къ позднѣйшимъ элеатамъ и именно къ Зенону, или къ старшимъ Мегарцамъ. Первое изъ этихъ предположеній вполне подходило бы къ высказываемому здѣсь взгляду: критика Зенона который немного моложе Анаксагора, могла касаться и Анаксагоровыхъ понятій и вліять на позднѣйшихъ физиковъ.

²⁾ Эмпедоклъ и въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, обнаруживаетъ слабость своего философскаго таланта: давая субстанціальность разнообразному, онъ не перестаетъ въ то же время говорить объ единомъ, въ которомъ оно соединяется, никакъ не ослабляя, а дѣлая еще ярче то противорѣчіе, которое должно было обнаружиться у Анаксимандра.

рѣшеніи могло даже явиться въ качествѣ необходимой поправки къ Анаксимандрову понятію о безконечномъ, такъ какъ мысль о нераздѣльномъ, слитномъ существованіи разнообразнаго, имѣющаго субстанціальное бытіе, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе все же менѣе очевидное, чѣмъ мысль объ однородной природѣ, выдѣляющей изъ себя разнородное. Другое дѣло представленіе о простомъ, чуждомъ противоположностей бытіи: оно должно было сдѣлать ясными неопредѣленность и противорѣчіе, заключающіяся въ самомъ Анаксагоровомъ понятіи о смѣшеніи. Это смѣшеніе въ одно и то же время и содержало въ себѣ разнородныя качества, такъ какъ онѣ считались вѣчными и неизмѣнными, и не содержало ихъ, такъ какъ въ смѣшеніи онѣ признавались еще не выдѣлившимися, не обособившимися другъ отъ друга; оно было, слѣдовательно, въ одно и то же время и качественно опредѣленнымъ бытіемъ, такъ какъ полно было самаго разнообразнаго содержанія, и безусловно неопредѣленнымъ бытіемъ, такъ какъ въ дѣйствительности въ немъ не оказывалось ни одной качественности. И мы не видимъ у Анаксагора никакой попытки, никакого стремленія къ указанію выхода изъ этихъ противорѣчій. Все, что даетъ онъ, ограничивается понятіемъ невидѣнности качественностей. Но что разумѣть подъ этою невидѣнностью? Идетъ ли рѣчь о невидѣнности только для зрителя вслѣдствіе ничтожности частицъ, на которыя дробится смѣшанное, тогда какъ все само въ себѣ опредѣлено? Но еслибы ясно было, что ученіе Анаксагора таково именно и есть, то Аристотель не могъ бы утверждать, что Анаксагоръ хочетъ сказать, что все само въ себѣ было условно неопредѣленно. Подразумѣвалась ли въ самомъ дѣлѣ подъ невидѣнностью безусловная неопредѣленность всего самого въ себѣ, въ самомъ своемъ бытіи? Но въ такомъ случаѣ какъ можно было говорить о вѣчности и неизмѣнности всего, совсѣмъ не объясняя, въ какомъ смыслѣ можно приписывать эту вѣчность и неизмѣнность существованія тѣмъ качествностямъ, которыя оказываются рѣшительно не данными въ ихъ различіи другъ отъ друга? Ясно, что понятіе невидѣнности поставлено было смутно въ его сознаніи, безъ раздѣльнаго представленія признаковъ, которые даны въ этомъ понятіи. Этого-то именно не могло бы случиться, еслибы уже до него было выработано понятіе о простомъ чуждомъ противоположностей бытіи. Послѣднее необходимо сопоставлялось бы тогда въ его мышленіи съ его понятіемъ о смѣшеніи, и это сопоставленіе не могло бы не вызывать въ немъ потребности точнѣе уяснить себѣ то, что называется онъ общею невидѣнностью качественностей, которая вѣдѣ

также превращала всю эту смѣсь во что-то единое и неопредѣленное, подобно тому какъ въ подобное же неопредѣленное бытіе превращало стихію лишеніе качественностей противоположныхъ качествностямъ другихъ стихій; его понятіе о невидѣнности качественностей въ смѣси должно было бы въ такомъ случаѣ носить на себѣ явные слѣды отличія своего отъ неопредѣленности одинаго и простаго бытія. Въ какомъ направленіи пошла бы мысль Анаксагора при такомъ различеніи смѣшенія отъ чуждаго противоположностей вещества, мы этого не знаемъ; можетъ быть, мы имѣли бы тогда качественный атомизмъ въ различіе отъ геометрическаго атомизма Левкиппа, то-есть, можетъ быть, Анаксагорово смѣшеніе превратилось бы въ хаотическое соединеніе качественно отличныхъ другъ отъ друга атомовъ, а изъ невидѣнности вышла бы простая недоступность качественностей этихъ атомовъ человѣческому воспріятію вслѣдствіе незначительности ихъ объема и разсѣянности однородныхъ атомовъ между неоднородными; можетъ быть, его гений отличилъ бы фактическую неопредѣленность вещества отъ потенциальной его опредѣленности, и поэтому изъ его смѣси въ различіе отъ простаго чуждаго противоположностей бытія развилось бы понятіе фактически одинаго, но потенциально разнообразнаго бытія, нѣчто въ родѣ Аристотелевой *ἄλη*; можетъ быть, какое-нибудь иное направленіе приняла бы его мысль; но рѣшительно не возможно, чтобы тогда его смѣшеніе не давало никакого отвѣта на вопросъ, чѣмъ его невидѣнность отличается отъ простой неопредѣленности одинаго вещества.

Дошедшія до насъ извѣстія древности говорятъ о двухъ физикахъ, младшихъ сравнительно съ Анаксагоромъ, которые, правда, судя по извѣстіямъ о нихъ, къ выдающимся мыслителямъ не относились, однако и не считались, очевидно, совершенно ничтожными мыслителями. Это были Діогенъ Аполлонійскій и Архелай, котораго называютъ ученикомъ Анаксагора. Мнѣніе Николая Дамаскена и Порфирія о томъ, что ученіе о τὸ μεταξὺ принадлежало первому изъ нихъ, было въ свое время съ достаточною основательностью опровергнуто уже Симплиціемъ ¹⁾, а историко-философскія работы новаго времени ставятъ несостоятельность догадки Дамаскена и Порфирія вѣдѣ всякаго сомнѣнія. Къ Архелаю ученіе о среднемъ веществѣ никто не относилъ, конечно, въ виду рѣшительнаго, повидимому, несоответствія подобнаго предположенія съ извѣстіями, какія мы имѣемъ о

¹⁾ Simpl. in Phys. 151. 20—153. 24.

принципах Архелая. Тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь указать именно на Архелая какъ на представителя ученія о простомъ среднемъ веществѣ.

Если высказанныя выше соображенія доказываютъ, что философъ, принимавшій простое среднее вещество, не считался Аристотелемъ и не былъ дѣйствительно ничтожнымъ мыслителемъ; если поэтому дѣлается мало вѣроятнымъ, чтобы историческое преданіе совсѣмъ не сохранило его имени и какихъ-либо свѣдѣній объ его ученіи, то остается предположить, что эти свѣдѣнія постигла какая-то несчастная историческая случайность, вслѣдствіе которой они дошли до насъ въ слишкомъ искаженномъ видѣ. Внимательно всматриваясь въ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о принципахъ Архелая, мы несомнѣнно можемъ утверждать, что подобную же участь испытали и они. Совершенно справедливо не придаютъ значенія свидѣтельству Епифанія, по которому началомъ всего Архелай считалъ землю¹⁾, такъ какъ оно не только не согласно со всѣми другими извѣстіями объ Архелай, но и явно противорѣчитъ словамъ Аристотеля²⁾, который утверждаетъ, что не было философъ, признававшихъ землю за единственную стихію, и между началами, принимавшимися физиками-монистами, перечисляетъ лишь огонь, воздухъ и воду. Всѣ остальные свидѣтельства о началахъ, принимаемыхъ Архелаемъ, можно раздѣлить на три группы. Гипполитъ и Симплицій согласно говорятъ, что Архелай признавалъ тѣ же начала, какія и Анаксагоръ; Гипполитъ упоминаетъ при этомъ о смѣшеніи, Симплицій о гомойомеріяхъ³⁾. Въ согласіи съ этими свидѣтельствами комментаторъ Александръ и Августинъ также говорятъ объ гомойомеріяхъ, признаваемыхъ Архелаемъ⁴⁾. Другую группу свидѣтельствъ представляютъ извѣстія Plut.

¹⁾ Dox. Diels. 590. 1—3.

²⁾ Metaph. I. 8. 989. a. 5—6.

³⁾ Dox. Diels. Hippol. 563. 14—17: οὗτος ἔφη τὴν μίξιν τῆς ὅλης ὁμοίως Ἀναξαγόρα, τὰς τε ἀρχὰς ὡσαύτως. Simpl. in Phys. 27. 23—28: καὶ Ἀρχέλαος ὁ Ἀθηναῖος... τὰς ἀρχὰς δὲ τὰς αὐτὰς ἀποδίδωσιν ὡσπερ Ἀναξαγόρας· οὗτοι μὲν οὖν ἀπεύρουσιν τῶ πλήθει καὶ ἀνομογενεῖς τὰς ἀρχὰς λέγουσι, τὰς ὁμοιομερείας τιθέντες ἀρχὰς.

⁴⁾ Zeller, Phil. d. Griech. 1. 927. № 1: „Alex. Aphr. De mixt. 141. b. m.: Анаксагоръ и Архелай были того мнѣнія ὁμοιομερῆ... τινα ἀπειρα εἶναι σώματα ἐξ ὧν ἢ τῶν αἰσθητῶν γενέσεις σωμάτων γινόμενη κατὰ σύγκρισιν καὶ σύνθεσιν, по этому оба причисляются къ тѣмъ, которые считаютъ смѣшеніе за хаотическое соединеніе субстанціально раздѣльныхъ веществъ“. Dox. Diels. (August.) 174. 6—9: Anaxagorae successit auditor ejus Archelaus, etiam ipse de particulis inter se similibus, quibus singula quaeque fierent, ita putavit constare omnia, ut inesse etiam mentem diceret, quae corpora aeterna id est illas particulas conjungendo et dissipando ageret omnia.

Plac., Стобей, Юстина и Секста Эмпирика¹⁾; всѣ они говорятъ о безконечномъ воздухѣ какъ началѣ всего по Архелая. Въ отличіе отъ обѣихъ этихъ группъ Диогенъ Лаэртскій и Гермій указываютъ на два начала, и именно Диогенъ—на теплое и сырое, называя ихъ причинами рожденія, Гермій—на теплое и холодное, называя ихъ причинами всего²⁾. Два послѣднія извѣстія можно, впрочемъ, растолковать въ такомъ смыслѣ, что они не будутъ стоять въ прямомъ противорѣчій съ извѣстіями обѣихъ первыхъ группъ. Писатели второй группы говорятъ о происходящихъ, по Архелая, изъ воздуха огня и водѣ; въ извѣстіи Гипполита также дается значеніе водѣ и огню³⁾; а поэтому, если предположить, что у Диогена и Гермія мы встречаемся съ вторичными, а не первичными началами всего по ученію Архелая, то прямое противорѣчіе останется лишь между свидѣтельствами первыхъ двухъ группъ; неясными впрочемъ и въ отношеніи къ извѣстіямъ третьей группы останутся два обстоятельства: вслѣдствіе какихъ причинъ вторичныя, производныя начала заняли въ нихъ не подобающее имъ мѣсто началъ первыхъ, и какія извѣстія точнѣе выражаютъ мысль Архелая о вторичныхъ началахъ, огня и водѣ, тѣ ли, которыя называютъ ихъ теплымъ и холоднымъ, или тѣ, которыя называютъ ихъ теплымъ и сырымъ⁴⁾. Что касается свидѣтельствъ, принадлежащихъ къ обѣимъ первымъ группамъ, то, противорѣча одни другимъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ стоятъ въ противорѣчій и съ тѣми свѣдѣніями, которыя мы имѣемъ о космогоніи Архелая. По свѣдѣніямъ о космогоническомъ процессѣ, довольно согласно передаваемымъ Гипполитомъ и Диогеномъ Лаэртскимъ, воздухъ у Ар-

¹⁾ Ibid. 280. 9—13. Plac. и Stob: Ἀρχέλαος... ἀέρα ἀπειρον. То же ibid. ниже изъ Юстина. Sext. Emp. adv. math. IX. 360: καὶ τῶν σώματα φαιμένων (τὰ τῶν ὄντων στοιχεῖα) ...ἔλεξε πάντων εἶναι ἀρχὴν καὶ στοιχεῖον... Ἀρχέλαος ὁ Ἀθηναῖος... ἀέρα.

²⁾ Diog. L. 11. 4. 37. 10—11: ἔλεγε (Архелай) δὲ δύο αἰτίας εἶναι γενέσεως, ἑρμῶν καὶ ὑγρῶν. Dox. Diels. 653. 26—27. Herm: καὶ μὴν οὐκ εὐδοκομεῖ Ἀρχέλαος ἀποφαινόμενος τῶν ὅλων ἀρχὰς θερμῶν καὶ ψυχρῶν;

³⁾ Цит. см. ниже.

⁴⁾ Последнее обстоятельство имѣетъ еще и особый интересъ въ виду того, что упоминаніе вскользь Аристотелемъ о признававшихъ за начала сырое и сухое въ Phys. I. 5. 188. b. 33, очевидно, возбуждало недоумѣнія у комментаторовъ; Симплицій, in Phys. 188. 28—33, говоритъ: καὶ τὸ μὲν θερμὸν καὶ ψυχρὸν Παρμενίδης φησὶ, τὸ δὲ ὑγρὸν καὶ ξηρὸν Ἀλέξανδρος μὲν ἤτοι αὐτὸν φησὶ εἰρηκέναι τὸν τὸ θερμὸν καὶ ψυχρὸν εἰπόντα ἢ Ἐμπεδοκλέα πρὸς τῶ νεῖκει καὶ τῆ φίλιζ τὰ τέτταρα ἀρχὰς θέμενον. ὁ μὲντοι Πορφύριος οἰκειότερον εἰς Ἀναξίμενην (по Philop. in Phys. 125 27—28: Ξενοφάνην) τὴν δόξαν ἀνέπεμψε ταύτην εἰπόντα.

хелая возникалъ изъ воды ¹⁾; въ такомъ случаѣ, конечно, началомъ онъ быть не могъ. Еще рѣшительнѣе свѣдѣнія о космогоническихъ взглядахъ Архелая противорѣчатъ извѣстію о значеніи у него смѣшенія. Принимать первоначальное вещество за смѣшеніе разнообразныхъ качествностей, подобно Анаксагору, значить считать эти качествности производными; отсюда мірообразовательный процессъ необходимо становится процессомъ выдѣленія изъ смѣшенія существующихъ въ немъ качествностей. Гипполитъ дѣйствительно, по видимому, говоритъ объ отдѣленіи у Архелая другъ отъ друга тепла и холода ²⁾. Но, во первыхъ, писатели второй группы ясно и рѣшительно называютъ огонь и воду, то-есть, первое возникающее бытіе, которое должно соответствовать теплу и холоду этого извѣстія Гипполита, разрѣженіемъ и уплотненіемъ первичнаго вещества ³⁾; во вторыхъ, въ описаніи происхожденія земли и воздуха, которое даетъ самъ Гипполитъ а также и Діогенъ, ни понятія ἐκκρίνεσθαι, ни какихъ-либо другихъ соответствующихъ ему понятій совершенно нѣтъ; здѣсь, на оборотъ, идетъ рѣчь о расплавленіи тепломъ или огнемъ (τῆχόμενον, ἀποκαίόμενον, κατακαίόμενον), то-есть, о чисто качественномъ измѣненіи, а у Діогена обусловливаемый этимъ измѣненіемъ самый процессъ перехода воды въ воздухъ характеризуется какъ растеченіе воды во все стороны (περιρρεῖ), слѣдовательно, какъ разрѣженіе ея, а переходъ ея въ землю какъ тѣснѣйшее соединеніе ея, сплотненіе (συνίσταται). Наконецъ, втретьихъ, фраза, въ которой говорится у Гипполита объ отдѣленіи другъ отъ друга тепла и холода, лишена грамматическаго смысла, она, слѣдовательно, несомнѣнно, искажена; о свидѣтельствѣ же такого рода, особенно когда оно не согласуется съ подробностями космогоническаго процесса, имъ же самимъ сообщаемыми, всегда законенъ вопросъ: проблематически даваемый ему смыслъ, какъ бы онъ ни казался вѣроятнымъ по самому тексту, отвѣчаетъ ли все же дѣйствительно его первоначальному смыслу? Изъ всего этого ясно, что извѣстія, какія мы имѣемъ о началахъ, принимаемыхъ Архелаемъ, испытали

¹⁾ Dox. Diels. 563. 18—20. Hipp: Τηχόμενον δὲ τὸ ὕδωρ εἰς μέσον ρεῖν, ἐν φ (καὶ) κατακαίόμενον ἀέρα γίνεσθαι καὶ γῆν. Diog. L. II. 4. 37. 14—16: τηχόμενον φησι (Архелай) τὸ ὕδωρ ὑπὸ τοῦ θερμοῦ, καθὸ μὲν εἰς τὸ πυρᾶδες συνίσταται, ποιεῖν γῆν καθὸ δὲ περιρρεῖ, ἀέρα γενᾶν. Этотъ же взглядъ, какъ мы видѣли въ шемъ, имѣется въ виду и Аристотелемъ въ Meteor. II. 2.

²⁾ Dox. Diels. 563. 16—17. Hipp: εἶναι δ' ἀρχὰς τῆς κινήσεως ἀποκρίνεσθαι ἀπ' ἀλλήλων τὸ θερμὸν καὶ τὸ ψυχρὸν.

³⁾ Въ Plut. Plac., у Стобэя и Юстина къ цитованнымъ выше словамъ прибавлено: καὶ τὴν περὶ αὐτὸν (ἀέρα) πυκνότητα καὶ μάνωσιν τούτων δὲ τὸ μὲν πῦρ τὸ δὲ ὕδωρ.

какую-то печальную судьбу, и положиться на нихъ при установкѣ его ученія нельзя.

Сравнительно наиболѣе твердый пунктъ въ разнорѣчивыхъ извѣстіяхъ о философіи Архелая представляетъ послѣдовательное проведеніе теоріи разрѣженія и уплотненія въ важнѣйшихъ моментахъ космогоническаго процесса. Во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія фактъ, что на нее указываютъ извѣстія всѣхъ группъ иногда даже въ явное противорѣчіе съ тѣми началами, которыя они усвояютъ Архелаю. Plut. Plac. и другіе писатели той же группы прямо говорятъ объ огнѣ и водѣ какъ разрѣженію и уплотненію начала. Важнѣйшіе представители первой и третьей группъ Гипполитъ и Діогенъ описываютъ происхожденіе земли и воздуха такъ, что теорія выдѣленія прямо не подходитъ къ описанію; послѣднее, на оборотъ, ясно говоритъ о качественномъ измѣненіи, о разрѣженіи и уплотненіи. Симплицій, который о принципахъ Архелая говоритъ почти тѣми же словами, какъ и Гипполитъ, слѣдовательно, черпаетъ изъ источника близко родственнаго источнику, которымъ пользовался Гипполитъ, не только вполне умалчиваетъ о выдѣленіи, но тутъ же употребляетъ такую фразу, которая какъ будто бы наводитъ на мысль о признаніи Архелаемъ теоріи противоположной теоріи выдѣленія. Онъ говоритъ, что въ ученіи о происхожденіи міра и въ остальномъ Архелай отличался отъ Анаксагора ¹⁾; въ виду рѣшительнаго несогласія описаній космогоническихъ процессовъ съ теоріей выдѣленія невольно возникаетъ вопросъ: чтó разумѣетъ въ этихъ словахъ Симплицій подъ отличіемъ ученія Архелая отъ Анаксагорова ученія о происхожденіи міра, только ли детали мірообразовательнаго процесса или и самый способъ происхожденія разнообразнаго изъ первооснованія? Еслибы дѣло шло только о деталяхъ мірообразовательнаго процесса, почему бы Симплицію не ограничиться однимъ выраженіемъ ἐν τοῖς ἄλλοις? По крайней мѣрѣ когда онъ сообщаетъ и въ совершенно подобной же фразѣ о различіи Метродора отъ Демокрита, онъ ограничивается словами περὶ τῶν ἄλλων ²⁾, хотя въ подробностяхъ мірообразовательнаго процесса ученіе Метродора не мало отличалось отъ Демокритова. Еслибы мы захотѣли сдѣлать выводъ относительно начала, принимаемыхъ Архелаемъ, на основаніи извѣстій объ ученіи его о происхожденіи остальнаго бытія, которыя по крайней мѣрѣ въ сво-

¹⁾ Simpl. in Phys. 27. 23—25: καὶ Ἀρχέλαος ὁ Ἀθηναῖος ... ἐν μὲν τῇ γενέσει τοῦ κόσμου καὶ τοῖς ἄλλοις πειράται τι φέρειν ἴδιον, τὰς ἀρχὰς δὲ κτλ., см. выше.

²⁾ Ibid. 28. 27—30: καὶ Μητροδώρος δὲ ὁ Χίος ἀρχὰς σχεδὸν τι τὰς αὐτὰς τοῖς περὶ Δημόκριτον ποιεῖ... περὶ δὲ τῶν ἄλλων ἴδιαν τινα ποιεῖται τὴν μέθοδον.

ихъ общихъ чертахъ представляютъ болѣе согласія и, слѣдовательно, все же болѣе надежны, чѣмъ противорѣчащія имъ и другъ другу извѣстія о самихъ началахъ, то мы должны были бы разсуждать слѣдующимъ образомъ. Кто послѣдовательно проводитъ теорію уплотненія и разрѣженія въ космогоническомъ процессѣ, тотъ долженъ признавать принципомъ одно вещество, а не смѣшеніе разнороднаго. О предположеніи, что разнородныя качественности искони существуютъ, не можетъ быть и рѣчи, если считается возможнымъ и описывается происхожденіе ихъ чрезъ качественное измѣненіе. Если, далѣе, первыми произведеніями изъ первоначальнаго вещества признаются огонь и вода, и первый считается утонченіемъ, а вторая уплотненіемъ первичнаго вещества, то само оно, несомнѣнно, должно было быть плотнѣе огня и тонше воды. Изъ четырехъ стихій есть стихія, которая занимаетъ по своей плотности промежуточное положеніе между огнемъ и водою, это воздухъ. Но въ Архелаевой космогоніи воздухъ происходилъ изъ взаимодѣйствія первыхъ порожденій начала, огня и воды, слѣдовательно, началомъ быть не могъ; отсюда слѣдуетъ, что само начало по своей плотности должно было занимать промежуточное мѣсто или между огнемъ и воздухомъ, или между воздухомъ и водою. Разнорѣчіе въ терминахъ, которыми обозначаются первыя возникшія изъ начала качественности то какъ теплое и холодное, то какъ теплое и сырое, очевидное продолженіе той спутанности, которую видѣли мы въ извѣстіяхъ о самомъ началѣ, затрудняютъ и рѣшеніе въ одну сторону вопроса о томъ, какое именно среднее между стихіями вещество должно было подразумѣваться Архелаемъ. Но среди этой сбивчивости опять есть пунктъ довольно опредѣленный. Сказавъ о происхожденіи воздуха и земли, Гипполитъ продолжаетъ: первый стремится вверхъ, послѣдняя становится подъ нимъ, внизу ¹⁾. Но понятно само собою, и изъ Аристотеля мы знаемъ ²⁾, что за безконечное вещество, которое должно было распространяться безпредѣльно во всѣ стороны, признавали только такое вещество, которому не усвоилось стремленія вверхъ или внизъ. Если самъ воздухъ, по Архелаю, несется вверхъ, то и среднее по плотности вещество между нимъ и огнемъ, должно было бы также стремиться вверхъ, какъ болѣе тонкое сравнительно съ нимъ, и, слѣдо-

¹⁾ Dox. Diels. 563, 19—20. Hippol.: ἀέρα γίνεσθαι καὶ γῆν, ὡν τὸν μὲν ἄνω φέρεσθαι, τὴν δὲ ὑφίστασθαι κάτω. Это, какъ мы видѣли выше, отвѣчаетъ въ Arist. Meteor. II, 2 расширенію неба.

²⁾ Arist. Phys. III, 5, 205, a 25—29.

вательно, началомъ оно также быть не могло ¹⁾. Такъ, если опираться на космогоническіе взгляды Архелая, нужно, по видимому, придти къ выводу, что началомъ онъ считалъ промежуточное вещество между воздухомъ и водою, то-есть, упоминаемое Аристотелемъ простое вещество, особое отъ стихій. Можно указать на два обстоятельства, благоприятствующія этому выводу. Если мы сравнимъ космогоническій взглядъ Архелая съ подобнымъ же взглядомъ кого-либо изъ другихъ древнихъ философовъ, напримѣръ, Анаксимандра, къ которому обыкновенно относятъ ученіе о простомъ, особомъ отъ стихій веществѣ, то увидимъ, что у перваго на первый планъ выступаетъ борьба стихій, огня и воды, такъ что у Гипполита очень мѣтко мірообразовательный процессъ, въ которомъ расплавленіе и раскаленіе играютъ первенствующую роль, называется *πύρωσις* ²⁾. Подобный взглядъ во всякомъ случаѣ очень хорошо подходилъ бы къ философу, который, по извѣстію Аристотеля, на разрушительныя дѣйствія стихій другъ въ отношеніи къ другу смотрѣлъ какъ на доказательство невозможности какую-либо изъ нихъ признать безконечною. Другое обстоятельство, которое можетъ также говорить въ пользу отождествленія Архелая съ философомъ, признававшимъ простое особое отъ стихій вещество, состоитъ въ томъ, что при такомъ пониманіи Архелаева взгляда само собою разрѣшается другое давнее историческое затрудненіе. Всегда казалось удивительнымъ, что Аристотель нигдѣ не упоминаетъ объ ученіи Архелая. Выше мы уже видѣли, что въ Meteor. II, 2 Аристотель имѣетъ въ виду космогонію Архелая; теперь приходимъ къ заключенію, что, если судить объ его

¹⁾ Ученіе объ образованіи стихій по двѣ одновременно, сначала огня и воды, потомъ воздуха и земли, также, по видимому, предполагаетъ отнесеніе воздуха къ стихіямъ тонкимъ: естественно, что сгущенію, сплотненію одной части начала, соответствуетъ разрѣженіе, уплотненіе другой. Съ этимъ согласно также и то, что Архелай, очевидно, тончайшему усвоетъ значеніе активнаго начала; какъ это видно на значеніи тепла или огня въ мірообразовательномъ процессѣ, но воздухъ, несомнѣнно, относится у него къ дѣятельнымъ началамъ; по Стобэю. Dox. Diels. 387: Ἀρχέλαος (τὴν ψυχὴν) ἀερώδη. По Diog. L. 37, 16—17: ἡ μὲν (ἡ γῆ) ὑπὸ τοῦ ἀέρος, ὁ δὲ (ὁ ἀήρ) ὑπὸ τῆς τοῦ πυρός περιφορᾶς κρατεῖται. Отсюда же вышла, конечно, и неточное извѣстіе Стобэя Dox. Diels. 302. 9—10: Ἀρχέλαος ἀέρα καὶ νοῦν τὸν θεὸν οὐ μόνου κοσμοποιῶν τὸν νοῦν.

²⁾ Dox. Diels. 563, 20—22. Hippol.: τὴν μὲν οὖν γῆν... κεῖσθαι δ' ἐν μέσῳ οὐδὲν μέρος οὖσαν, ὡς εἰπεῖν, τοῦ παντός, ἐκδεδομένον ἐκ τῆς πυρώσεως. Интересно передаваемое Стобзеемъ объясненіе Архелая τῶν βροντῶν, ἀστραπῶν и пр. Ibid. 368, 22—24: Ἀρχέλαος ταῦτο λέγει παρατιθεῖς τὸ τῶν διαπύρων λίθων καθιεμένων εἰς ψυχρὸν ὕδωρ πάθος, такъ что и здѣсь исходнымъ пунктомъ при объясненіи берется явленіе, которое представляетъ борьбу противоположныхъ свойствъ.

ученіи о началахъ по извѣстіямъ о космогоническомъ процессѣ, то оказывается, что Аристотель обращаетъ вниманіе и на его метафизическіе взгляды соотвѣтственно тому значенію, какое придаетъ этимъ взглядамъ.

Однако что же мы станемъ дѣлать съ прямыми извѣстіями о началахъ, принимаемыхъ Архелаемъ? Пусть на нихъ нельзя положиться вслѣдствіе ихъ взаимнаго противорѣчія и вслѣдствіе несогласія ихъ съ извѣстіями о важнѣйшихъ космогоническихъ его взглядахъ; тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ они идутъ несомнѣнно изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ, изъ которыхъ идутъ и свѣдѣнія объ его космогоническомъ ученіи, а поэтому, и сами по себѣ представляя любопытную загадку, въ то же время стоятъ на пути къ твердымъ выводамъ изъ послѣднихъ. Попробуемъ всмотрѣться въ нихъ повнимательнѣе. Дильсъ разъясняетъ важное значеніе тѣхъ главъ *Philosophum*. Гипполита, къ числу которыхъ относится и глава объ Архелай. Совершенно вѣрно видитъ онъ въ тождественныхъ выраженіяхъ Гипполита и Симплиція о началахъ Архелая фрагментъ изъ Теофраста. Мнѣ кажется, можно идти далѣе и указать то мѣсто въ сочиненіи Теофраста, откуда ведутъ свое происхожденіе эти выраженія. Симплицій передаетъ извѣстную выписку изъ Теофраста, въ которой сопоставляются Анаксагоръ съ Анаксимандромъ и съ которою намъ еще придется имѣть дѣло. Тождественныя выраженія Симплиція и Гипполита о принципахъ Архелая должны были слѣдовать у Теофраста тотчасъ же за этимъ мѣстомъ. На это указываютъ слѣдующія три обстоятельства. 1) Симплицій сейчасъ же за этою выпиской говоритъ: καὶ Ἀρχέλαος и т. д., употребляя здѣсь и общія у него съ Гипполитомъ выраженія объ Архелай. 2) Выписка оканчивается сведеніемъ *μῆτις* Анаксагора къ *μία φύσις ἀόριστος κατ' εἶδος καὶ κατὰ μέγεθος*, изъ чего выводится, что онъ привималъ *δύο τὰς ἀρχάς* и, слѣдовательно, вещественную стихію представлялъ сходно съ Анаксимандромъ. Гипполитъ разъясненіе принциповъ Архелая начинаетъ тѣмъ же понятіемъ *μῆτις*, за которымъ слѣдуетъ и *ἀρχαί*, и самое разъясненіе имѣетъ смыслъ также отождествленія но уже Архелая съ принциповъ съ Анаксагоровыми; на понятіи *μῆτις* основано было у Теофраста сближеніе Анаксагора съ Анаксимандромъ; совершенно естественно, что это понятіе тотчасъ же и употреблено было въ качествѣ исходнаго пункта для новаго сближенія Анаксагора съ Архелаемъ, и слѣдъ этого остался на фразѣ Гипполита, начинающаго съ *μῆτις*; вѣрность этого послѣдняго соображенія подтверждается и тѣмъ, что при изложеніи Гипполитомъ Анаксагорова ученія, непо-

средственно предшествующемъ у него изложенію Архелая ученія, слово *μῆτις* не употреблено ни одного разу. Наконецъ, 3) Климентъ Александрійскій, перечисливъ и подвергнувъ критикѣ взгляды философовъ, признававшихъ за начала стихіи, продолжаетъ: τῶν δὲ ἄλλων φιλοσόφων ὅσοι δὲ στοιχεῖα ὑπερβάντες ἐπολυπραγμόνησάν τι ὑψολότερον καὶ περὶ τώτερον οἱ μὲν αὐτῶν τὸ ἄπειρον καθύμνησαν и перечисляетъ здѣсь Анаксимандра, Анаксагора и Архелая¹⁾. Ясно, что въ древнемъ источникѣ, изъ котораго заимствуетъ эти историко-философскія свѣдѣнія Климентъ, въ противоположность философамъ, говорившимъ объ опредѣленныхъ стихіяхъ, сопоставлялись Анаксимандръ, Анаксагоръ и Архелай, которымъ усвоилось ученіе о началѣ безконечномъ и отличномъ отъ стихій, которое могло обозначаться просто τὸ ἄπειρον; но Симплиціева выписка изъ Теофраста содержитъ подобное же по существу сопоставленіе ученій о веществѣ Анаксагора и Анаксимандра, гдѣ недостаетъ только упоминанія объ Архелай, которое Симплицій тотчасъ же дѣлаетъ отъ своего лица, отождествляя, какъ и Гипполитъ, его начала съ Анаксагоровыми, такъ что едва ли можно сомнѣваться, что первымъ образцомъ для сопоставленія всѣхъ трехъ философовъ служило это мѣсто Теофраста въ его цѣльномъ видѣ, и изъ него оно перешло въ тотъ источникъ, которымъ пользовался Климентъ. Установивъ этотъ пунктъ, обратимся теперь къ свидѣтельству Гипполита. Оно для насъ цѣннѣе Симплиціева свидѣтельства и по тому, что оно полнѣе его, и по тому, что Гипполитъ обращается къ источнику, изъ котораго обильно черпаетъ историко-философскія свѣдѣнія, никакъ не для философски экзегетическихъ цѣлей, какъ Симплицій, или второе лицо, у котораго Симплицій заимствуетъ, а для цѣлей христіански-апологетическихъ; ему нѣтъ никакой нужды добираться до точнаго смысла того или другаго извѣстія, нѣтъ нужды опускать то, что показалось бы страннымъ или непонятнымъ, перетолковывать или исправлять текстъ, если онъ даже замѣтилъ бы въ немъ что-нибудь возбуждающее недоумѣніе; онъ прямо передаетъ то, что можетъ прочесть. И онъ передаетъ въ дѣйствительности вотъ что: οὗτος (Архелай) ἔφη τὴν μῆτιν τῆς ὕλης ὁμοίως Ἀναξαγόρα τὰς τε ἀρχὰς ὡσαύτως· οὗτος δὲ τῷ νῶ ἐνοπάρχειν τι εὐθέως μῆτιμα, εἶναι δ' ἀρχὰς τῆς κινήσεως ἀποκρίνεσθαι ἀπ' ἀλλήλων τὸ θερμὸν καὶ τὸ ψυχρόν. Каждое изъ трехъ этихъ предложеній способно возбудить недоумѣніе. Никто не сомнѣвается, что послѣднее предложеніе лишено грамматическаго смысла, и существуетъ даже нѣсколько

¹⁾ Cohort. ad. gent. ed. *Migne*, VIII, p. 169, A.

опытовъ поправокъ его. Но я удивляюсь, какъ не останавливаетъ на себѣ вниманія среднее предложеніе; на него даже считаютъ возможнымъ ссылаться для доказательства того, что Архелай признавалъ, подобно Анаксагору, τὸν νοῦν, но не отдѣльный отъ вещества, какъ было то у Анаксагора, а примѣшенный къ веществу. Однако фраза Гипполита этого не говоритъ, она говоритъ не о томъ, что умъ примѣшанъ къ веществу, а о томъ, что вещество находится въ умѣ; а это такой взглядъ, котораго не только Архелая, но и никому изъ величайшихъ философовъ классическаго времени мы приписать не можемъ. И, потомъ, если идетъ здѣсь дѣло объ отношеніи мірозидательнаго ума къ веществу, то къ чему стоитъ здѣсь εὐθέως? Можно ли придать въ такомъ случаѣ этому предложенію какой-нибудь смыслъ, при которомъ было бы понятно существованіе этого εὐθέως? Представляется, по видимому, яснымъ по крайней мѣрѣ первое предложеніе Гипполита, которое прямо говоритъ о началахъ у Архелая и поэтому имѣеть наибольшую важность. Однако на дѣлѣ возбуждаетъ недоумѣніе и оно, особенно если сличить его съ соотвѣтствующею фразой Симплиція. Симплицій говоритъ: Ἀρχέλαος... τὰς ἀρχὰς δὲ τὰς ἀδτάς ἀποδίδωσιν ἄς περ Ἀναξαγόρας. Подъ этими ἀρχὰς Архелая мы, конечно, должны понимать одно изъ двухъ: или одни многочисленныя вещественныя начала, или ихъ вмѣстѣ съ дѣятельнымъ принципомъ, умомъ. Но Гипполитъ разрушаетъ нашу иллюзію. Когда онъ, также упоминая объ ἀρχὰς, на первомъ мѣстѣ ставитъ τὴν μῆτιν, которое должно обнимать въ себѣ всѣ въ совокупности вещественныя начала, онъ тѣмъ самымъ лишаетъ насъ права понимать ихъ же и подъ слѣдующимъ затѣмъ τὰς ἀρχὰς. Но кромѣ τὴν μῆτιν у Анаксагора, а слѣдовательно, и у Архелая, ученіе котораго здѣсь отождествляется съ Анаксагоровымъ, въ значеніи ἀρχῆς долженъ бы остаться лишь ὁ νοῦς, который одинъ, конечно, не можетъ быть названъ ἀρχαί. Между тѣмъ существованіе слова τὰς ἀρχὰς въ древнемъ источникѣ и пониманіе подъ нимъ въ этомъ первомъ предложеніи Гипполита именно первыхъ началъ подтверждается не только фразой Симплиція, въ которой оно находится и несомнѣнно имѣеть это значеніе, но и тѣмъ, что это предложеніе должно было, очевидно, у Теофраста связывать предшествующее сличеніе началъ Анаксагора и Анаксимандра съ слѣдующимъ за тѣмъ сопоставленіемъ Анаксагора съ Архелаемъ, а въ первомъ сличеніи встрѣчается тоже слово ἀρχὰς и въ смыслѣ первыхъ началъ. Съ другой стороны, и слово τὴν μῆτιν, какъ мы уже видѣли, также идетъ изъ древняго источника. Итакъ, въ древнемъ источникѣ то и другое слово было,

но они должны были быть поставлены тамъ въ какое-то иное состояніе, и вся фраза потеряла передѣлку. Что же именно говорилось въ этомъ источникѣ? Какая явилась нужда замѣнять фразу подлинника иною фразой? Въ чемъ, наконецъ, состоитъ дѣйствительный смыслъ дальнѣйшихъ двухъ предложеній, очевидно, подвергшихся какому-то случайному искаженію? Разъясненный выше взглядъ Архелая на начало въ связи съ тѣмъ, что было сказано о мѣстѣ, гдѣ говорилось у Теофраста о принципѣ Архелая, даетъ намъ отвѣтъ на первые два вопроса, а исправленіе случайной и ничтожной ошибки, исказившей смыслъ дальнѣйшихъ двухъ предложеній, представить косвенное подтвержденіе сдѣланныхъ выводовъ. Критика понятія смѣшенія, какъ сказано было выше, явилась рано, вѣроятно, вскорѣ послѣ появленія системы Анаксагора. Она говорила, что если смѣшеніе перешло въ иное однородное бытіе, то оно уже не существуетъ на дѣлѣ, а существуетъ только это иное бытіе, а поэтому говорить о существованіи смѣшенія какъ смѣшенія уже будетъ нельзя. Если точнѣе примѣнить эту критику ко взгляду Анаксагора (она могла имѣть въ виду вмѣстѣ и другіе взгляды, на примѣръ, Эмпедокла), который говорилъ, что въ первоначальномъ смѣшеніи ни одна качественность не выдѣляется, то-есть, что смѣшеніе представляетъ что-то одинаково неопредѣленное на всемъ своемъ протяженіи, то выходило, что Анаксагорово вещество фактически не есть смѣшеніе, а чуждое противоположныхъ качественностей, то-есть, неопредѣленное со стороны этихъ качественностей бытіе. Убѣдительность этой критики нельзя было не признать, если не было выработано яснаго понятія о различіи между потенциальнымъ и актуальнымъ бытіемъ. Припомнимъ, что и Діогенъ Аполлонійскій смѣшенію уже не училъ. Но Діогенъ шелъ инымъ путемъ: онъ обратился къ Анаксименову воздуху. Ученикъ Анаксагора Архелай, который долженъ былъ сознать силу этой критики, естественно искалъ выхода изъ затрудненія въ томъ направленіи, которое пред-указано было самимъ Анаксагоромъ. Имѣя исходнымъ пунктомъ Анаксагорово ученіе о смѣшеніи, онъ долженъ былъ ясно и открыто высказать, что Анаксагорово смѣшеніе ничѣмъ инымъ и не могло быть кромѣ неопредѣленнаго бытія, и вмѣстѣ съ тѣмъ признать началомъ однородное и простое вещество, чуждое тѣхъ противоположностей, которыя у Анаксагора предполагались слитно въ немъ существующими и изъ него выдѣляющимися. Въ интересахъ сближенія сродныхъ философскихъ мнѣній (по большому отрывку De sens.

мы знаемъ, что Теофрастъ охотно дѣлалъ сопоставленія мнѣній философовъ по ихъ сходству и противоположности) Теофрастъ, указывая на Анаксагорово $\mu\acute{\iota}\xi\nu$, сводилъ его къ $\mu\acute{\iota}\alpha\nu \phi\acute{o}\sigma\iota\nu \acute{\alpha}\nu\acute{o}\rho\iota\sigma\tau\omicron\nu \kappa\alpha\tau' \epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma \kappa\alpha\iota \kappa\alpha\tau\grave{\alpha} \mu\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\theta\omicron\varsigma$; затѣмъ онъ, естественно, упоминалъ, что подобнымъ же образомъ говорилъ объ этомъ смѣшеніи Архелай, чтó, конечно, должно было означать, что Архелай прямо признавалъ, что это смѣшеніе ничѣмъ инымъ не можетъ быть кромѣ однородной природы, совсѣмъ чуждой противоположныхъ качественностей; отсюда Теофрастъ, въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, какъ это дѣлалъ онъ непосредственно передъ симъ относительно Анаксагора и Анаксимандра, долженъ былъ сдѣлать выводъ о тождествѣ началъ Анаксагора и Архелая. Когда древній компиляторъ дѣлалъ извлечение изъ Теофраста мнѣній древнихъ физиковъ, онъ замѣнилъ Теофрастовъ порядокъ изложенія своимъ; у Теофраста мнѣнія различныхъ философовъ по одному и тому же вопросу были сгруппированы вмѣстѣ и излагались особо отъ мнѣній тѣхъ же философовъ по другимъ вопросамъ: компиляторъ хотѣлъ соединить всѣ вмѣстѣ мнѣнія каждаго философа и отдѣлить ихъ отъ мнѣній другихъ философовъ. Понятно, что изложеніе Архелаева мнѣнія о началахъ должно было быть вырвано изъ той связи, въ которой оно стояло у Теофраста; начальныя слова Теофраста $\acute{o}\mu\acute{o}\iota\omicron\varsigma \tau\eta\nu \mu\acute{\iota}\xi\nu$ въ такомъ случаѣ потребовали поясненія, о какомъ именно сходствѣ шло дѣло; тотчасъ слѣдующее за тѣмъ утвержденіе о тождествѣ началъ Архелаевыхъ съ Анаксагоровыми, по видимому, ясно указывало на того философа, сближеніе съ которымъ Архелая имѣется въ виду у Теофраста; для разъясненія $\acute{o}\mu\acute{o}\iota\omicron\varsigma$ требовалось, казалось, лишь отнести Ἀναξαγόρα не ко второму только предложенію, но и къ первому, а вмѣстѣ съ тѣмъ слить оба предложенія въ одно, поставивъ для нихъ одно общее подходящее сказуемое. Эту-то передѣлку фразы Теофраста мы и имѣемъ въ первомъ изъ выше выписанныхъ предложеній Гипполита. Такъ явились другъ подле друга въ качествѣ какъ будто особыхъ предметовъ $\tau\eta\nu \mu\acute{\iota}\xi\nu$ и $\tau\acute{\alpha}\varsigma \acute{\alpha}\rho\chi\acute{\alpha}\varsigma$ и, однако, къ удивленію, каждое съ своимъ особымъ дополненіемъ одно съ $\acute{o}\mu\acute{o}\iota\omicron\varsigma$, другое съ $\acute{\omega}\sigma\acute{\alpha}\nu\acute{o}\tau\omicron\varsigma$. Смыслъ подлиннаго мѣста оказался совсѣмъ затемненнымъ. Виною этому, впрочемъ, могъ быть и не одинъ только недостатокъ сообразительности или даже просто внимательности у компилятора. Не имѣя возможности возстановить фразу Теофраста въ точномъ ея видѣ, мы, конечно, не имѣемъ возможности и судить о томъ, на сколько допускала она сама, при бѣглой компиляціи, возможность

ея перетолкованія; но все же несомнѣнно, что дальнѣйшія два предложенія, если мы предположимъ, что ошибка, съ какой являются они у Гипполита и которая совсѣмъ исказила ихъ смыслъ, вкралась уже въ списокъ Теофрастова сочиненія, никакъ не могли указать компилятору надлежащую дорогу, а скорѣе затемняли для него дѣло. Какъ бы это впрочемъ ни было, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, есть возможность добраться до ихъ настоящаго смысла. Ихъ порчу едва ли ищутъ тамъ, гдѣ ее слѣдуетъ искать. Если имѣть въ виду, что непонятны они оба, а не одно только изъ нихъ, то всего естественнѣе, казалось бы, предположить, что порчѣ подверглось первое слово послѣдняго предложенія $\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota \delta'$, такъ какъ порча въ одномъ этомъ словѣ должна была сдѣлать безсмысленными оба предложенія заразъ: это $\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota \delta'$ даетъ второе, совершенно излишнее сказуемое въ томъ предложеніи, къ которому оно относится, оно же замѣнило собою и то выраженіе, которое должно было связывать съ этимъ предложеніемъ предшествующее ему, и вслѣдствіе того отняло смыслъ у послѣдняго. Мнѣ кажется, въ $\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota \delta'$ образовалась изъ $\omicron\epsilon$, а δ' есть несомнѣнно простая, древняя или позднѣйшая, вставка, которая оказалась необходимою, какъ скоро чрезъ указанное искаженіе порвана была естественная связь двухъ предложеній, и вслѣдствіе того потеряны были ихъ смыслъ¹⁾. Предлагаемая поправка менѣе значительна, чѣмъ тѣ поправки, которыя предлагались къ этому мѣсту другими²⁾; между тѣмъ она не только возстановляетъ грамматическій смыслъ послѣдняго предложенія, чтó исключительно имѣютъ въ виду всѣ другія поправки, но и даетъ возможность понять смыслъ предложенія предшествующаго, о возстановленіи котораго эти поправки совсѣмъ не заботятся. Въ исправленномъ видѣ оба эти предложенія читались бы такъ: $\acute{o}\upsilon\tau\omicron\varsigma \delta\grave{\epsilon}$ ($\acute{\epsilon}\phi\eta$) $\tau\omicron\phi \nu\phi \acute{\epsilon}\nu\omicron\tau\acute{\alpha}\rho\chi\epsilon\iota\nu \tau\iota \epsilon\upsilon\theta\acute{\epsilon}\omega\varsigma$

¹⁾ Въ старыхъ изданіяхъ *Philosoph.* δ' , по видимому, не было: Брандисъ (*Handb. d. Gesch. gr. röm. Phil.* 1, 291. 1.) читаетъ текстъ безъ δ' ; его нѣтъ въ *Orig. op. omn. ed. Delur.*, Paris. 1739. Въ изданіи *Dunck. et Schneid.* и въ изданіи *Cruic.* при словѣ δ' $\acute{\alpha}\rho\chi\eta\nu$ (вмѣсто δ' $\acute{\alpha}\rho\chi\acute{\alpha}\varsigma$) замѣчается: $\acute{\alpha}\rho\chi\eta\nu$ *Roep.* $\acute{\alpha}\rho\chi\acute{\alpha}\varsigma$ *vulgo.* Дальше въ *Doxogr.* читаетъ δ' $\acute{\alpha}\rho\chi\acute{\alpha}\varsigma$, но не указываетъ вариантовъ рукописей къ этому мѣсту; онъ подъ строкой даетъ лишь собственную его поправку и поправки другихъ, но здѣсь δ' какъ чья-либо поправка не отмѣчается. Слѣдуетъ ли отсюда заключать, что δ' есть въ рукописяхъ и во всѣхъ?

²⁾ По самой позднѣйшей изъ поправокъ, именно, поправкѣ Дильса, мѣсто должно читаться: $\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota \delta\grave{\epsilon}$ ($\delta\acute{o}\omicron$) $\acute{\alpha}\rho\chi\acute{\alpha}\varsigma \tau\eta\varsigma \kappa\iota\nu\eta\tau\epsilon\omega\varsigma$, ($\acute{\alpha}\varsigma$) $\acute{\alpha}\nu\omicron\tau\acute{\alpha}\rho\chi\epsilon\iota\theta\alpha\iota \kappa\tau\lambda.$

μῆτρα, εἰ νοεῖ ἀρχὰς τῆς κινήσεως ἀποκρίνεσθαι ἀπ' ἀλλήλων τὸ θερμὸν καὶ τὸ ψυχρὸν. Совершенно естественное, но, какъ мнѣ кажется, совершенно ошибочное сближеніе τῆ νοῦ, о которомъ говорится здѣсь, съ умомъ у Анаксагора вводило въ ошибку какъ древнихъ компиляторовъ, такъ и новыхъ ученыхъ. Не о міровоздательномъ умѣ, а о человѣческой мысли, о необходимой связи въ мышленіи понятія о смѣшеніи съ понятіемъ о выдѣленіи шла рѣчь въ этомъ мѣстѣ. Сознавая необходимость свести Анаксагорово смѣшеніе къ понятію одной, чуждой противоположныхъ качествъ природы, Архелай естественно чувствовалъ потребность объяснить ту иллюзію, вслѣдствіе которой это чуждое противоположныхъ качествъ бытіе выступало у Анаксагора въ качествѣ смѣшенія, хотя уже Анаксимандръ училъ объ единомъ началѣ, отличномъ отъ непосредственно данныхъ въ мірѣ стихій. Эта иллюзія, по его мнѣнію, возникала изъ ученія о способѣ происхожденія производнаго бытія изъ первоначальнаго, во взглядѣ на продуктивный процессъ какъ на процессъ выдѣленія. На мѣсто одной неопредѣленной природы, говорилъ Архелай, тотчасъ оказывается налично даннымъ въ мышленіи какое-то смѣшеніе (то-есть, представленіе о какомъ-то смѣшеніи), если оно (мышленіе) представляетъ, что въ качествѣ началъ движенія отдѣляются другъ отъ друга теплое и холодное, какъ думалъ Анаксагоръ¹⁾. Теофрастъ, высказавъ общую мысль, что Архелай подобнымъ же образомъ говорилъ о смѣшеніи, то-есть, смотрѣлъ на него какъ на одну неопредѣленную по виду природу, и сдѣлавъ отсюда

¹⁾ Отсюда ясно, что, говоря объ отдѣленіи другъ отъ друга теплаго и холоднаго, Архелай имѣлъ въ виду мысль Анаксагора (Simpl. in Phys. 156, 29—30 передаетъ слова Анаксагора ἀποκρίνεται... ἀπὸ τοῦ ψυχροῦ τὸ θερμὸν); если теплое и холодное названы здѣсь началами движенія, то слѣдуетъ принять во вниманіе, что для Архелая, который отрицалъ обособленное существованіе ума, а между тѣмъ въ то же время во многомъ раздвѣлялъ космогоническія воззрѣнія своего учителя, Анаксагора, должно было быть уже ясно то, на что указываетъ Plat. Phaed. 98. В, именно, что Анаксагоръ въ космогоническомъ процессѣ (за исключеніемъ перваго его акта) совсѣмъ не пользуется умомъ, и что дѣйствительными причинами у него служатъ воздухъ, огонь и пр. Въ виду этого Архелай, который, какъ было сказано, самъ признавалъ холодное и теплое активными стихіями, конечно, не чувствовалъ никакого затрудненія съ своей точки зрѣнія назвать первыя выдѣленія изъ Анаксагорова смѣшенія ἀρχὰς τῆς κινήσεως. Не понятое отношеніе ко взгляду Анаксагора терминовъ теплаго и холоднаго, которые упоминаются въ искаженныхъ предложеніяхъ, а вмѣстѣ и смѣшеніе двятельныхъ стихій по Архелая (огня и воздуха) съ первыми возникшими, по его мнѣнію, стихіями (огнемъ и водою), вѣроятно, произвели и ту спутанность извѣстій о вторичныхъ началахъ, о которой говорено было выше.

общій выводъ о тождествѣ его ученія о началахъ съ Анаксагоровымъ, естественно, хотѣлъ разъяснить затѣмъ точнѣе отношеніе Архелая къ Анаксагорову понятію о смѣшеніи, чтобы дать представленіе объ особенностяхъ его взгляда, и съ этою цѣлью приводилъ его объясненіе смѣшенія какъ неизбѣжной иллюзіи, соединенной съ теоріей выдѣленія. Само собою понятно, что при этомъ Теофрастъ долженъ былъ прибавить, что самъ Архелай объяснялъ уже инымъ образомъ происхожденіе міра изъ безконечнаго (Симплиціево ἐν μὲν γενέσει τοῦ κόσμου... παρὰ τῆς τι φέρειν ἴδιον), точно такъ же, какъ и изъ другихъ мѣстъ его сочиненія, гдѣ говорилось о космогоническихъ мнѣніяхъ древнихъ, было ясно, что способъ происхожденія всего по Архелая состоитъ въ разрѣженіи и уплотненіи первоначальнаго вещества. Этимъ объясняются другія двѣ редакціи извѣстій о началахъ у Архелая Симплиціева съ Александровой и Plat. Plac. съ сродными ей Стобѣевой и др. Когда смыслъ главнаго извѣстія Теофраста объ Архелай въ древней компиляціи былъ затемненъ передѣлкой одной фразы и случайнымъ искаженіемъ другой, было совершенно естественно авторамъ, пользовавшимся этою компиляціей, изъ полнаго извѣстія брать только фразы, которыя не представляли сомнѣнія по своему смыслу, то-есть, фразы о тождествѣ началъ Архелая съ Анаксагоровыми и о какой-то особености перваго въ ученіи о происхожденіи міра; а изъ тождества началъ съ Анаксагоровыми сдѣлалось затѣмъ и прямо ученіе о гомойомеріяхъ. Авторъ, извѣстія котораго объ Архелай лежатъ въ основаніи извѣстій Plut. Plac. и пр., хотѣлъ, очевидно, выйдти изъ неприятнаго положенія, созданнаго мало-помалу накопившимися уже противорѣчіями въ свѣдѣніяхъ объ Архелай, сдѣлавъ самостоятельное заключеніе о началѣ, имъ принимаемомъ, на основаніи свѣдѣній объ его космогоніи, также, вѣроятно, шедшихъ первоначально отъ Теофраста; изъ нихъ онъ узнавалъ, что первыя порожденія начала, огонь и вода возникали — первый чрезъ разрѣженіе, послѣдняя чрезъ уплотненіе начала, и отсюда онъ заключилъ, что само начало должно было быть воздухомъ, то-есть, стихіей среднею по плотности между огнемъ и водою; ясный слѣдъ такого именно происхожденія этого мнѣнія лежитъ на самомъ извѣстіи писателей, его сообщающихъ, такъ какъ они тотчасъ же за этимъ извѣстіемъ упоминаютъ объ огнѣ и водѣ какъ разрѣженіи и уплотненіи воздуха. Что касается, наконецъ, редакціи извѣстій объ Архелайевомъ началѣ, сообщаемыхъ у Діогена и Гермія, то происхожденіе ея совершенно объясняется стремленіемъ какого-либо древняго составителя біографій, какимъ между прочимъ несомнѣнно пользовался Діогенъ по вы-

водамъ Дильса, отдѣлаться отъ темнаго и запутаннаго вопроса, начавъ изложеніе ученія Архелая прямо со взгляда его на вторичныя начала. Однако и при всемъ разнорѣчии извѣстій объ ἀρχή Архелая остается слѣдъ того пониманія его, по которому считалось удобнымъ вслѣдствіе его отличія отъ конкретно опредѣленныхъ, данныхъ въ опытѣ предметовъ, назвать его просто τὸ ἄπειρον подобно ἀρχή Анаксимандра. Этотъ слѣдъ живо чувствуется въ сведеніи у Климента принципа Архелая вмѣстѣ съ принципами Анаксимандра и Анаксагора къ τὸ ἄπειρον, которое противопоставляется опредѣленнымъ стихіямъ. Тотъ же слѣдъ, хотя и очень слабый, можно примѣтить въ извѣстіяхъ писателей второй группы, когда они къ ἀήρ, который они называютъ ἀρχή Архелая, прибавляютъ ἄπειρον, чего они не дѣлаютъ, говоря о воздухѣ Анаксимена, хотя несомнѣнно безконечнымъ считался и онъ. Совершенно особымъ образомъ проявляется подобный же слѣдъ у Діогена: очень не систематически изложивъ взгляды Архелая, касающіеся довольно разнообразныхъ предметовъ, онъ неожиданно прибавляетъ καὶ τὸ πᾶν ἄπειρον. Таковы ближайшія причины разнорѣчія и ошибочныхъ показаній позднѣйшихъ писателей о принципѣ Архелая. Этими ближайшими причинами не ограничивается все дѣло. Есть еще одно условіе, безъ котораго и эти причины не получили бы важнаго значенія и вся запутанность вопроса не объ Архелая только, но и объ Анаксимандрѣ была бы невозможна. Это условіе станетъ для насъ ясно изъ слѣдующей главы.

Взглядъ Теофраста на природу Анаксимандрова безконечнаго.

О взглядѣ Теофраста на природу Анаксимандрова безконечнаго мы можемъ заключать, во первыхъ, по той выпискѣ Симплиція изъ Теофраста, въ которой сближается Анаксагорово ученіе съ Анаксимандровымъ, и, во вторыхъ, по извѣстіямъ позднѣйшихъ писателей объ Анаксимандровомъ безконечномъ, не упоминающихъ, правда, о Теофрастѣ, но несомнѣнно зависящихъ отъ его сочиненія. Въ Симплициевой выпискѣ мы имѣемъ подлинныя слова Теофраста, однако взятыя не изъ того мѣста Теофрастова сочиненія, гдѣ рѣчь шла прямо объ Анаксимандрѣ, но высказанныя по случаю изложенія Анаксагорова ученія. Въ основаніи позднѣйшихъ ученій лежитъ, конечно, извѣстіе Теофраста, непосредственно касавшееся Анаксимандра, но оно прошло уже черезъ нѣсколько рукъ, прежде чѣмъ явилось въ сочиненіяхъ большинства дошедшихъ до насъ писателей.

Разъяснивъ, какъ обыкновенно полагаютъ, по Теофрасту ученіе

о началахъ, принимаемыхъ Анаксагоромъ, то-есть, о гомойомеріяхъ и умѣ, Симплицій указываетъ между прочимъ на то, что по взгляду Анаксагора на вещество все существуетъ во всемъ, а частныя вещи получаютъ опредѣленность по частицамъ въ нихъ преобладающимъ. Подтвердивъ это ученіе собственными словами Анаксагора, Симплицій тотчасъ за тѣмъ продолжаетъ такъ ¹⁾: и этому—говоритъ Теофрастъ—сходно съ Анаксимандромъ учить Анаксагоръ, ибо первый (ἐκεῖνος) говоритъ, что при раздѣленіи безконечнаго сродное несется другъ къ другу, и такъ какъ во всемъ (ἐν τῷ παντί) ²⁾ существовало золото, возникаетъ золото, такъ какъ существовала земля, возникаетъ земля, равнымъ образомъ и все остальное, какъ бы оно не рождалось вновь, а существовало ранѣе (въ томъ, изъ чего возникаетъ); въ качествѣ же причины движенія и рожденія прибавилъ (уже) Анаксагоръ умъ, чтобы (?) раздѣляемое имъ вещество породило

¹⁾ Simpl. in Phys. 27. 11—23: καὶ ταῦτα φησὶν ὁ Θεόφραστος παραπλησίως τῷ Ἀναξिमάνδρῳ λέγειν τὸν Ἀναξαγόραν· ἐκεῖνος γὰρ φησὶν ἐν τῇ διακρίσει τοῦ ἀπείρου τὰ συγγενῆ φέρεσθαι πρὸς ἄλληλα, καὶ ὅτι μὲν ἐν τῷ παντί χρυσὸς ἦν, γίνεσθαι χρυσόν, ὅτι δὲ γῆ, γῆ· ὁμοίως δὲ καὶ τῶν ἄλλων ἕκαστον, ὡς οὐ γινόμενων ἀλλ' ἐνοπαρχόντων πρότερον· τῆς δὲ κινήσεως καὶ τῆς γενέσεως αἰτίον ἐπέστησε τὸν νοῦν ὁ Ἀναξαγόρας, ὅφ' οὗ διακρινόμενα τοὺς τε κόσμους καὶ τὴν τῶν ἄλλων φύσιν ἐγέννησαν. (Дальнѣйшее Симплицій приводитъ также и въ другомъ мѣстѣ, ссылаясь на τὴν Φυσικὴν ἱστορίαν Теофраста, ibid. 154. 15—24. Мы отмѣчаемъ варианты въ скобкахъ) καὶ οὕτω μὲν (οὖν), φησὶ, λαμβανόντων δόξαιεν ἂν ὁ Ἀναξαγόρας (ὁ Ἀναξ. нвтъ, ибо имя Анаксагора упоминается въ словахъ, непосредственно предшествующихъ выпискѣ) τὰς μὲν ὀλικὰς ἀρχὰς ἀπείρους ποιεῖν (ὡσπερ εἴρηται), τὴν δὲ τῆς κινήσεως καὶ τῆς γενέσεως αἰτίαν μίαν τὸν νοῦν (τὸν νοῦν нвтъ). εἰ δὲ τις τὴν μῆξιν τῶν ἀπάντων ὑπολάβοι μίαν εἶναι φύσιν ἀρίστην καὶ κατ' εἶδος καὶ κατὰ μέγεθος (ὅπερ ἂν δόξειε βούλεσθαι λέγειν) συμβαίνει δύο τὰς ἀρχὰς αὐτὸν λέγειν τὴν τε τοῦ ἀπείρου φύσιν καὶ τὸν νοῦν· ὥστε (πάντως) φαίνεται τὰ σωματικὰ στοιχεῖα παραπλησίως ποιῶν Ἀναξिमάνδρῳ.

²⁾ Въ приведенныхъ Симплициемъ передъ этою выпиской словахъ Анаксагора ἐν παντί παντὸς μοῖρα ἔνεστι „все“ означаетъ всякое или каждое въ частности бытіе, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы въ словахъ Теофраста ὅτι ἐν τῷ παντί χρυσὸς ἦν „все“ означало также каждое бытіе въ частности, а не τὸ πᾶν въ смыслѣ всединаго: рѣчь идетъ у него о раздѣленіи не безчисленныхъ вещей, а (единаго) безконечнаго, изъ котораго онѣ возникаютъ, и которое есть, слѣдовательно, τὸ πᾶν, въ которомъ онѣ предсуществуютъ. Когда Симплицій предъ своею выпиской изъ Теофраста характеризуетъ взглядъ Анаксагора даже не его собственными словами, а своими, заимствуя, конечно, свое объясненіе изъ Теофраста, онъ говоритъ πάντων μὲν ἐν πᾶσιν (а не ἐν τῷ παντί) ὄντων. Въ каждой изъ частицъ τοῦ ἀπείρου содержится, конечно, все разнообразіе качествъ, только эти частицы не отличны одна отъ другой, а вполне однородны.

міры и природу остального бытія ¹⁾. Правда ²⁾, говорить Теофрастъ, даже когда такъ принимаютъ, казалось бы, что Анаксагоръ признаетъ вещественныя начала безчисленныя, единою же считаетъ причину движенія и рожденія—умъ; но если понять, что смѣшеніе всего есть единая природа неопредѣленная какъ по виду, такъ и по величинѣ, то выходитъ, что онъ говоритъ о двухъ (только) началахъ, о природѣ безконечнаго и объ умѣ, такъ что оказывается, что тѣлесныя (вещественныя) стихіи представляетъ онъ сходно съ Анаксимандромъ“. Въ первой половинѣ этой выписки Анаксимандру приписывается ученіе о томъ, что раздѣленіе безконечнаго сопровождается возникновеніемъ разнообразнаго бытія, на которое поэтому нельзя смотрѣть какъ на возникающее въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ оно предполагалось предсуществуящимъ уже въ самомъ безконечномъ. Во второй сближеніе безчисленныхъ началъ Анаксагора съ безконечнымъ Анаксимандра, не смотря даже на предсуществованіе въ послѣднемъ разнообразнаго содержанія, признается возможнымъ лишь подъ условіемъ сведенія вещества Анаксагора къ *μία φύσις*. Этимъ показывается, что безконечное Анаксимандра, не смотря на предсуществовавшее въ

¹⁾ Вызываетъ недоумѣніе слово *ἐγέννησαν* въ фразѣ *ὅφ' οὗ διακρινόμενα τοὺς τε κόσμους καὶ τὴν τῶν ἄλλων φύσιν ἐγέννησαν*. Дилсъ въ *Dox.* 479 по нѣкоторымъ кодексамъ исправляетъ его въ *ἐγέννησεν*, но въ своемъ изданіи *Simpl. in Phys.* вновь ставитъ *ἐγέννησαν*, вѣроятно, въ виду того, что *ἐγέννησεν* нѣкоторыхъ кодексовъ обнаруживаетъ поправку изъ *ἐγέννησαν*. Въствъ съ тѣмъ въ той же фразѣ страннымъ представляется слово *τοὺς κόσμους*, такъ какъ Анаксагоръ, по видимому, признавалъ единство міра, что утверждаетъ и самъ Симплицій *in Phys.* 178. 25—26. По видимому, текстъ этой фразы испорченъ.

²⁾ Во второй редакціи этого мѣста къ *μὲν* присоединено *οὖν*. Если этому соединенію частицъ придавать здѣсь значеніе (какъ это встрѣчается не только при отвѣтахъ на вопросы въ діалогахъ *Plat. Crit.* 44. B. *Gorg.* 446. A. E, но и при монологической формѣ рѣчи, напримѣръ, *Arist. Rhet.* II. 23. 1399. 15. 23) поправки, ограниченія передъ тѣмъ высказанной мысли, то оно здѣсь было бы допустимо, предполагая, конечно, что далѣе слѣдующее *δέ* (*εἰ δέ τις κτλ*) имѣетъ смыслъ снятія этого ограниченія. Судя по большому отрывку изъ Теофраста *De sens.*, Теофрастъ очень охотно употреблялъ *μὲν οὖν* при переходахъ отъ изложенія взглядовъ того или другаго философа къ ихъ опроверженію (см. *Dox. Diels.* 512. 11; 513. 28; 522. 26); во всякомъ случаѣ, хотя при этомъ употребленіи это соединеніе частицъ и можетъ быть толкуемо въ смыслѣ перехода къ новой мысли, въ немъ слышится все же нѣкоторое противоположеніе новаго предшествующему; это, по видимому, подтверждается и тѣмъ, что въ одномъ изъ подобныхъ случаевъ, гдѣ *μὲν οὖν* было употребить неудобно, такъ какъ это именно соединеніе частицъ употреблено было въ заключенія изложенія взгляда, подлежащаго критикѣ, оно замѣнено частицей *δέ* (528. 28).

немъ (до его раздѣленія) разнообразіе, было *μία φύσις*. Если выразить эти мысли въ Аристотелевыхъ терминахъ, то это будетъ означать, что безконечное Анаксимандра было *ἐν ὁμομερέει*, хотя и *σύνδετον*. Самая связь мыслей въ этомъ отрывкѣ очень напоминаетъ связь мыслей въ важнѣйшемъ извѣстіи Аристотеля объ Анаксимандрѣ въ *Phys.* I. 4. Въ *Phys.* I. 4. ученіе *ἐξ ἐνός ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκρίνεσθαι*, приписываемое непосредственно Анаксимандру, переносится тотчасъ затѣмъ на (Эмпедокла и) Анаксагора: въ отрывкѣ Теофраста также устанавливается сходство Анаксагорова ученія съ Анаксимандровымъ, понятымъ въ этомъ именно смыслѣ. Аристотель, перенося на Анаксагора Анаксимандрово ученіе о выдѣленіи изъ единаго, характеризуетъ при этомъ Анаксагора какъ философа, принимавшаго *ἐν καὶ πολλὰ*, то-есть, ставитъ на видъ, что онъ особо полагалъ единое и особо—многое и, слѣдовательно, вещество превратилъ въ многое, и эта черта ученія Анаксагора (и Эмпедокла) вызываетъ Аристотеля на разъясненіе права приписывать ему выдѣленіе изъ единаго: въ соотвѣтствіе съ этимъ Теофрастъ говоритъ, что Анаксагоръ прибавилъ *τὸν νοῦν* (къ безконечному Анаксимандра), то-есть, Аристотелево *ἐν*, и также приводитъ возраженіе противъ сближенія ученія обоихъ философовъ, основанное на безчисленности вещественныхъ началъ у Анаксагора. Аристотель разъясняетъ возможное недоумѣніе, указывая на смѣшеніе вещества у Анаксагора: и Теофрастъ разрѣшаетъ возраженіе, разъясняя, что смѣшеніе есть единая природа. На отрывокъ Теофраста можно смотрѣть какъ на комментарий слишкомъ сжато выраженной мысли Аристотеля.

Въ борьбѣ мнѣній относительно природы Анаксимандрова безконечнаго слова Теофраста, приводимыя Симплиціемъ, обращали на себя особенное вниманіе и подвергались разнообразнымъ толкованіямъ. Ученые, которые смотрѣли на это безконечное, какъ на хаотическое смѣшеніе, видѣли въ первой половинѣ Симплиціевой выписки рѣшительное подтвержденіе своего мнѣнія. Но этотъ взглядъ стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчій съ послѣднею половиною ея, въ которой сведеніе Анаксагорова вещества къ *μία φύσις* ставится условіемъ сближенія его съ началомъ Анаксимандра. Съ другой стороны, историки, ставившіе на видъ это противорѣчіе, признавая простоту этого начала, не могли не чувствовать затрудненія при объясненіи первой половины отрывка. Отсюда возникло и твердо поддерживается и доселѣ мнѣніе, что подъ *ἐκεῖνος*, которому въ этой половинѣ приписывается ученіе о раздѣленіи безконечнаго и о предсуществованіи въ

немъ всего остального бытія, разумѣется не Анаксимандръ, а Анаксагоръ, хотя такое толкованіе ἐχεινός противорѣчитъ и обычному употребленію этого слова, и грамматическому правилу, опредѣляющему исключенія изъ этого обычнаго словоупотребленія, такъ какъ имя Анаксагора въ текстѣ стоитъ ближе имени Анаксимандра къ ἐχεινός и такъ какъ оно ближе и къ мысли Теофраста какъ главный предметъ его рѣчи, въ которую Анаксимандръ вводится лишь для сравненія съ нимъ¹⁾. Важнѣйшій мотивъ, который долженъ оправдывать это удивительное, такъ сказать, исключеніе изъ исключенія состоитъ въ противорѣчій понятія смѣшенія, которое будто бы въ этихъ словахъ приписывается ἐχεινός съ понятіемъ *μία φύσις*, упот-

¹⁾ Нейгәузеръ, An. M. 48—49, не отрицаетъ, что исключенія изъ обычнаго употребленія ἐχεινός встрѣчаются въ древней литературѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ближайшее къ нему по мѣсту понятіе есть въ то же время болѣе отдаленное въ отношеніи къ мысли лица, употребляющаго въ своей рѣчи слово ἐχεινός; но онъ думаетъ, что представленіе объ Анаксимандрѣ, авившееся въ мысли Теофраста для сравненія съ Анаксагоромъ, должно чрезъ это сдѣлаться болѣе близкимъ къ ней, чѣмъ представленіе объ Анаксагорѣ. Нейгәузеръ не представляетъ примѣровъ, подтверждающихъ его мысль; однако дѣйствительное употребленіе слова ἐχεινός при сравненіяхъ одного предмета съ другимъ никакъ не оправдываетъ его взгляда, сл. Arist. Metaph. I. 4. 985. a. 14—15; De Meliss. Xen. et Gorg. II. 975. b. нач.; Plut. Quaest. conv. VIII. 8. 4. p. 981. 9—10; и вообще едва ли можно сомнѣваться, что главный предметъ рѣчи долженъ быть ближе къ мысли говорящаго, чѣмъ предметъ, упоминаемый для сравненія съ нимъ. Целлеръ Phil. d. Gr. I. 193 № 3, отрицаетъ всеобщность самаго правила для исключеній изъ обычнаго употребленія слова ἐχεινός; въ подтвержденіе своей мысли онъ ссылается на Arist. Metaph. XII. 7. 1072. b. 23; ibid. X. 2. нач. Plat. Phaedr. 233. E. Но все эти примѣры не на столько ясны и рѣшительны, чтобы на основаніи ихъ можно было отрицать правильность обобщенія, оправдываемаго многочисленными примѣрами. Въ Plat. Phaedr. 233. E. *προσαίτουτες*, на которое указываетъ ἐχεινός, стоитъ, правда, ближе къ ἐχεινός, чѣмъ φίλος, и составляетъ ближайшій предметъ рѣчи; но оба эти понятія вводятся лишь за тѣмъ, чтобы приравнять къ нимъ—именно къ *προσαίτουτες* испытывающихъ страстное влеченіе, къ φίλος не испытывающихъ такого влеченія, а къ послѣднимъ относить себя лицо говорящее, и это составляетъ причину, по которой *προσαίτουτες* оказываются далѣе отъ него, такъ что примѣненіе къ нимъ ἐχεινός не нарушаетъ правила. Это случай въ существѣ дѣла аналогичный съ Plat. Phaedr. 233. A. и съ Sext. Rugg. I. 213, а на оба послѣднія мѣста, извѣстныхъ Целлеру, онъ не считаетъ возможнымъ сослаться для подтвержденія своей мысли. Что касается Metaph. XII. 7. 1072. b. 23, то это мѣсто относится къ такимъ неяснымъ мѣстамъ, на которыя едва ли можно сослаться при установленіи грамматическихъ правилъ и исключеній изъ нихъ; во всякомъ случаѣ мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, что ἐχεινός здѣсь указываетъ не на какое-либо изъ понятій предшествующаго

требленнымъ Теофрастомъ во второй половинѣ цитаты¹⁾. Однако на самомъ дѣлѣ ни о какомъ смѣшеніи, а тѣмъ болѣе о смѣшеніи въ

этому слову предложенія, а на общій предметъ изслѣдованія этой главы, на неподвижнаго двигателя, который обозначается этимъ же словомъ нѣсколько строкъ выше (*ὅτι γὰρ αἱ ἐχεινός ἐστίν*); какъ тамъ ему приписывается вѣчная, такъ здѣсь ему же приписывается совершеннѣйшая энергія мысли сравнительно съ человѣческой мыслью; непосредственно же предшествующее слову ἐχεινός предложеніе, устанавливающее различіе между *τὸ δεκτικὸν τοῦ νοῦτοῦ* и *ἐνεργεί*, кажется мнѣ однимъ изъ вводныхъ разъясненій послышки, изъ которой выводится совершенство энергіи ἐχεινός. Въ Metaph. X. 11 послѣ установленія дилеммы между взглядами на единое Пифагорейцевъ и Платона съ одной стороны и физиковъ—съ другой и послѣ краткаго указанія на частныя разногласія послѣднихъ между собою, Аристотель имѣетъ непосредственно дѣло со взглядами первыхъ и въ связи съ опроверженіемъ ихъ развиваетъ свое собственное мнѣніе; это показываетъ, что вниманіе Аристотеля во всемъ этомъ разсужденіи обращено на опроверженіе Пифагорейско-Платонова взгляда, который и составляетъ главный предметъ его мысли, а физики введены при установкѣ вопроса лишь какъ историческіе представители неизбежнаго втораго члена дилеммы, которые теперь не останавливаются на себѣ его вниманія со стороны специальныхъ особенностей въ развитіи принадлежащаго имъ взгляда, а поэтому, конечно, они для него ἐχεινός. Дѣльсъ въ своемъ изданіи Simpl. in Phys. въ примѣчаніи къ Симплиціевой выпискѣ изъ Теофраста указываетъ на одинъ случай у Симплиція (ibid. 131. 16), гдѣ ἐχεινός отнесено къ ближайшему понятію. Но самое значеніе этого примѣра, слишкомъ позднато, если дѣло идетъ о времени Теофраста, обуславливается принятіемъ Дильсова предположенія, что слово *τὸν Ἀναξαγόραν*, стоящее непосредственно передъ ἐχεινός, есть вставка самого Симплиція въ слова Теофраста. Впрочемъ и сходство между примѣромъ, приводимымъ Дильсомъ, и случаемъ, о которомъ идетъ рѣчь, возбуждаетъ большое сомнѣніе: Александръ, къ которому отнесено ἐχεινός въ этомъ примѣрѣ, правда, ближайшее по мѣсту къ ἐχεινός понятіе, но не главный предметъ рѣчи въ этомъ мѣстѣ Симплиція, а находится въ придаточномъ предложеніи, которое къ тому же не стоитъ въ прямой логической связи съ предложеніемъ, содержащимъ ἐχεινός. У Симплиція встрѣчаются мѣста, гдѣ при изложеніи мнѣнія того или другаго философа въ интересахъ разъясненія его указывается на мнѣнія другихъ философовъ, подобно какъ въ отрывкѣ Теофраста; когда тотчасъ за предложеніемъ, высказывающимъ такое сопоставленіе, является необходимость указать на философа, привлеченнаго лишь для сопоставленія съ другимъ, у него встрѣчается ἐχεινός даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ этотъ философъ поименованъ былъ послѣ того лица, для сличенія съ которымъ упоминался, слѣдовательно, ближе по мѣсту къ ἐχεινός, Simpl. in Phys. 28. 7; 34. 5; но когда за предложеніемъ, содержащимъ сопоставленіе, должно слѣдовать указаніе на главный предметъ рѣчи, является *ὅτος* даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этотъ предметъ болѣе удаленъ отъ *ὅτος*, чѣмъ привлеченный для сравненія съ нимъ, ibid. 25. 4 и 21, а равно оба предш. цит., гдѣ *ὅτος* слѣдуетъ за ἐχεινός.

¹⁾ Это доводъ общій, который или прямо высказывается, или подразумевается всеми, относящими первую часть Теофрастова отрывка къ Анаксагору.

Анаксагоровомъ смыслѣ Теофрастъ здѣсь не говорить; онъ говорить о безконечномъ, въ которомъ предсуществуетъ (*ἐνοπαρχόντων πρότερον*) разнородное, возникающее при его раздѣленіи, точно также какъ Аристотель, характеризуя взглядъ Анаксимандра, говоритъ объ единомъ, изъ котораго возникаютъ существующія въ немъ противоположности. Важнѣйшее различіе между тѣмъ и другимъ извѣстіемъ сводится къ тому, что названное у Аристотеля противоположностями у Теофраста обозначается какъ земля, золото и остальное. Но, съ одной стороны, несомнѣнно, что Аристотель во всемъ своемъ разсужденіи о числѣ началъ, къ которому относится и это извѣстіе, и даже въ самомъ этомъ извѣстіи употребляетъ понятіе противоположности въ такомъ широкомъ смыслѣ, что тѣмъ же словомъ называются не только стихіи Эмпедокла, но и гомойомеріи Анаксагора, то-есть, все качественно отличное другъ отъ друга. Съ другой стороны, при разъясненіи Анаксимандрова ученія о выдѣленіи мы уже видѣли, что Анаксимандръ понятіе выдѣленія примѣнялъ не къ теплomu только и холодному, а пользовался имъ вообще въ космологическомъ процессѣ, такъ что теплое и холодное также должны были, по его

Но приводились различными лицами и особия основанія для доказательства той мысли, что взгляды, приписываемые *ἔχειν* не могутъ принадлежать Анаксимандру. Лютце, *Ueb. Arist. An. 70. № 5*, ссылался между прочимъ на то, что Симплицій въ словахъ, предшествующихъ выпискѣ изъ Теофраста, говоритъ (конечно, по Теофрасту же), что Анаксагоръ первый высказалъ тотъ взглядъ, который долженъ быть отнесенъ къ Анаксимандру, если отождествлять послѣдняго съ *ἔχειν*. Но Симплицій ясно опредѣляетъ, чѣмъ Анаксагоръ отличался отъ предшественниковъ; *Simpl. in Phys. 27. 2—5: Ἀναξαγόρας... πρῶτος μετέστησε τὰς περὶ τῶν ἀρχῶν δόξας καὶ τὴν ἑλλείπουσαν αἰτίαν ἀνεπλήρωσε* (то-есть, *τὸν νοῦν*), *τὰς μὲν σωματικὰς ἀπείρους ποιήσας*, а *ἔχειν* не приписывается ни ученія о *νοῦς*, ни ученія о безчисленности вещественныхъ началъ. Лютце *ibid.*, и Нейгаузеръ, *An. M. 48—49*, вообще указываютъ на слишкомъ полное совпаденіе взгляда разъясненнаго въ первой части отрывка съ тѣмъ, чтó извѣстно объ ученіи Анаксагора; но въ то же время они вынуждены особо объяснить возможность отнести къ веществу Анаксагора употребленный тамъ терминъ *τὸ ἀπείρον*, а не *τὰς ἀπείρους ἀρχάς*, сознавая, что первое названіе точнѣ подходило бы къ безконечному Анаксимандра; сходство между обоими взглядами, конечно, было, объ этомъ можно заключать не изъ Теофраста только, но и изъ Аристотеля, и если оно простиралось и на нѣкоторыя частности, то это совершенно естественно, такъ какъ взгляды позднѣйшихъ философовъ всегда развивались на почвѣ, подготовленной ихъ предшественниками. Целлеръ, *Phil. d. Gr. 1. 197. № 3*, находитъ отрывокъ безсвязнымъ, если подъ *ἔχειν* понимать Анаксимандра, но это лишь потому, что онъ на предложеніе *καὶ οὕτω μὲν κτλ.* смотритъ не какъ на ограниченіе предшествующаго, а какъ на выводъ изъ него.

взгляду, содержать въ себѣ много разнороднаго, слитаго въ нихъ въ единству, подобно тому какъ они сами сливались въ единствѣ природы безконечнаго. Отсюда указанное различіе въ извѣстіяхъ Аристотеля и Теофраста терять значеніе, и разумѣть подъ *ἔχειν* Анаксагора не оказывается никакого повода. На оборотъ, относить *ἔχειν* къ Анаксагору, помимо грамматической несообразности, запрещаютъ и другія соображенія. Относя *ἔχειν* къ Анаксагору, мы должны на фразу *καὶ οὕτω μὲν... μίαν τὸν νοῦν*, въ которой устанавливается возраженіе противъ отождествленія началъ Анаксагора и Анаксимандра, смотрѣть какъ на выводъ изъ первой половины отрывка, а слѣдовательно, должны думать, что эта половина имѣетъ свою цѣлю разъяснить или мотивировать это возраженіе, какъ это и дѣлается авторами, относящими *ἔχειν* къ Анаксагору. Но это мотивированіе представляется совершенно излишнимъ, такъ какъ непосредственно передъ тѣмъ Симплицій и, какъ обыкновенно полагаютъ по Теофрасту же, дѣлалъ изложеніе Анаксагорового ученія, которое разъясняетъ эти затрудненія гораздо яснѣе и точнѣе, чѣмъ разъясняетъ ихъ то, чтó приписано *ἔχειν*; тамъ не только опредѣленіе и рѣшительнѣе говорилось о нерожденности и неразрушимости составныхъ элементовъ всякаго бытія по ученію Анаксагора и о призрачности рожденія и гибели, но прямо приписывалось ему ученіе о *τὰς σωματικὰς ἀρχὰς ἀπείρους* ¹⁾ (какъ это дѣлается въ извѣстіяхъ объ Анаксагорѣ у всѣхъ доксогографовъ), тогда какъ *ἔχειν* приписывается лишь ученіе о *τὸ ἀπείρον* — терминъ очень неточный для обозначенія Анаксагорового вещества. Послѣднее обстоятельство имѣетъ особое самостоятельное значеніе. Выше мы видѣли, что есть случаи (при критикѣ теоріи безконечнаго), гдѣ Аристотель считаетъ возможнымъ въ извѣстномъ относителномъ смыслѣ назвать вещество Анаксагора *ἀπείρον*, и нѣтъ ничего невозможнаго, что подобнымъ же терминомъ въ томъ же, конечно, смыслѣ могъ бы въ какомъ-либо исключительномъ случаѣ воспользоваться и Теофрастъ. Но предположить, что Теофрастъ употребилъ этотъ терминъ въ этомъ именно мѣстѣ, всего неудобнѣе. Удобно ли предположить, чтобы, мотивируя, то-есть, имѣя цѣлю особенно поставить на видъ различіе ученія Анаксагорового о веществѣ отъ Анаксимандрова, онъ назвалъ первое *τὸ ἀπείρον*, то-есть, терминомъ,

¹⁾ 27. 4—7: *τὰς μὲν σωματικὰς (ἀρχὰς) ἀπείρους ποιήσας· πάντα γὰρ τὰ ὁμοιομερῆ... ἀγένητα μὲν εἶναι καὶ ἀφάρτα, φαίνεσθαι δὲ γινόμενα καὶ ἀπαλλόμενα συγκρίσει καὶ διακρίσει μόνον.*

который прямо скрадывает это различие? Вѣдь это различіе въ томъ и состоитъ, что одинъ признаетъ τὸ ἄπειρον, а другой τὰς ἀπείρους ἀρχάς, и такъ именно его формулируетъ Теофрастъ: δόξειεν ἂν ποιεῖν τὰς μὲν ὀλίγας ἀρχὰς ἀπείρους. Разъясняя тотчасъ затѣмъ, что при пониманіи смѣшенія у Анаксагора, какъ μίαν φύσιν, этого различія не оказывается, Теофрастъ эту мысль формулируетъ такъ: Анаксагоръ принималъ два начала, природу безконечнаго и умъ, и отсюда именно онъ выводитъ сходство вещества Анаксимандрова и Анаксагорова. Но еслибы возраженіемъ уже предполагалось, что Анаксагоръ училъ о τὸ ἄπειρον, то, конечно, рѣшеніе его нельзя было бы сводить къ тому, что онъ училъ о τὴν φύσιν ἀπείρου. Если, сведя Анаксагорово смѣшеніе къ одной природѣ, Теофрастъ не выводитъ отсюда, что Анаксагоръ признавалъ единую природу въ безконечномъ, а довольствуется выводомъ, что онъ признавалъ природу безконечнаго, то значить, природа безконечнаго или безконечное обозначаетъ для него строго единый предметъ, и, слѣдовательно, желая поставить на видъ безчисленность началъ у Анаксагора, онъ не могъ назвать ихъ τὸ ἄπειρον.

Болѣе, по видимому, можно найти среди данныхъ, относящихся къ Теофрастовой серіи, такихъ, которыя можно было бы противопоставить разъясненному выше точнѣйшему опредѣленію природы Анаксимандрова безконечнаго какъ начала средняго по плотности между опредѣленными стихіями. Въ Симплиціевой выпискѣ изъ Теофраста, когда въ интересахъ сближенія Анаксагора съ Анаксимандромъ, Анаксагорово мнѣніе сводится къ понятію одной природы, эта природа называется неопредѣленною по виду и величинѣ. Съ понятіемъ „неопредѣленнаго“ мы также встрѣчаемся, по видимому, и въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ объ Анаксимандровомъ безконечномъ ¹⁾, въ основаніи которыхъ, конечно, лежитъ высказанное Теофрастомъ же сужденіе о немъ, до насъ не дошедшее. Эти именно данныя со времени сочиненія Шлейермахера и играли не маловажную роль при обоснованіи наиболѣе распространеннаго взгляда на безконечное Анаксимандра какъ на совершенно неопредѣленную природу; у писателей послѣ Шлейермахера они получили даже болѣе значенія, чѣмъ у самого Шлейермахера ²⁾. Представите-

лами этого взгляда эта неопредѣленность толкуется въ такомъ безусловномъ смыслѣ, что ею вполне исключается всякое чувственно постигаемое свойство, такъ что безконечное Анаксимандра является чѣмъ-то вполне сходнымъ съ ὄλη Аристотеля, лишь съ тѣмъ неизбѣжнымъ отличіемъ отъ послѣдней, что ему приписывалась способность къ обособленному существованію. Такой взглядъ искалъ себѣ основаній даже не въ извѣстіяхъ только Теофрастовой серіи, но и у Аристотеля. Однако мы уже видѣли, что Аристотель исключительно Анаксагору приписываетъ приближеніе къ позднѣйшему понятію о безусловно неопредѣленномъ веществѣ и у самого Анаксагора видитъ лишь стремленіе къ этому понятію. Притомъ же, когда онъ въ своемъ возраженіи противъ того доказательства безконечнаго начала, которое принадлежитъ Анаксимандру, называетъ принимаемое на основаніи этого доказательства безконечное начало тѣломъ, постигаемымъ чувствами (σῶμα αἰσθητόν) (Phys. III. 8. 208. a. 9), то этимъ онъ достаточно ясно показываетъ, что онъ никакъ не предполагаетъ въ этомъ безконечномъ тѣлѣ совершеннаго отсутствія чувственно воспринимаемыхъ свойствъ. Наконецъ и все, что выше сказано было въ доказательство той мысли, что по взгляду Аристотеля это безконечное есть вещество среднее по плотности между огнемъ и воздухомъ, ведетъ, конечно, къ тому же заключенію. Ясно, такимъ образомъ, что мнѣніе о безусловной неопредѣленности Анаксимандрова безконечнаго у Аристотеля найти себѣ опоры не можетъ. Но если это такъ, то это во всякомъ случаѣ обязываетъ насъ самымъ внимательнымъ образомъ рассмотреть и идущія отъ Теофраста извѣстія прежде чѣмъ рѣшиться утверждать, что Теофрастъ дѣйствительно говорилъ о такой безусловной неопредѣленности. Эту же осторожность несомнѣнно внушаютъ и соображенія болѣе общаго характера. Анаксимандръ не разрываетъ связи между физикой и метафизикой, какъ дѣлаетъ это, напримѣръ, Парменидъ; его безконечное не стоитъ внѣ всякаго отношенія къ конечному какъ τὸ νοητόν Парменида съ τὸ αἰσθητόν; для него его безконечное даже не истинная только природа вещей, какъ для Пифагорейцевъ ихъ число; оно для него начало въ самомъ физическомъ смыслѣ этого слова, то-есть, тѣло, изъ котораго все выдѣляется и въ которое все разрушается. Какимъ образомъ можно было бы мыслить себѣ тѣло, связанное такими тѣсными физическими связями съ остальными тѣлами, безусловно чуждымъ всякой физической опредѣленности,—это во всякомъ случаѣ представляется неяснымъ. Чтобы представить себѣ это затрудненіе яснѣе, обратимъ къ тому

¹⁾ Цитаты будутъ приведены далѣе.

²⁾ *Schleierm. Ueb. Anax.* 175. 190—191. *Brand. Handb. d. Gesch. d. gr.-röm. Phil.* 126—127. 128. c. *Zell. Phil. d. Griech.* 1. 201—102. *Notorp. Ueb. d. Princ. und d. Kosm. Anax.* 373—374.

свойству тѣла, которое Аристотель предполагаетъ въ среднихъ между стихіями началахъ, къ плотности. Съ представленіемъ плотности тѣла соединена всякая наша мысль о способности тѣла при соприкосновеніи испытывать и оказывать противодѣйствіе, слѣдовательно, всякая мысль о непосредственномъ физическомъ взаимодействіи между тѣлами. Какъ же могъ бы представить себѣ Анаксимандръ безъ этого свойства свое безконечное, которое, облекая со всѣхъ сторонъ міръ, стоитъ въ непосредственномъ физическомъ взаимодействіи съ нимъ уже потому, что направляетъ его движенія, и еще болѣе потому, что все изъ него возникаетъ и въ него возвращается? Съ представленіемъ плотности тѣла неразрывно соединена мысль о наполненіи его реальностью, о фактически данномъ въ немъ содержаніи. Какъ же можно было представить безъ плотности тѣло, изъ котораго извлекаются, по выраженію Аристотеля, остальные тѣла, въ которомъ, слѣдовательно, мыслится реальное содержаніе, расходующееся на мировую жизнь? Несомнѣнно, что Анаксимандрово безконечное должно было содержать въ себѣ разнообразныя качества. Представляя себѣ слитыми въ одну природу теплое и холодное, влажное и сухое, стремящееся вверхъ (то-есть, легкое, какъ понимаютъ его Аристотель и большинство древнихъ) и стремящееся внизъ (тяжелое), мы, конечно, можемъ легко вообразить, что нейтрализація этихъ качествъ дастъ не относительное тепло или холодъ и пр. под., какъ думалъ Аристотель, но ихъ стέρησις, чистое ихъ лишеніе. Но если мы мысленно соединимъ въ одну природу тонкое и плотное, то достанетъ ли у насъ воображенія представить себѣ нейтрализацію этихъ свойствъ какъ чистый нуль опредѣленности тѣла съ той стороны, какой касаются эти свойства, и не явится ли у насъ неизбежно положительное представленіе о средней плотности? Какую же опору въ опытѣ, да и какой поводъ могъ бы найти мыслитель, говорившій о выдѣленіи всего изъ начала, представлять себѣ это начало лишеннымъ всякой плотности? Еще менѣе, конечно, удобно отрицать въ немъ всѣ сполна качества: иллюзія предсуществованія разнообразнаго содержанія въ первоначальномъ бытіи едва ли можетъ возникнуть и держаться при представленіи этого бытія лишеннымъ всякой качества. Если само безконечное признается лишеннымъ всякаго содержанія, въ которомъ мысль смутно могла бы полагать какимъ-то образомъ даннымъ другое содержаніе, то идея предсуществованія въ такомъ случаѣ должна или ясно перейти въ понятіе бытія только потенциальнаго, чистой возмож-

ности, или вовсе исчезнуть¹⁾. Но обратимся къ самымъ извѣстіямъ о природѣ Анаксимандрова безконечнаго, которыя, какъ нужно полагать, стоятъ въ зависимости отъ Теофрастова сочиненія о мнѣніяхъ физиковъ.

Порфирій, Диогенъ, Plut. Plac. съ Стобѣемъ почти тѣми же словами выражаютъ одну и ту же мысль, что Анаксимандръ опредѣленно не высказался относительно природы безконечнаго, что онъ опредѣленно не говорилъ, есть ли оно вода, воздухъ, огонь или что-нибудь другое²⁾. Въ этихъ свидѣтельствахъ искали подтвержденія мысли о совершенной неопредѣленности въ смыслѣ совершенной безкачественности Анаксимандрова безконечнаго. Но Нейгәузеръ³⁾ совершенно справедливо поставилъ на видъ, что опредѣленно не высказаться о природѣ безконечнаго еще никакъ не значить отрицать въ немъ всякую качественность. По существу ту же самую мысль нужно предполагать у тѣхъ свидѣтелей, которые ограничиваются названіемъ безконечнаго Анаксимандра τὸ ἄπειρον⁴⁾. Такъ какъ при наименованіи началъ другихъ философовъ-монистовъ, они называютъ эти начала воздухомъ, водою и т. д., то самое естественное объяс-

¹⁾ Безусловно неопредѣленное безконечное дѣйствительно слилось бы до неразличимости съ безконечнымъ бытіемъ Мелисса, какъ думаетъ Михелисъ, De Anax. Infin. Ind. lect. Bransber. 1874, p. 11. Но затрудненіе, не разъясненное Михелисомъ и потому не затронутое Целлеромъ въ его отвѣтѣ, Phil. d. Gr. 1, 196, № 1, состоитъ здѣсь не въ томъ, что вообще мыслители разныхъ школъ пришли къ одному и тому же понятію, а въ томъ, что іоніецъ, ставившій все бытіе въ генетическую зависимость и въ физическую связь съ безконечнымъ, пришелъ ко взгляду на него, который могъ бы принадлежать только элеату, порвавшему всякую связь между истинно сущимъ и явленіемъ.

²⁾ Simpl. in Phys. 149; 13—17: ὁ μέντοι Πορφύριος... σώμα μὲν τὸ ὑποκείμενον ἀδιορίστως Ἀναξίμανδρον λέγειν φησὶν ἄπειρον οὐ διορίσαντα τὸ εἶδος εἴτε πῦρ εἴτε ὕδωρ, εἴτε ἀήρ. Diog. L. 33. 2—4: Ἀναξίμανδρος... ἔφασκεν ἀρχὴν καὶ στοιχεῖον τὸ ἄπειρον, οὐ διορίζων ἀέρα ἢ ὕδωρ ἢ ἄλλο τι. Diels. Dox. 277. 7—278, 2. Plut. Plac. и Stob.): Ἀναξίμανδρος... φησὶ τῶν ὄντων τὴν ἀρχὴν εἶναι τὸ ἄπειρον... ἀμαρτάνει δὲ οὗτος μὴ λέγων τί ἐστὶ τὸ ἄπειρον (только Plut. Plac.) πότερον ἀήρ ἐστὶν ἢ ὕδωρ ἢ γῆ ἢ ἄλλα τινὰ σώματα.

³⁾ An. M. 232—234. Ноторпъ, Ueb. d. Princ. etc. 384—385, призналъ справедливость этой мысли Нейгәузера; Целлеръ въ своей рецензії на сочиненіе послѣдняго о ней совсѣмъ не высказывается.

⁴⁾ Такія свидѣтельства часто встрѣчаются у отцевъ церкви и у другихъ писателей. Важнѣйшее изъ нихъ по близости къ общему ихъ первоисточнику есть свидѣтельство Plut. Strom. Diels. Dox. 579. 7—9: Ἀναξίμανδρον... τὸ ἄπειρον φάνα τῆν πᾶσαν αἰτίαν ἔχειν τοῦ παντός γενέσεως καὶ φθοράς.

нение употребленія у них термина, не дающаго понятія о природѣ Анаксимандрова безконечнаго, будетъ, конечно, состоять въ томъ, что Анаксимандръ ограничивался самъ этимъ терминомъ при упоминаніяхъ о началѣ, и поэтому онъ сдѣлался техническимъ у писателей болѣе древнихъ, говорившихъ о немъ. Симплицій въ томъ мѣстѣ его комментарія на Аристотелеву Физику, гдѣ видны слѣды Теофрастовыхъ данныхъ, утверждаетъ, что Анаксимандръ говорилъ, что начало не есть ни вода, ни какая-нибудь другая изъ такъ-называемыхъ стихій, но нѣкоторая природа безконечная ¹⁾. Нѣкоторую природой безконечнаго называлъ Анаксимандръ начало, и по словамъ Гипполита ²⁾. Совершенной безкачественности этого начала, конечно, нельзя вывести и изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ: нѣкоторая природа безконечнаго или безконечная не одно и то же, что природа совершенно безкачественная; скорѣе это указываетъ на природу, о которой философъ опредѣленно не высказался, опредѣленнаго понятія о которой не дано. Можно подмѣтить нѣкоторое противорѣчіе между свидѣтельствомъ Симплиція и извѣстіями Plut. Plac., Порфирія и Диогена. Послѣдніе говорятъ, что Анаксимандръ опредѣленно не высказался даже о томъ, есть ли безконечное вода и пр., тогда какъ, по словамъ Симплиція, Анаксимандръ говорилъ, что оно не есть вода и пр. Но если мы примемъ во вниманіе, съ одной стороны, что безконечное Анаксимандра на самомъ дѣлѣ въ всякаго сомнѣнія не было ни одною изъ опредѣленныхъ стихій, съ другой стороны, что это обыкновенная неточность извѣстій о мнѣніяхъ философовъ передавать мысль философа съ добавленіемъ фразы „говорить“ и под., когда дѣло идетъ не о передачѣ подлинныхъ выраженій, а лишь такого взгляда, который ему несомнѣнно можно приписать ³⁾, то всѣ приведенныя свидѣтельства можно признать согласными между собою ⁴⁾. И еслибы мы сочли возможнымъ на основаніи ихъ составить предположеніе о

¹⁾ Simpl. in Phys. 24, 16—17: λέγει δ' (Ἀναξίμανδρος) αὐτὴν (ἀρχήν) μήτε ὕδωρ μήτε ἄλλο τι τῶν καλούμενων εἶναι στοιχείων, ἀλλ' ἑτέραν τινὰ φύσιν ἀπείρου.

²⁾ Doxogr. Diels. 559, 16: οὗτος (Ἀναξ.) ἀρχὴν ἔφη τῶν ὄντων φύσιν τινὰ τοῦ ἀπείρου.

³⁾ Подобнаго рода неточности встрѣчаются не рѣдко уже у Аристотеля.

⁴⁾ Различіе представляютъ, кромѣ вышеупомянутаго свидѣтельства книжки de Mel. Xen. et Gorg., извѣстія Иринея (Dox. Diels. 171), Августина (ibid., 173) и Сидон. Аполл. (Ritter. Gesch. d. Phil. 1, 276. № 3); но особенность свидѣтельства Иринея къ данному вопросу не относится, а извѣстія Августина и Сид. Аполл. имѣютъ вообще мало значенія.

томъ, что говорилось въ первоначальномъ источникѣ (отъ котораго всѣ они, вѣроятно, зависятъ) о природѣ Анаксимандрова безконечнаго, когда прямо шла рѣчь о немъ, то мы должны бы придти къ заключенію, что тамъ утверждалось, что Анаксимандръ называлъ начало безконечнымъ, что о природѣ этого начала онъ опредѣленно не высказался, но что тѣмъ не менѣе было совершенно ясно (конечно, изъ описываемаго у него космогоническаго процесса), что его безконечное не есть ни вода, ни огонь и вообще ни одна изъ такъ называемыхъ стихій, а какая-то особая природа. На основаніи этихъ свидѣтельствъ не только нельзя предполагать въ ихъ первоисточникѣ рѣшительнаго сужденія о совершенной неопредѣленности Анаксимандрова безконечнаго, но нельзя утверждать даже, чтобы терминъ ἀόριστος въ какомъ-либо болѣе широкомъ значеніи прилагался къ самой природѣ этого безконечнаго, а не къ характеристикѣ этой природы у Анаксимандра.

Съ этимъ терминомъ мы дѣйствительно встрѣчаемся лишь въ двухъ случаяхъ: въ Симплиціевой выпискѣ изъ Теофраста, гдѣ вещество Анаксагора сводится къ единой неопредѣленной по виду и величинѣ природѣ въ интересахъ сближенія его съ Анаксимандровымъ безконечнымъ, и въ словахъ самого Симплиція, когда онъ, переходя отъ изложенія ученія о началѣ Анаксимандра къ Анаксимену, говоритъ о послѣднемъ: „подлежащую природу (субстратъ) и онъ признаетъ единою и безконечною подобно Анаксимандру, но не неопредѣленною какъ тотъ, а опредѣленною, такъ какъ говоритъ, что она есть воздухъ“ ¹⁾. Оба эти свидѣтельства отличаются тѣмъ, что въ нихъ дано сопоставленіе Анаксимандрова начала съ началомъ другаго философа, въ одномъ случаѣ Анаксагора, въ другомъ—Анаксимена. Этотъ фактъ внушаетъ особую осторожность при ихъ толкованіи. Это очень обыкновенный случай, что, при сопоставленіи мнѣній съ цѣлью поставить на видъ ихъ сходство или различіе, особенно рельефно обрисовываются черты, которыя наиболѣе пригодны для этой цѣли и ступшеваются черты, которыя ей не отвѣчаютъ. Мы видѣли, какъ у Аристотеля одно и то же вещество Анаксагора въ интересахъ разнообразныхъ сближеній называется то смѣшеніемъ въ смыслѣ равночастнаго бытія на ряду съ веществомъ Эмпедокла, то единымъ въ различіе отъ того же смѣ-

¹⁾ Simpl. in Phys. 24. 26—28: Ἀναξίμενης δὲ... μίαν μὲν καὶ αὐτὸς τὴν ὁμοειμένην φύσιν καὶ ἀπείρον φησιν, ὡσπερ ἐκεῖνος (Ἀναξίμανδρος), οὐκ ἀόριστον δὲ ὡσπερ ἐκεῖνος, ἀλλὰ ὀρισμένην, ἀέρα λέγων αὐτὴν.

шенія, приписываемаго Эмпедоклу и Анаксимандру, то многимъ безконечнымъ по числу на ряду съ атомами Демокрита. Напрасно было бы думать, что такая особенность сопоставленій встрѣчается лишь у Аристотеля и ей не было у Теофраста. Несомнѣнно, что и Теофрастъ не избѣгалъ такого рода условныхъ характеристикъ: единственный очень значительный по объему отрывокъ, какой мы имѣемъ изъ его сочиненія, *Fragmentum de sensibus*, представляетъ примѣры такого рода, не обращающіе на себя вниманія лишь потому, что, къ счастью, онъ сохранился въ цѣломъ видѣ и поэтому вмѣстѣ съ сопоставленіями мнѣній мы имѣемъ тотчасъ слѣдующія за ними подробныя разъясненія каждаго изъ нихъ порознь. Въ самомъ началѣ отрывка Теофрастъ различаетъ два взгляда на воспріятіе, и одинъ изъ нихъ, по которому сходное воспринимается сходнымъ, приписываетъ Пармениду, Эмпедоклу и Платону; тотчасъ за этимъ онъ приписываетъ всѣмъ имъ въ совокупности такія основанія убѣжденія въ этомъ взглядѣ ¹⁾, которыя ни въ какомъ случаѣ Парменидомъ, по крайней мѣрѣ всѣ, быть высказаны не могли, и слѣдующее за тѣмъ изложеніе у самого Теофраста Парменидова ученія достаточно показываетъ, что взглядъ Парменида на чувственное воспріятіе не былъ ни подробно развитъ, ни даже точно формулированъ. Въ одномъ изъ дальнѣйшихъ мѣстъ того же отрывка Теофрастъ дѣлаетъ противоположеніе взглядовъ Платона и Демокрита на чувственное воспріятіе и по этому поводу говоритъ о Демокритѣ, что онъ все (чувственно воспринимаемое) дѣлаетъ состояніями воспріятія ²⁾; но изъ его же подробнаго изложенія Демокритова ученія и изъ его критики этого ученія оказывается, что, по его собственному мнѣнію, не все чувственно воспринимаемое имѣетъ у Демокрита значеніе простыхъ состояній воспріятія ³⁾.

Въ важнѣйшемъ свидѣтельствѣ, въ которомъ встрѣчается терминъ *ἀόριστος*, въ Симплиціевой выпискѣ изъ Теофраста, говорится о природѣ неопредѣленной какъ по виду, такъ и по величинѣ. Сущность дѣла здѣсь, конечно, не въ неопредѣленности по величинѣ, — неопредѣленнымъ по величинѣ могло быть названо безконечное вслѣдствіе самой безпредѣльности своей по протяженію, — а въ неопредѣленности по виду, которая, нужно полагать, разумѣется и во второмъ

¹⁾ *Dox. Diels.* 499. 2—7.

²⁾ *Ibid.* 516. 15.

³⁾ *Ibid.* 517. 7—10; 519. 8—11.

менѣе важномъ свидѣтельствѣ самого Симплиція. Что же должна означать эта неопредѣленность по виду? Плотность, которая несомнѣнно должна была принадлежать среднему между стихіями веществу, о которомъ говоритъ Аристотель, столь же несомнѣнно, конечно, должна была, по мнѣнію принимавшихъ такое вещество, быть свойствомъ и всѣхъ остальныхъ тѣлъ; различіе по плотности, которое должно было существовать между нимъ и этими тѣлами, хотя бы оно рассматривалось какъ чисто качественное различіе, а не какъ различіе распредѣленія одного и того же вещества въ пространствѣ, не представлялось все же переходомъ изъ одной качественности въ иную, совершенно новую; въ постепенности различій по плотности, если брать плотность безъ отношенія къ другимъ свойствамъ, которыя могли быть поставлены въ связь съ нею, нельзя указать такого пункта, отъ котораго въ двѣ противоположныя стороны начинали бы возвышаться такъ рѣзко отличныя другъ отъ друга для нашего ощущенія качественности, какъ теплое и холодное, сухое и влажное; поэтому не различія по плотности выдвигала перипатетическая школа какъ существенныя видоразличія тѣлъ. Для перипатетика характерными свойствами стихій, опредѣляющими ихъ виды, были у каждой стихіи два свойства, во первыхъ, теплота или холодъ, вовторыхъ, сухость или влажность, и притомъ эти четыре свойства распредѣлялись по стихіямъ такъ, что каждая стихія въ сличеніи съ каждою другою имѣла непремѣнно хотя одно свойство, отсутствующее у послѣдней ¹⁾; элементарное тѣло, имѣвшее одни и тѣ же свойства съ другимъ, хотя бы эти свойства даны были и въ другой степени, должно было считаться тѣломъ одного съ нимъ вида. Отсюда тѣло, въ которомъ совсѣмъ не предполагалось бы этихъ противоположныхъ свойствъ, опредѣляющихъ видоразличіе стихій, должно было оказаться въ глазахъ перипатетика неспособнымъ имѣть видовой разности, неопредѣленнымъ по виду: оно должно было казаться ему абстрактнымъ, которому недостаетъ не совершенной только конкретности данныхъ въ опытѣ предметовъ, но и видовой опредѣленности, которая съ его точки зрѣнія необходима была для установки самой сущности предмета. Вещество Архелая, то-есть, простое среднее по плотности между двумя стихіями вещество, въ которомъ открыто отрицались

¹⁾ Къ этимъ свойствамъ присоединялась еще также абсолютная или относительная легкость или тяжесть въ смыслѣ противоположныхъ стремленій вверхъ и

противоположныя свойства, опредѣляющія сущность стихій, неизбежно было въ указанномъ смыслѣ неопредѣленнымъ по виду веществомъ. Тотчасъ послѣ сопоставленія Анаксимандрова безконечнаго съ веществомъ Анаксагоровымъ, отождествляя съ послѣднимъ вещество Архелая, Теофрастъ не только не становился бы въ противорѣчье съ Аристотелемъ, но лишь формулировалъ бы въ точныхъ терминахъ то, что въ иныхъ только словахъ высказывалъ о немъ Аристотель. Ученію о простомъ среднемъ Аристотель прямо ставитъ въ упрекъ въ Phys. I. 5, что такого тѣла, стоящаго внѣ противоположностей, не существуетъ, и въ Gen. et corr. II. 1., что не можетъ быть чувственно постигаемаго тѣла, которое не было бы ни теплымъ, ни холоднымъ, ни легкимъ, ни тяжелымъ; все это такъ хорошо подходитъ къ Теофрастову ἀόριστος κατ' εἶδος, что даже авторы, отрицающіе безусловно всякую качественность въ Анаксимандровомъ безконечномъ, безъ всякаго колебанія относили къ нему эти критическія замѣчанія Аристотеля, хотя объ отрицаніи плотности въ нихъ не говорится. Иначе, по видимому, ставится этотъ вопросъ въ отношеніи къ составному среднему веществу. Конечно, Анаксимандру, признававшему въ своемъ безконечномъ общія свойства тѣлеснаго бытія, то-есть, плотность вмѣстѣ съ способностью чрезъ соприкосновеніе съ другимъ бытіемъ испытывать и оказывать противодѣйствіе, не было уже никакой необходимости предполагать, что это безконечное, способное разлагаться на теплое и холодное и пр., заключаетъ также и ихъ въ себѣ не въ смыслѣ только равновѣсія этихъ качественностей, предполагающаго отсутствіе ихъ проявленій. Но Аристотель по крайней мѣрѣ прямо и открыто нигдѣ не дѣлаетъ упрека ученію о среднемъ составномъ веществѣ подобнаго тому, какой онъ дѣлаетъ ученію о простомъ; очевидно, онъ не знаетъ у Анаксимандра ученія объ отсутствіи въ его безконечномъ свойствѣ, соответствующихъ свойствамъ, опредѣляющимъ видовыя разности стихій. Однако отсюда было бы слишкомъ поспѣшно заключать, что Аристотель былъ убѣжденъ въ существованіи въ немъ этихъ свойствъ. Возражая противъ отождествленія субстрата древними физиками съ однимъ изъ тѣлъ, онъ не считаетъ, очевидно, возможнымъ, когда говоритъ о среднемъ между огнемъ и воздухомъ веществѣ, то-есть, о веществѣ среднемъ составномъ, сослаться на его качественную опредѣленность, на видовое отличіе его отъ другаго бытія, какъ это дѣлаетъ онъ въ отношеніи къ стихіямъ; возраженіе противъ средняго составнаго вещества онъ соединяетъ не съ возраженіями противъ стихій, прямо указывающими на ихъ

опредѣленность, а съ возраженіями противъ вещества средняго простаго, разъясняющими (безъ всякихъ ссылокъ на свойства этихъ среднихъ началъ), что при отождествленіи съ субстратомъ они явно должны быть признаны за чистое στέργσις, неспособное къ обособленному существованію ¹⁾. Когда въ Phys. I. 6. 189. b. нач., при разъясненіи своего собственнаго ученія о субстратѣ, Аристотель ссылается на физиковъ-монистовъ, онъ указываетъ на оба среднія вещества какъ на не влетенныя въ противоположности (съ другимъ бытіемъ) и въ этомъ видитъ преимущество ихъ передъ стихіями, сравнительно большее право на названіе субстрата. Съ другой стороны, нигдѣ ни однимъ словомъ не намекаетъ онъ на то, чтобы признающіе среднее между огнемъ и воздухомъ начало дѣйствительно приписывали ему въ положительномъ смыслѣ среднія качественности между тѣми противоположностями, которыя, по его собственному мнѣнію, опредѣляютъ видоразличія стихій; когда онъ характеризуетъ среднія начала указаніемъ на ихъ свойство, всегда безъ исключенія указывается на сравнительную ихъ плотность, все равно идетъ ли дѣло о среднемъ простомъ или составномъ, хотя иная характеристика, на примѣръ, какъ вещества промежуточнаго между извѣстными стихіями по теплотѣ или холоду, по сухости или влажности, по стремленію вверхъ или внизъ, — характеристика, предполагающая извѣстную опредѣленность ихъ въ тѣхъ отношеніяхъ, какихъ касаются эти противоположныя качественности, указывала бы точнѣе съ его точки зрѣнія на ихъ сущность. Все это очень ясно доказываетъ, что, хотя Аристотель не находитъ у Анаксимандра ученія объ отсутствіи подобныхъ свойствъ въ его безконечномъ и въ виду своего собственнаго ученія о среднемъ составномъ бытіи не рѣшается приписать ему такой взглядъ, не имѣя твердыхъ и рѣшительныхъ данныхъ, однако онъ предполагаетъ или подозрѣваетъ у него этотъ именно взглядъ. Отсюда ясно, что Теофрастъ, въ интересахъ сближенія Анаксагорова веще-

¹⁾ Возраженія противъ отождествленія субстрата съ какою-либо изъ стихій развиваются въ Gen. et corr. 11. 5. 332. a. 9—12 изъ мысли: οὐδ' οὕτω δοκεῖ, ὥστε ὕδωρ εἶναι ἅμα καὶ ἀέρα ἢ ἄλλο τι ὀτιοῦν. ἔσται δὲ τις ἐναντιώσις καὶ διαφορά ἢς ἔξε τι ἡάτερον μᾶριον τὸ πῦρ, οἷον θερμότητα κτλ. Сказавъ въ заключеніе, что это возраженіе приложимо ко всемъ стихіямъ (τούτων, то-есть, къ выше перечисленнымъ ἀέρα ἢ ὕδωρ ἢ πῦρ ἢ γῆν), Аристотель продолжаетъ, ibid. 20—24: οὐ μὴν οὐδ' ἄλλο τι παρὰ ταῦτα, οἷον μέσον τι ἀέρος καὶ ὕδατος ἢ ἀέρος καὶ πυρός . . . ἔσται, γὰρ ἀήρ καὶ πῦρ ἐκεῖνο μετ' ἐναντιότητος, ἀλλὰ στέργσις τὸ ἕτερον τῶν ἐναντίων, ὥστε οὐκ ἐνδέχεται μονοῦσθαι ἐκεῖνο οὐδέποτε.

ства съ Анаксимандровымъ безконечнымъ, характеризуя первое не какъ единую только, но и какъ неопредѣленную по виду природу и такимъ образомъ, правда, косвенно, но достаточно ясно относя эту характеристику и къ послѣднему, не становится при этомъ ни въ какое противорѣчiе съ Аристотелемъ. Плотность при его характеристикѣ также подразумѣвается какъ и при Аристотелевыхъ упрекахъ учению о простомъ среднемъ веществѣ. Что же касается видовыхъ особенностей стихій, то Теофрастъ только прямо и рѣшительно усволяетъ Анаксимандру безконечному то, что, очевидно, подозрѣваетъ въ немъ, но не считаетъ себя въ правѣ утверждать о немъ Аристотель. Такого рода различiе въ сужденiи, конечно, не представляло бы ничего удивительнаго. Но въ виду того, что во всѣхъ извѣстiяхъ доксграфовъ, которыя ведутъ свою генеалогiю изъ Теофраста же, нѣтъ никакого упоминанiя объ этой неопредѣленности по виду, мнѣ кажется, мы не имѣемъ права по крайней мѣрѣ съ полною увѣренностию утверждать даже и это различiе. Въ интересахъ сопоставленiя трехъ философовъ, которыхъ взгляды на вещество, очевидно, развивались одинъ изъ другаго и фактически завершились въ до-сократовскiй перiодъ учениемъ Архелая о веществѣ, которое вполнѣ можно было назвать относительно неопредѣленнымъ или неопредѣленнымъ по виду, Теофрастъ, конечно, могъ при сжатомъ указанiи на эту связь допустить неточность въ сужденiи объ Анаксимандрѣ, и эту неточность едва ли можно назвать болѣе значительною чѣмъ тѣ неточности, примѣры которыхъ представляетъ, какъ мы видѣли, единственный большой отрывокъ изъ его сочиненiя. Но какъ бы это ни было, во всякомъ случаѣ ясно, что ни о какой совершенной неопредѣленности въ смыслѣ полной безкачественности Анаксимандра безконечнаго нѣтъ никакого права говорить на основанiи Симплициевой выдержки изъ Теофраста. И совершенно понятно, что ни Симплиций, ни Порфириій, который едва ли менѣе точно зналъ взглядъ Теофраста на это безконечное, чѣмъ Симплиций, не видѣли въ терминѣ ἀόριστον никакой помѣхи къ отождествленiю Анаксимандра начала съ τὸ ἄτακτον. Оспаривая это тождество, Порфириій ссылаясь не на неопредѣленность по виду этого начала, а лишь на то, что Анаксимандръ опредѣленно не высказался объ его природѣ. И Симплиций, отстаивающiй это тождество противъ Порфирија, не затрудняется безъ всякаго дальнѣйшаго объясненiя приводить цитованную выписку изъ Теофраста, не затрудняется и отъ своего собственнаго лица, хотя, вѣроятно,

вслѣдъ за болѣе древнимъ авторомъ, Анаксимандрово начало отличать отъ Анаксименова какъ ἀόριστον отъ ὀρισμένον¹⁾.

¹⁾ Не одинъ разъ защитники мнѣнiя о совершенной безкачественности Анаксимандра безконечнаго особенно ставили на видъ, что сведенiе въ Теофрастовомъ отрывкѣ Анаксагорова смѣшенiя къ единой неопредѣленной природѣ напоминаетъ Аристотелево сведенiе этого же смѣшенiя къ своему понятiю объ ὄλη въ Metaph. I. 8. Порядокъ и связь мыслей отрывка, какъ мы видѣли, соответствуетъ Phys. I. 4. Въ той же книгѣ и главѣ Физики Аристотель, рассуждая объ Анаксагоровомъ веществѣ, между прочимъ, говоритъ, 187. b. 8—13: εἰ δὲ τὸ μὲν ἄπειρον ἢ ἄπειρον ἄγνωστον, τὸ μὲν κατὰ πλήθος ἢ κατὰ μέγεθος ἄπειρον ἄγνωστον πόσον τι, τὸ δὲ κατ' εἶδος ἄπειρον ἄγνωστον ποῖόν τι. Τῶν δ' ἀρχῶν ἀπείρων οὐσῶν καὶ κατὰ πλήθος καὶ κατ' εἶδος, ἀδύνατον εἶδέναι τὰ ἐκ τούτων. οὕτω γὰρ εἶδέναι τὸ σύνθετον ὑπολαμβάνομεν, ὅταν εἰδῶμεν ἐκ τίνων καὶ πόσον ἐστίν. Отсюда слѣдовала непознаваемость, слѣдовательно, недоступность научному опредѣленiю Анаксагорова смѣшенiя, которое возводилось къ Анаксимандру единому и которое дало μίαν φύσιν Теофраста. Metaph. I. 8 могло облегчить, конечно, для Теофраста переходъ отъ понятiя ἄγνωστον къ понятiю ἀόριστον, которое, однако, въ той или другой формѣ было дано уже у Архелая; изъ Metaph. I. 8 также могло быть взято ὅπερ ἂν δόξειε (Анаксагоръ) βούλεσθαι λέγειν—фраза, встрѣчающаяся во второй редакциі Теофрастова отрывка, хотя опять никакъ не невозможно, что прототипомъ для Аристотеля и Теофраста могло послужить подобное выраженiе Архелая, когда онъ сводилъ смѣшенiе Анаксагора къ чуждому противоположностей бытiю и разъяснялъ иллюзию смѣшенiя. Но отъ этихъ возможныхъ заимствованiй изъ Metaph. I. 8 до тождества характеристики Анаксагорова смѣшенiя у Теофраста и въ Metaph. очень далеко. То, что въ Metaph. названо ἀόριστον πρὶν ὀρισθῆναι καὶ μετασχεῖν εἶδος τινός, у Теофраста является какъ ἀόριστον καὶ κατ' εἶδος καὶ κατὰ μέγεθος. Выраженiе κατὰ μέγεθος, котораго совѣмъ нѣтъ въ разсужденiяхъ Metaph. по этому предмету (тамъ встрѣчается лишь болѣе общее πόσον и съ прямымъ отрицанiемъ οὕτε πόσον οὕτε τι), рельефно выступаетъ въ цитованномъ мѣстѣ Phys. въ прямомъ соотношенiи съ κατὰ εἶδος; и это отступленiе отъ Metaph., и сближенiе съ Phys. не лишено значенiя: ἀόριστος κατὰ μέγεθος можетъ указывать на безпредѣльность по протяженiю, тогда какъ Metaph., слишкомъ сближая Анаксагорово вещество съ Аристотелевой ὄλη, едва ли оставляетъ мѣсто для представленiя его безпредѣльно протяженнымъ. Тѣмъ болѣе имѣетъ значенiя замѣна слишкомъ рѣшительнаго выраженiя Metaph. ἀόριστον πρὶν ὀρισθῆναι καὶ μετασχεῖν εἶδος τινός болѣе сглаженнымъ ἀόριστος κατὰ εἶδος: послѣднее выраженiе, какъ показано, весьма удобно можетъ быть толкуемо въ смыслѣ неопредѣленности по виду въ собственномъ смыслѣ, тогда какъ первое исключаетъ всякую къ тому возможность, предполагая безусловную нецелесообразность какого бы то ни было понятiя, отсутствiе всякой формы. Поэтому, если мы и предположимъ, что Теофрастъ имѣлъ въ виду въ данномъ мѣстѣ Metaph. I. 8 (что очень вѣроятно), то заключенiе отсюда выйдетъ все же прямо обратное тому, какое обыкновенно дѣлаютъ. Если, имѣя въ виду Metaph. I. 8, Теофрастъ тѣмъ не менѣе не пользуется данною тамъ точною характеристикой совершенно неопредѣленной природы, а пользуется терминами, подъ которыми безъ всякаго

Въ извѣстіяхъ Теофрастовой серіи есть одна особенность, указывающая на фактъ, имѣющій существенное значеніе въ нашемъ вопросѣ, такъ какъ безъ него едва ли возможны были бы всѣ споры о природѣ Анаксимандрова безконечнаго, точно также какъ и разногласіе извѣстій о веществѣ у Архелая. Во всей совокупности извѣстій, которыя, какъ нужно предполагать, не стоятъ въ непосредственной зависимости отъ Аристотелевыхъ сочиненій, а чрезъ разнообразныя посредства ведутъ свою генеалогію отъ свѣдѣній, сообщавшихся въ Теофрастовомъ сочиненіи, нигдѣ не встрѣчаемъ мы отнесенія τὸ μεταξὺ ни къ Анаксимандру, ни къ Архелая. Эта особенность извѣстій Теофрастовой серіи завѣряетъ насъ въ томъ фактѣ, что Теофрастъ не называлъ ни безконечное Анаксимандра, ни вещество Архелая этимъ терминомъ ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ такое сподручное названіе едва ли не перешло бы къ кому-нибудь изъ древнѣйшихъ доксографовъ и биографовъ, и слѣдъ его едва ли исчезъ бы въ этого рода литературѣ, еслибы этотъ терминъ былъ употребленъ Теофрастомъ для обозначенія природы начала у обоихъ этихъ философовъ. Не разъясненнымъ въ такомъ случаѣ долженъ бы остаться и тотъ фактъ, что Симплицій, который прямо ссылается на Теофраста при опроверженіи мнѣнія Николая Дамаскена, приписывавшаго Діогену Аполлонійскому ученіе о среднемъ веществѣ между огнемъ и воздухомъ ²⁾, молчитъ о Теофрастѣ при опроверженіи другой стороны того же мнѣнія, защищаемой Порфиріемъ, отрицавшимъ принадлежность ученія о томъ же среднемъ веществѣ Анаксимандру, и находитъ возможнымъ сослаться только на Александра: Симплицію, очевидно, ни откуда не

затрудненія можно понимать и такую природу, которая могла бы назваться неопредѣленною въ указанномъ выше относительномъ смыслѣ, то это едва ли можно объяснить иначе какъ тѣмъ, что на это вызываетъ его сближеніе съ Анаксимандромъ, которое онъ здѣсь дѣлаетъ и котораго Аристотель не дѣлаетъ въ *Metaph.* Если о смѣшеніи Анаксагора, при сведеніи его къ *μία φύσις*, можно, сказать, что оно не только ἀρίστος κατ' εἶδος, но и вообще ἀρίστος πρὶν ὁρισθῆναι καὶ μεταστῆναι εἶδος τινός (къ чему могъ свести его уже никакъ не Архелай, а дальнѣйшій анализъ вещества, прошедшій чрезъ Платона), то Теофрастъ, конечно, хорошо знаетъ это и здѣсь же ясно даетъ понять, что дѣло идетъ о сближеніи допускающемъ различіе между сближаемыми предметами: и въ началѣ, и въ концѣ своей рѣчи онъ ясно говоритъ, что устанавливается (лишь) сходство (*παράλληλος*) обоимъ взглядовъ (а не тожество ихъ).

¹⁾ Нейгаузеръ, *An. M.* 144—151, старается доказать, что Теофрастъ приписывалъ Анаксимандру τὸ μεταξὺ, разборъ его доказательствъ см. *Notorp. Ueb. d. Pr. etc.*, 385—386.

²⁾ *Simpl. in Phys.* 25, 6—7.

было извѣстно, чтобы Теофрастъ относилъ ученіе о τὸ μεταξὺ къ Анаксимандру. Самые споры о природѣ Анаксимандрова безконечнаго, начавшіеся уже въ первые періоды комментаторской литературы, когда еще имѣли или Теофрастово сочиненіе, или древнихъ авторовъ, изъ него черпавшихъ и на него ссылавшихся, едва ли были бы возможны, еслибы въ сочиненіи Теофраста было высказано ясное и рѣшительное сужденіе объ этомъ; точно также была бы не возможна и очевидная растерянность компиляторовъ при указаніи на принципъ Архелая, еслибы ясно было отнесено къ нему τὸ μεταξὺ у Теофраста. Однако какъ важно ни было для исторіи самаго вопроса о началахъ Анаксимандра и Архелая отсутствіе у Теофраста примѣненія къ нимъ термина τὸ μεταξὺ, оно, если всмотрѣться въ этотъ фактъ внимательнѣе, не только не заключаетъ въ себѣ чего-нибудь удивительнаго, но, на оборотъ, должно быть признано дѣломъ самымъ естественнымъ и понятнымъ. Не отнесенія только термина τὸ μεταξὺ къ началамъ Анаксимандра и Архелая, но и вообще этого термина какъ названія для начала какого бы то ни было философа, очевидно, не встрѣчалось у Теофраста: его нѣтъ вообще въ извѣстіяхъ Теофрастовой серіи, хотя въ ней встрѣчаются извѣстія о самыхъ ничтожныхъ мыслителяхъ древности; и, еслибы оно было приурочено Теофрастомъ къ веществу какого-либо мыслителя древности, Николаю Дамаскену и Порфирію не было бы нужды въ прямое противорѣчіе извѣстіямъ не Теофраста только, но и Аристотеля ¹⁾ о Діогенѣ Аполлонійскомъ приурочивать этотъ терминъ къ веществу послѣдняго; не оказалось бы нужды и другимъ комментаторамъ оба τὸ μεταξὺ страннымъ образомъ соединять съ безконечнымъ Анаксимандра; а между тѣмъ Аристотелевы упоминанія о принимавшихъ τὸ μεταξὺ такъ обычны и такъ ясно показываютъ, что философы, принимавшіе среднія начала, имѣли въ его глазахъ свое значеніе, что было бы совсѣмъ невѣроятно предположеніе, что Теофрастъ въ специальномъ историко-критическомъ изслѣдованіи мнѣній физиковъ совсѣмъ не упоминалъ о нихъ. Это уже показываетъ, что самое предположеніе, будто бы у Теофраста безконечное Анаксимандра и вещество Архелая должны были быть названы τὸ μεταξὺ, если этимъ терминомъ названы они у Аристотеля, заключаетъ въ себѣ какое-то недоумѣніе. Здѣсь и въ самомъ дѣлѣ есть недоумѣніе. Начнемъ съ Анаксимандра. Мы видѣли, что по яснымъ извѣстіямъ нѣсколькихъ позднѣйшихъ писателей, которымъ

¹⁾ *Metaph. I.* 3. 984. a. 5—6.

никакъ не противорѣчатъ извѣстія и другихъ писателей о безконечномъ Анаксимандра, самъ Анаксимандръ называлъ свое начало τὸ ἀπειρον, не высказываясь далѣе и болѣе опредѣленно объ его природѣ. Отсюда слѣдуетъ, что названіе τὸ μεταξὺ ему не принадлежитъ, а образовано Аристотелемъ, конечно, въ видахъ того удобства, которое представлялъ этотъ терминъ при перѣдкихъ у него краткихъ перечняхъ началъ древнихъ философовъ безъ обозначенія именъ ихъ и вообще при краткихъ указаніяхъ на него. Теофрастъ, при случайныхъ упоминаніяхъ о началѣ Анаксимандра называвшій, конечно, всегда имя философа, въ искусственномъ терминѣ не нуждался. Особо заявлять, что это начало, то-есть, тѣлесная масса, изъ которой возникаютъ всѣ вещи и въ которую онѣ разрѣшаются, имѣетъ плотность, ему не могло придти даже на мысль; ему должно было казаться это столь же очевиднымъ, какъ существованіе плотности у воды, воздуха или какого бы то ни было другаго тѣла, изъ котораго тѣмъ или другимъ путемъ объясняютъ происхожденіе другихъ тѣлъ; онъ могъ констатировать особенности, которыя находилъ въ представленіи о такого рода началахъ, а не свойства, которыя сами собою подразумеваются въ понятіи о какомъ угодно изъ нихъ. Конечно, то или другое отношеніе Анаксимандра безконечнаго со стороны его плотности къ другимъ стихіямъ уже не было очевидно само по себѣ. Но оно, какъ мы видѣли, не должно было давать ему въ глазахъ Теофраста видовой опредѣленности, не ставило его въ рядъ съ другими тѣлами, имѣющими эту опредѣленность, и, слѣдовательно, не вносило ничего существеннаго въ самое понятіе о немъ; какъ мало важности представляла сравнительная степень плотности для философскаго ученія о началѣ, будетъ ли то вообще или съ точки зрѣнія перипатетиковъ, ясно изъ того, что Аристотелю, съ различныхъ сторонъ обсуждавшему принципы древнихъ философовъ, ни одного разу не приходится отдѣлять въ своихъ сужденіяхъ одно среднее начало отъ другаго единственно вслѣдствіе того, что они представляютъ промежуточные по плотности вещества не между одними и тѣми же стихіями. Отношеніе начала по плотности къ стихіямъ должно было выражаться лишь въ разнообразныхъ особенностяхъ космогоническаго процесса, но при описаніяхъ этого процесса, которыя дѣлалъ Теофрастъ, это, конечно, и было вполне очевидно. Названіе Анаксимандра начала веществомъ среднимъ по плотности между опредѣленными стихіями могло быть очень удобнымъ, даже единственно возможнымъ описательнымъ терминомъ для этого безконечнаго, но оно теряло всякое значеніе для того, кто не чув-

ствовалъ нужды въ такомъ терминѣ. Тѣмъ не менѣе совершенно понятно, что отсутствіе этого термина у Теофраста оказалось фактомъ капитальной важности для возникшей послѣ Андроникова изданія сочиненій Аристотеля комментаторской литературы. Такъ какъ у Теофраста не оказалось именъ, которыя можно было бы безъ дальнѣйшаго разсужденія подставить ко взглядамъ на вещество какъ на τὸ μεταξὺ, то приходилось самостоятельно опредѣлять представителей этого ученія. Между тѣмъ космогоническія представленія древнихъ, которыя могли бы содѣйствовать разрѣшенію темнаго вопроса, разсматривались какъ простая прибавка къ философскимъ взглядамъ, не стоявшая съ ними ни въ какой существенной связи; никому не приходило на мысль для опредѣленія начала подробнѣе изслѣдовать по даннымъ, которыя тогда, можетъ быть, еще и можно было найти, въ какомъ порядкѣ послѣдовательности развивалось изъ него остальное бытіе, чему изъ этого остального бытія приписывались большая легкость, стремленіе къ периферіи цѣлаго и пр. Естественно возникли недоумѣнія и споры. Большинство, опираясь, конечно, на то значеніе, которое придаетъ въ сочиненіяхъ Аристотеля представителямъ ученія о τὸ μεταξὺ, съ одной стороны, и не находя объясненія слишкомъ рѣдкому упоминанію у него объ Анаксимандрѣ съ обозначеніемъ его имени, съ другой, пришло къ вѣрному заключенію о тождествѣ начала Анаксимандра съ τὸ μεταξὺ, но въ то же время не сумѣло различить два существенно неодинаковые взгляда на самое τὸ μεταξὺ и пришло къ странному убѣжденію, что одно и то же начало разумѣется и подъ веществомъ среднимъ по плотности между огнемъ и воздухомъ, и подъ веществомъ среднимъ между воздухомъ и водою. Другіе, раздѣляя, по видимому, послѣднее убѣжденіе первыхъ, ухватились за тотъ фактъ, что по Теофрастову извѣстію Анаксимандръ оставилъ безъ дальнѣйшаго опредѣленія свое безконечное и, не могли примирить его съ Аристотелевымъ названіемъ этого же безконечнаго τὸ μεταξὺ, искали иного представителя для ученія о послѣднемъ. Чтò сказано объ Анаксимандрѣ, почти то же приложимо и къ Архелаю. Онъ, правда, говорилъ о началѣ много опредѣленнѣе Анаксимандра; онъ ясно говорилъ, что безконечное, изъ котораго все происходитъ и въ которое все возвращается, не можетъ быть ни одною изъ стихій, данныхъ въ нашемъ мірѣ, что оно не можетъ имѣть тѣхъ противоположныхъ свойствъ, тепла и холода, легкости и тяжести и пр., которыми онѣ отличаются другъ отъ друга, что эти свойства составляютъ простой результатъ процессовъ уплотненія и разрѣженія; онъ

ясно давалъ то, что Теофрастъ называлъ ἀρίστον κατ' εἶδος, обобщая въ этомъ понятіи вмѣстѣ съ веществомъ Архелая и вещество Анаксимандра и Анаксагора. Но говоря о безконечномъ, различномъ отъ стихій, порождающемъ все чрезъ процессы уплотненія и разрѣженія, описывая самый процессъ возникновенія изъ него стихій, Архелай, конечно, не чувствовалъ никакой потребности разъяснять, что оно имѣетъ плотность и что оно по плотности занимаетъ среднее мѣсто между тою стихіей, происхождение которой онъ прямо описывалъ какъ его уплотненіе, и тою, которая, по его космогоніи, стремилась вверхъ вслѣдствіе своей разрѣженности и легкости. Чтò могло бы прибавить такое опредѣленіе для разъясненія начала, сущность котораго полагалась въ возвышенности надъ ограничительными опредѣленіями возникавшаго изъ него конечнаго бытія? Или чтò могло бы дать это опредѣленіе такого, чтò не было бы ясно изъ самаго космогоническаго процесса? Теофрастъ точно также не нуждался въ искусственномъ терминѣ для обозначенія Архелая безконечнаго, какъ не нуждался въ немъ для обозначенія безконечнаго Анаксимандра. Все это совершенно понятно и естественно. Но результатъ оказался неожиданный: достаточно было незначительной несправности въ текстѣ древняго извѣстія объ Архелай и отсутствія острой сообразительности у древнихъ компиляторовъ, чтобы его безконечное превратилось и въ воздухъ, и во вторичныя начала, огонь и воду, и даже въ то Анаксагорово смѣшеніе, которое онъ нѣкогда превратилъ въ свое единое, чуждое противоположностей начало. И если эта путаница древнихъ извѣстій не вызвала такихъ же упорныхъ споровъ въ новой историко-философской литературѣ, то это случилось исключительно благодаря скромному мѣсту и значенію, какое Архелая усвоилось въ ней, можетъ быть, впрочемъ, болѣе скромному, чѣмъ какое принадлежало ему на дѣлѣ.

Вѣчное движеніе въ безконечномъ.

Другую сторону во взглядѣ Анаксимандра на безконечное составляютъ ученіе о вѣчномъ движеніи въ немъ и представленіе о самой его безконечности.

Извѣстія позднѣйшихъ писателей усваиваютъ Анаксимандру ученіе о вѣчномъ движеніи, съ которымъ ставятся въ связь мірообразовательные процессы. На это вѣчное движеніе существуетъ два взгляда.

Одни отождествляютъ его съ самымъ процессомъ выдѣленія, другіе съ круговращательнымъ движеніемъ неба, которое, по ихъ мнѣнію, должно служить условіемъ самаго процесса выдѣленія.

Нейгәузеръ ¹⁾, который защищаетъ первый изъ этихъ взглядовъ, ссылается въ подтвержденіе его даже на два мѣста Аристотеля *Metaph. I. 5. 986. b. 14—17* и *Phys. I. 4*. Въ первомъ Аристотель противопоставляетъ элеатовъ, признающихъ единое и неподвижное бытіе, физикамъ, также признававшимъ единое бытіе, но подвижное, такъ какъ они изъ него порождаютъ вселенную ²⁾. Изъ этого мѣста Нейгәузеръ заключаетъ, что Аристотель приписывалъ физикамъ-монистамъ ученіе о подвижности начала только потому, что они говорили о порожденіи изъ него разнообразнаго бытія, а слѣдовательно похъ подвижностью начала онъ разумѣлъ самый способъ этого порожденія, который по Анаксимандру есть выдѣленіе. Но Аристотель хочетъ сказать только, что съ признаніемъ космогоническаго процесса, которое отличало іонійскихъ физиковъ отъ элеатовъ, неизбѣжно соединяется призваніе движенія ³⁾, и изъ его словъ не слѣдуетъ, чтобы всѣ физики-монисты или нѣкоторые изъ нихъ сами не говорили о движеніи въ принимаемомъ ими началѣ, и чтобы нельзя было приписать кому-нибудь изъ нихъ ученіе о движеніи иначе какъ путемъ вывода изъ ученія ихъ о способѣ возникновенія многаго изъ единаго; никакъ не слѣдуетъ изъ словъ Аристотеля и того, чтобы кто-нибудь изъ самыхъ физиковъ-монистовъ не признавалъ особаго, напримѣръ, вращательнаго движенія условіемъ самыхъ процессовъ выдѣленія. Также мало можно вывести что нибудь въ пользу взгляда, защищаемаго Нейгәузеромъ, изъ *Phys. I. 4*. Нейгәузеръ указываетъ на то, что ранѣе въ *Phys. I. 2* нач. Аристотель дѣлилъ признающихъ единое на элеатовъ, которые считаютъ его неподвижнымъ, и физиковъ, которые признаютъ его подвижнымъ; такъ какъ затѣмъ послѣ опроверженія первыхъ онъ дѣлитъ въ *I. 4* послѣднихъ на

¹⁾ *Neuh. An. M.* 305—306 сл. 282.

²⁾ οὐ γὰρ ὡσπερ ἔνιοι τῶν φυσιολόγων ἐν ὑποθέμενοι τὸ ὄν ὅμως γεννῶσιν ὡς ἐξ ὅλης τοῦ ἐνός, ἀλλ' ἕτερον τρόπον οὗτοι λέγουσιν (то-есть, элеаты) ἐκείνοι μὲν γὰρ προστιθέασιν κίνησιν, γεννῶντες γὰρ τὸ πᾶν, οὗτοι δὲ ἀκίνητον εἶναι φασιν.

³⁾ Это еще яснѣе изъ параллельнаго мѣста *Phys. VIII. 1. 250. b. 15—18*: εἶναι μὲν οὖν κίνησιν πάντες φασιν οἱ περὶ φύσεως τι λέγοντες διὰ τὸ κοσμοποιεῖν καὶ περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς εἶναι τὴν θεωρίαν πᾶσαν αὐτῶς, ἣν ἀδύνατον ὑπάρχειν μὴ κινήσεως οὕσης.

порождающих остальное бытіе чрезъ уплотненіе и разрѣженіе и на порождающихъ его чрезъ выдѣленіе, то, по мнѣнію Нейгэузера, отсюда должно слѣдовать, что эти процессы выдѣленія и уплотненія и разрѣженія суть виды того самаго движенія, которымъ подвижное бытіе физиковъ отличается отъ неподвижнаго бытія элеатовъ. Однако, еслибы всѣ или нѣкоторые физики-монисты признавали условіемъ возникновенія многоаго изъ одинаго какое-либо особое движеніе и послѣднее считали и называли вѣчнымъ движеніемъ, это нисколько не препятствовало бы имъ отличать другъ отъ друга своимъ ученіемъ о самомъ способѣ происхожденія многоаго изъ одинаго, и это различіе и само по себѣ не перестало бы быть очень важнымъ различіемъ и не потеряло бы своего значенія для той цѣли, съ которой Аристотель въ этомъ мѣстѣ на него указываетъ, то-есть, для разъясненія отношенія между единымъ и многимъ у двухъ группъ физиковъ; а потому, какого бы взгляда на вѣчное движеніе Анаксимандръ ни держался, Аристотель могъ бы сказать то же самое. Кромѣ этихъ двухъ ссылокъ на Аристотеля, Нейгэузеръ въ подтвержденіе своей мысли ссылается также на сличеніе позднѣйшихъ извѣстій о порожденіи многоаго у Анаксимандра. Изъ этого сличенія оказывается, что въ двухъ свидѣтельствахъ, именно у Филопона ¹⁾ и Симплиція ²⁾, рожденіе остальнаго бытія соединяется съ выдѣленіемъ противоположностей, въ другихъ же свидѣтельствахъ, Гипполита ³⁾, Гермія ⁴⁾

¹⁾ In Phys. 87. 1—10: 'Αναξίμανδρος δὲ τὸ μεταξύ... λέγων στοιχεῖον τὰ ἄλλα ἐκ τούτου ἐκκρίνεσθαι ἔλεγε· ἐνοπάρχειν γὰρ ἐν τούτῳ ἀπεῖρῳ ὄντι τὰς ἐναντιότητας, εἶτα ἐκκρινόμενας εἰς αὐτοῦ ποιεῖν τὰ λοιπά... 'Αναξίμανδρος δὲ οὐκ ἀλλοιοῦσαι τοῦ μεταξύ γενεῖ τὰ ἄλλα, ἀλλ' ἐκκρίσει ἐνοπαρχόντων ἐν αὐτῷ. 88. 24—29: ὃν τρόπον οὖν, φησὶν (Аристотель), οἱ περὶ 'Αναξαγόραν καὶ 'Εμπεδοκλέα ἐκκρίσει τὴν γένεσιν γίνεσθαι λεγούσιν, οὕτω καὶ ὁ 'Αναξίμανδρος ἐκ τοῦ κατ' αὐτὸν στοιχείου... τὰ ἄλλα γίνεσθαι, μᾶλλον δὲ ἐκκρίνεσθαι. τὴν γὰρ γένεσιν οὐδὲν εἶναι ἕλλο ἢ ἐκκρίσειν καὶ ἐκφανοῖν.

²⁾ In Phys. 150. 20—23: ἕτερος δὲ τρόπος (γενέσεως) καθ' ὃν οὐκέτι τὴν μεταβολὴν τῆς ὕλης αἰτιῶνται οὐδὲ κατὰ ἀλλοίωσιν τοῦ ὑποκειμένου τὰς γενέσεις ἀποιδόασιν, ἀλλὰ κατὰ ἐκκρίσειν· ἐνούσας γὰρ τὰς ἐναντιότητας ἐν τῷ ὑποκειμένῳ ἀπεῖρῳ ὄντι σώματι, ἐκκρίνεσθαι φησὶν 'Αναξίμανδρος.

³⁾ Dox. Diels. 559. 20—22 (Hippol.): οὗτος (Анаксимандръ) μὲν οὖν ἀρχὴν καὶ στοιχεῖον εἶρηκε τῶν ὄντων τὸ ἀπειρον... πρὸς δὲ τούτῳ κίνησιν αἰδιον εἶναι, ἐν ᾗ συμβαίνειν γίνεσθαι τοὺς οὐρανοὺς.

⁴⁾ Ibid. 653. 23—25 (Herm.): 'Αναξίμανδρος τοῦ ὕρου πρᾶσβυτέραν ἀρχὴν εἶναι λέγει τὴν αἰδιον κίνησιν καὶ ταύτῃ τὰ μὲν γεννᾶσθαι, τὰ δὲ φθεῖρεσθαι.

и также Симплиція ¹⁾, оно соединяется съ вѣчнымъ движеніемъ; это соединеніе продуктивнаго процесса то съ понятіемъ вѣчнаго движенія то съ понятіемъ выдѣленія, должно, по мнѣнію Нейгэузера, доказывать тождество обоихъ послѣднихъ понятій. Однако и съ этимъ выводомъ согласиться нельзя. Тѣ, которые отождествляютъ вѣчное движеніе у Анаксимандра съ вращательнымъ движеніемъ неба, никакъ не отрицаютъ, что рожденіе совершается по Анаксимандру чрезъ процессъ выдѣленія; они думаютъ только, что выдѣленіе не есть актъ первоначальный, а обусловлено особымъ вращательнымъ движеніемъ неба. А поэтому и съ ихъ точки зрѣнія нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что рожденіе въ извѣстіяхъ позднѣйшихъ писателей соединяется то съ понятіемъ выдѣленія, то съ понятіемъ вѣчнаго движенія: въ первомъ случаѣ извѣстія могли бы имѣть въ виду разъясненіе самаго акта рожденія, описаніе способа, какимъ оно совершается, во второмъ—разъясненіе условія его или производящей его причины; и текстъ самыхъ свидѣтельствъ не противорѣчитъ такому предположенію; по крайней мѣрѣ одно изъ свидѣтельствъ, говорящихъ о вѣчномъ движеніи, ясно называетъ его причиной рожденія (Simpl.), тогда какъ свидѣтели, говорящіе о выдѣленіи, прямо называютъ его или способомъ рожденія (тотъ же Simpl.) или даже просто отождествляютъ его съ рожденіемъ (Philop.). Въ комментарий Симплиція, сверхъ того, встрѣчается такое мѣсто, гдѣ въ одномъ предложеніи соединяются оба понятія и выдѣленія, и вѣчнаго движенія и притомъ въ такомъ сочетаніи, которое заставляетъ предполагать, что они отличаются другъ отъ друга; по Анаксимандру, говорится въ этомъ мѣстѣ, рожденіе происходитъ не чрезъ качественное измѣненіе стихій, а чрезъ выдѣленіе противоположностей посредствомъ вѣчнаго движенія ²⁾. Это мѣсто, по видимому, довольно рѣшительно говоритъ противъ взгляда Нейгэузера.

Мысль о тождествѣ вѣчнаго движенія у Анаксимандра съ враща-

¹⁾ In Phys. 41. 17—19: 'Αναξίμανδρος... ἀπειρόν τινα φύσιν, ἧς τὴν αἰδιον κίνησιν εἶναι αἰτίαν τῆς τῶν οὐρανῶν γενέσεως.

²⁾ Simpl. in Phys. 24. 23—25: οὗτος δὲ (Анаксимандръ) οὐκ ἀλλοιοῦμένου τοῦ στοιχείου τὴν γένεσιν ποιεῖ, ἀλλ' ἀποκρινόμενων τῶν ἐναντίων διὰ τῆς αἰδίου κινήσεως. Нейгэузеръ хочетъ, правда, толковать это мѣсто въ томъ смыслѣ, что здѣсь подъ вѣчнымъ движеніемъ разумѣется движеніе самаго выдѣленія; но онъ самъ уже замѣчаетъ недостаточную убѣдительность своей аргументаціи 307. № 7.

тельнымъ движеніемъ неба высказалъ и развилъ Тейхмюллеръ. Мнѣ кажется не заслуженнымъ то неблагоприятное отношеніе, съ какимъ встрѣчена она была въ нѣмецкой литературѣ. Во всякомъ случаѣ въ ней есть стороны, которыя имѣютъ вѣроятность. Сюда прежде всего относится общее представленіе о вѣчномъ движеніи какъ о движеніи пространственномъ, то-есть, какъ о перемѣнѣ мѣста. Если мы сейчасъ видѣли, что вѣчное движеніе въ извѣстіяхъ позднѣйшихъ писателей играетъ, по видимому, роль особаго отъ процесса выдѣленія условія его, если съ другой стороны несомнѣнно, что лишь съ процессомъ выдѣленія можетъ начаться качественная смѣна въ безконечномъ, то движенію, которое предшествуетъ выдѣленію, не остается, казалось бы, быть ничѣмъ инымъ кромѣ чисто пространственного движенія. Самъ Тейхмюллеръ ¹⁾ искалъ доказательства этой общей мысли въ томъ, что извѣстія, говорящія о вѣчномъ движеніи, употребляютъ терминъ *κίνησις*, который въ собственномъ смыслѣ означаетъ пространственное движеніе и лишь въ смыслѣ метафорическомъ могъ бы быть употребленъ о процессѣ качественной смѣны. Конечно, при этомъ доказательствѣ подразумевалось, что позднѣйшія извѣстія передаютъ мысль Анаксимандра въ его собственныхъ терминахъ, а не въ терминахъ дальнѣйшаго періода греческой философіи, когда термину *κίνησις* усвоилось не частное только, но часто и общее значеніе ²⁾. Тейхмюллеръ предполагалъ это, но не доказывалъ, и на это обстоятельство указывали какъ на слабый пунктъ въ его аргументаціи ³⁾. Однако она съ этой стороны можетъ быть дополнена. Гипполитъ и Симплицій, извѣщающіе о вѣчномъ движеніи у Анаксимандра, извѣщаютъ также и о вѣчномъ движеніи у Анаксимена; въ послѣднемъ случаѣ они ставятъ это движеніе причиной или условіемъ качественного измѣненія первичнаго вещества ⁴⁾, слѣдо-

¹⁾ *Teichm. Stud. Z. Gesch. d. Begr.* 23.

²⁾ Однако Аристотель, который часто усваиваетъ ему общее значеніе процесса вообще, все же замѣчаетъ въ *Phys.* VIII. 9. 266. а. нач.: *καὶ κριτικῶς δὲ κινῆσθαι φαίνεται μόνον τὸ κινούμενον τὴν κατὰ τόπον κίνησιν.*

³⁾ *Neuh. An. M.* 286.

⁴⁾ *Dox. Diels.* 560. 18—19 (Hippol. о воздухѣ Анаксимена): *κινῆσθαι δὲ αἰεὶ οὐ γὰρ μεταβάλλειν, ὅσα μεταβάλλει, εἰ μὴ κινῆσθαι. πυκνοῦμενον γὰρ καὶ ἀραιούμενον διάφορον φαίνεται.* *Simpl. in Phys.* 24. 31—25. 1 (объ Анаксименѣ): *κίνησιν δὲ καὶ οὗτος αἰεὶ ποιεῖ, δι' ἣν καὶ τὴν μεταβολὴν γίνεσθαι.* Рядомъ съ этими извѣстіями у Гипполита и Симплиція дается тождественный перечень метаморфозъ воздуха.

вательно, отличаютъ его отъ самаго этого измѣненія и понимаютъ подъ нимъ перемѣну мѣста. Но несомнѣнно, что извѣстія каждаго изъ этихъ писателей объ Анаксимандрѣ идутъ изъ того же самаго источника, изъ котораго идутъ извѣстія ихъ и объ Анаксименѣ, а сходство свидѣтельствъ обоихъ этихъ писателей относительно этого пункта ученія обоихъ философовъ даетъ право Дильсу указать на сочиненіе Теофраста какъ на первоисточникъ, изъ котораго вытекли эти извѣстія. Отсюда слѣдуетъ, что въ этомъ первоисточникѣ, когда говорилось о вѣчномъ движеніи у Анаксимена, терминъ *κίνησις* употребленъ былъ въ собственномъ значеніи пространственного движенія. Но въ такомъ случаѣ не вѣроятно, чтобы тотъ же терминъ при разъясненіи ученія Анаксимандра былъ употребленъ тѣмъ же первоисточникомъ въ иномъ значеніи, въ смыслѣ обозначенія для процесса качественного измѣненія; такая неустойчивость терминологіи была бы тѣмъ менѣе понятна, что самъ Анаксимандръ не могъ дать къ тому повода, такъ какъ онъ не могъ обозначить терминомъ *κίνησις* процессъ качественной смѣны. Есть и еще обстоятельство, которое указываетъ по крайней мѣрѣ на то, что Анаксимандрово вѣчное движеніе должно было обнимать въ себѣ процессы движенія пространственного. Оно, по извѣстіямъ, есть движеніе, порождающее міры. Но *Strom. Plut.* извѣщаетъ насъ о такомъ движеніи въ безконечномъ при порожденіи нашего міра, которое имѣетъ всѣ признаки перваго мірозидительнаго акта, но которое мы можемъ растолковать только въ смыслѣ пространственного движенія. Разказъ о мірообразовательномъ процессѣ здѣсь начинается извѣстіемъ объ отдѣленіи (конечно, отъ цѣлости безконечнаго) того первовещества міра, которое здѣсь называется *τὸ ἐκ τοῦ αἰθέρος γόνιμον θερμὸν τε καὶ ψυχρὸν*. Такъ какъ основная качественная противоположность теплаго и холоднаго въ этомъ *τὸ γόνιμον* мыслится, очевидно, еще связанною, то-есть, самья противоположныя качества еще не обособившимися, то о какомъ-либо качественномъ видоразличіи, возникающемъ чрезъ отдѣленіе *τοῦ γόνιμου*, слѣдовательно, и о пониманіи самаго отдѣленія въ смыслѣ качественной смѣны едва ли можно говорить; поэтому этотъ процессъ отдѣленія, очевидно, долженъ пониматься какъ какой-то видъ пространственного обособленія ¹⁾.

¹⁾ Въ *Arist. Phys.* VIII. 9. 265. b. 17—19 говорится: *ὅτι δ' ἢ κατὰ τόπον φορὰ πρὸς τὴν κίνησιν, μαρτυροῦσι πάντες ὅσοι περὶ κινήσεως πεποιήται μνείαν· τὰς γὰρ*

Что касается вращательнаго движенія неба, то, еслибы Тейхмюллеръ вмѣсто прямого отождествленія движенія одного нашего неба съ вѣчнымъ движеніемъ, утверждалъ лишь, что первое относится къ послѣднему, входитъ въ составъ его, то его взглядъ также имѣлъ бы большую вѣроятность. Тейхмюллеръ совершенно справедливо ставилъ на видъ, что ни одно изъ непосредственно наблюдаемыхъ нами въ мірѣ движеній не имѣетъ такого универсальнаго характера какъ вращательное движеніе неба ¹⁾, что оно одно можетъ быть представлено независимымъ и отъ другихъ движеній въ мірѣ, и отъ природы частныхъ элементовъ ²⁾, что древнія философскія космогоніи всегда придавали огромное значеніе этому движенію въ мірообразовательномъ процессѣ ³⁾, и что по Аристотелю (*De coel.* II. 13) всѣ, признававшіе космогоническій процессъ, смотрѣли на вихрь какъ на причину положенія земли къ срединѣ міра по аналогіи съ вихрями въ водѣ и воздухѣ, при которыхъ болѣе тяжелыя части всегда собираются въ средину вихря ⁴⁾; онъ наконецъ старался показать, что при признаніи вращательнаго движенія неба за актъ первоначальный хорошо объясняется многое въ космогоническомъ процессѣ у Анаксимандра: распределеніе элементовъ во вселенной, воздушные вихри, разрывающіе огненную оболочку міра, и закругленная форма земли ⁵⁾. Для разрѣшенія вопроса о томъ, относится ли вращательное движеніе неба къ актамъ, которые подразумѣваются подъ вѣчнымъ движеніемъ, созидающимъ и разрушающимъ міры, нужно собственно опредѣлить отношеніе его къ выдѣлительному процессу, то-есть, разъяснить, есть ли оно то условіе процесса выдѣленія (а слѣдовательно

ἀρχὴς αὐτῆς ἀποδιδοῦσαι τοῖς κινουμένοι τοιαύτην κίνησιν. Однако при тотчасъ слѣдующемъ за тѣмъ разъясненіи этой мысли на древнихъ философскихъ системахъ объ Анаксимандрѣ не упоминается, и, слѣдовательно, не исключена возможность предположенія, что обобщеніе сдѣлано лишь приблизительно.

¹⁾ Stud. z. Gesch. d. Begr. 9—10.

²⁾ Ibid. 25—26.

³⁾ Ibid. 29—30. Эту мысль усваиваетъ и развиваетъ и Нейгәузеръ, *Ап. М.* 412—415.

⁴⁾ Stud. z. Gesch. d. Begr. 83—84. Это признаетъ и Нейгәузеръ, *Ап. М.* 409—412.

⁵⁾ Stud. z. Gesch. d. Begr. 26—27. Частію подобное же значеніе усваиваетъ и Нейгәузеръ вращенію неба, производимому, по его мнѣнію, вихремъ отъ испареній воды, *Ап. М.* 421.

и обратнаго процесса погруженія въ безконечное), которое, какъ мы видѣли, подразумѣвается при процессѣ выдѣленія позднѣйшими извѣстіями, или, на оборотъ, оно само условливается какимъ-либо изъ актовъ выдѣленія; въ первомъ случаѣ, оно, очевидно, будетъ порожающимъ міръ актомъ, въ послѣднемъ за нимъ нельзя будетъ признать общаго космогоническаго характера. Но извѣстій, которыя давали бы прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ, нѣтъ. И если Целлеръ ²⁾ въ *Arist. Meteor.* II. 1. думаетъ найти подтвержденіе мысли, что вращеніе неба выводилъ Анаксимандръ уже изъ движеній воздуха, то позднѣйшими изслѣдованіями достаточно было разъяснено, что тамъ идетъ рѣчь исключительно о τὰς τροπὰς солнца и луны, о такъ-называемыхъ поворотахъ, то-есть, о тѣхъ движеніяхъ, которыми обуславливается различіе мѣстъ восхода и заката этихъ свѣтилъ въ различныя времена года ³⁾. Такимъ образомъ дилемма между предположеніемъ о происхожденіи вращательнаго движенія неба, какъ обыкновенно думаютъ, отъ вѣтровъ, то-есть, уже послѣ иѣлаго ряда процессовъ выдѣленія, и предположеніемъ о первоначальности этого движенія сравнительно съ процессами выдѣленія и о зависимости отъ него послѣднихъ можетъ быть рѣшена лишь на основаніи косвенныхъ соображеній. Но первое предположеніе могло возникнуть лишь подъ вліяніемъ предвзятаго убѣжденія, что выдѣлительный процессъ у Анаксимандра безусловенъ, само же оно никакъ не изъ такихъ, которое можно было бы приписать философу на основаніи внутренняго его правдоподобія. Что же касается послѣдняго предположенія, то здѣсь-то именно и получаетъ свое значеніе все то, что высказано Тейхмюллеромъ о значеніи вращательнаго движенія неба. Чѣмъ болѣе это движеніе должно было представляться древнему мыслителю всеобъемлющимъ, устойчивымъ и законѣрнымъ, чѣмъ легче было ему представить его независимымъ отъ разнообразія свойствъ частныхъ предметовъ, тѣмъ естественнѣе было ему смотрѣть на него какъ на основной актъ мірообразовательнаго процесса. Чѣмъ яснѣе опытъ говорилъ, по видимому, что вращательное движеніе раздѣляетъ другъ отъ друга неодинаковыя по плотности элементы и распредѣляетъ ихъ въ опредѣленномъ порядкѣ, тѣмъ легче было прійти къ мысли, что враща-

²⁾ Phil. d. Griech. I. 208.

³⁾ *Neuh.* *Ап. М.* 402—405.

тельное движение определенной части бесконечного производит в ней раздѣленіе на противоположные по качественности элементы и распредѣляетъ послѣдніе по различнымъ мѣстамъ вращающейся сферы. Какъ естественна была подобная мысль для древняго міра, это доказывается не только вообще значеніемъ, которое имѣло вращательное движение неба въ космогоніяхъ философовъ, но и тѣмъ фактомъ, что другіе философы, признававшіе также процессъ выдѣленія, именно Анаксагоръ и атомисты, прямо связывали этотъ процессъ съ круговоротнымъ движениемъ ¹⁾. И если дѣйствительно Аристотель относитъ Анаксимандра къ философамъ, которые объясняли появленіе земли въ срединѣ цѣлаго вращеніемъ этого цѣлаго ²⁾, то въ этомъ свидѣтельствѣ почти уже прямо дана зависимость выдѣлительнаго процесса отъ процесса вращательнаго, потому что процессъ выдѣленія разнороднаго и стремленіе выдѣляющихся элементовъ соединиться въ отличныя одна отъ другой массы суть въ существѣ дѣла только два момента одного и того же процесса: выдѣленіе разнороднаго изъ первоначальнаго единства есть, очевидно, движеніе слитыхъ во-едино разнородныхъ элементовъ къ разбѣденію, къ разобщенію другъ съ другомъ, а это разбиеніе, конечно, всего полнѣе достигается, когда они собираются въ большія отличныя одна отъ другой массы; при раздѣленіи бесконечнаго, говорилось въ отрывкѣ Теофраста, однородное стремится другъ къ другу: въ этихъ

¹⁾ Simpl. in Phys. 156. 21—29 (слова Анаксагора): καὶ τῆς περὶ χωρῆτος τῆς συμπάσης τοῦ ἐκράτησεν, ὥστε περιχωρῆσαι τὴν ἀρχήν. καὶ πρῶτον ἀπὸ τοῦ μικροῦ ἤρθετο περιχωρεῖν, ἐπεὶ δὲ πλεῖον περιχωρεῖ, καὶ περιχωρῆσαι ἐπὶ πλεόν... ἢ δὲ περιχωρῆσαι αὐτὴ ἐποίησεν ἀποκρίνεσθαι. καὶ ἀποκρίνεται ἀπὸ τε τοῦ ἀραιοῦ τὸ πυκνόν κτλ. Аристотель Phys. II. 4. 196. а. 24—27, по толкованію Симплиція къ этому мѣсту, объ атомистахъ: εἰσὶ δὲ τινες οἱ καὶ τοῦραυτοῦ τοῦδε καὶ τῶν κοσμικῶν πάντων αἰτιῶνται τὸ αὐτόματον ἀπὸ ταῦτοράτου γὰρ γίνεσθαι τὴν δίνην καὶ τὴν κίνησιν τὴν διακρίνασαν καὶ καταστήσανα εἰς ταύτην τὴν τάξιν τὸ πᾶν.

²⁾ Целлеръ, Phil. d. Griech. 225. № 3, указываетъ на то, что общее извѣстіе Аристотеля De coel. II. 13 о томъ, что всѣ, допускающіе космогоническій процессъ, объясняли положеніе земли въ срединѣ вращательнымъ движениемъ цѣлаго, есть только приблизительное обобщеніе и допускаетъ искаженія. Однако Нейгәузеръ, An. M. 410—411, справедливо ставитъ на видъ, что Анаксимандръ здѣсь же Аристотелемъ прямо отнесенъ къ тѣмъ, которые ищутъ особаго объясненія пребыванія земли въ срединѣ міра, а ищущіе такого объясненія представляются у Аристотеля тѣми же самыми философами, которые учили, что земля собралась въ центрѣ міра вслѣдствіе вихря или круговоротнаго движенія.

словахъ выдѣленіе и образованіе однородныхъ массъ прямо ставятся какъ двѣ стороны одного и того же акта. Въ формѣ круговращательнаго движенія всего удобнѣе, по видимому, мы можемъ представить себѣ первый актъ мірообразовательной дѣятельности, то-есть, отдѣленіе отъ бесконечнаго основы будущаго міра, которую Strom. Plut. называетъ τὸ ἐκ ἀδιόου γόνυμον κтл.; такъ какъ никакое отдѣленіе отъ бесконечнаго въ смыслѣ удаленія отъ него, конечно, не мыслимо, то только вращательное движеніе этой части бесконечнаго, мнѣ кажется, можетъ дать ясный образъ обособленія ея отъ ничѣмъ невозмутимаго покоя бесконечнаго бытія, охватывающаго ее со всѣхъ сторонъ; постоянно и видимо для насъ продолжаясь во время міроваго процесса, это вращательное движеніе за все это время очень рельефно выдѣляетъ ее изъ неподвижнаго цѣлаго. На то же, по видимому, указываетъ и изумительное молчаніе всѣхъ извѣстій о возникновеніи движенія неба у древнѣйшихъ физиковъ, крупнѣйшаго факта въ генесисѣ вселенной, хотя эти извѣстія говорятъ о сравнительно менѣе значительныхъ подробностяхъ ученія о тѣлахъ небесныхъ. Это молчаніе всего естественнѣе объясняется тѣмъ, что возникновеніе небеснаго движенія подразумѣвается уже въ другомъ извѣстїи, въ извѣстїи о вѣчномъ движеніи, то-есть, что оно есть актъ самаго этого движенія. Если мы примемъ, что Анаксимандръ, а за нимъ и Анаксименъ, считали вращательное движеніе первичнымъ мірозидительнымъ актомъ, то философы-физики V вѣка окажутся тѣсно примыкающими къ этимъ древнимъ своимъ предшественникамъ: ихъ задача относительно возникновенія мірообразовательнаго процесса сводится въ такомъ случаѣ къ тому, чтобы найти естественное объясненіе этому круговоротному движенію, которое и у нихъ остается въ собственномъ смыслѣ первымъ, мірозидительнымъ актомъ, но актомъ, не возникающимъ у нихъ безусловно, не остающимся безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, но вызывающимъ съ ихъ стороны попытки сдѣлать понятнымъ для мысли его возникновеніе. Анаксагоръ даетъ это объясненіе, говоря, что круговоротное движеніе въ веществѣ производитъ умъ; и если Теофрастъ сводитъ различіе между нимъ и Анаксимандромъ къ тому, что онъ присоединилъ умъ къ бесконечному Анаксимандра; если, съ другой стороны, мы знаемъ, что этотъ умъ, давъ круговращательное движеніе веществу, остается затѣмъ у Анаксагора празднымъ зрителемъ мірообразовательнаго процесса, то не возникаетъ ли само собою предпо-

ложение, что ближайшая нужда, вызвавшая учение о немъ, состояла въ потребности объяснить остававшійся безъ объясненія у древнихъ первый міроизидительный актъ? ¹⁾ Атомисты вводятъ первичное движеніе всѣхъ атомовъ внизъ, и это движеніе также предназначается для той же цѣли—изъ неизбежнаго столкновенія атомовъ другъ съ другомъ вслѣдствіе различія въ скорости ихъ паденія разъяснить тотъ круговоротъ, съ котораго и у нихъ начинается созиданіе міра ²⁾. И Эмпедокль знаетъ вращательное движеніе, которое и у него, какъ кажется, составляетъ первый актъ по крайней мѣрѣ объединяющей дѣятельности, которымъ объясняется у него не только соединеніе частицъ земли въ центрѣ цѣлаго, но и дальнѣйшее пребываніе ея тамъ ³⁾; новая мысль и у него состоитъ во введеніи особыхъ объясняющихъ первичные акты факторовъ, которыми у него являются силы. Если всѣ эти философы первой половины V вѣка, какъ ни отличны другъ отъ друга ихъ космогоническія системы, одинаково признаютъ первичность вращательнаго движенія какъ мірообразовательнаго акта, то это указываетъ на традиціонный характеръ такого ученія о немъ; и если они расходятся тотчасъ затѣмъ въ объясненіи его, то это свидѣтельствуетъ, что это объясненіе—новая проблема, сосредоточившая на себѣ научное сознаніе ихъ времени.

Самъ Тейхмюллеръ, однако, имѣлъ въ виду доказать не то только, что къ актамъ вѣчнаго движенія должны относиться у Анаксимандра акты вращательнаго движенія, порождающіе и разрушающіе міры,

¹⁾ Этимъ, конечно, никакъ не отрицается, что отождествить начало, дающее вращательное движеніе веществу, именно съ умомъ побуждало Анаксагора стремленіе объяснить вселенную съ эстетической точки зрѣнія и указать источникъ для психическихъ явленій.

²⁾ Diog. L. IX. 6. 235. 4—13 (о Левкиппѣ): γίνεσθαι δὲ τοὺς κόσμους οὕτω φέρεσθαι κατ' ἀποτομὴν ἐκ τῆς ἀπείρου πολλὰ σώματα παντοῖα τοῖς σχήμασιν εἰς μέγα κενόν, ἅπερ ἀθροισθέντα δίνην ἀπεργάζεσθαι μίαν, καθ' ἣν προσκρούοντα καὶ παντοδαπῶς κυκλοῦμενα διακρίνεσθαι χωρὶς τὰ ὅμοια πρὸς τὰ ὅμοια. ἰσορροπῶν δὲ διὰ τὸ πλῆθος μηκέτι δυναμένων περιφέρεισθαι, τὰ μὲν λεπτά χωρεῖν εἰς τὸ ἔξω κενόν, ὥσπερ διαττόμενα· τὰ δὲ λοιπὰ συμμένειν καὶ περιπλεκόμενα συγκατατρέχειν ἀλλήλοισι καὶ ποιεῖν πρῶτόν τι σύστημα σφαιροειδές.

³⁾ Arist. De coel. II. 13. 295. a. 14—19. Сказавъ, что всѣ, принимавшіе космогоническій процессъ, объясняютъ собраніе земли въ центрѣ вращательнымъ движеніемъ, Аристотель здѣсь продолжаетъ такъ: ὅτι δὲ μένει (то-есть, земля), ζητοῦσι τὴν αἰτίαν, καὶ λέγουσιν οἱ μὲν... οἱ δ' ὥσπερ Ἐμπειδοκλῆς, τὴν τοῦ οὐρανοῦ φοράν κύκλῳ περιθέουσαν καὶ θάττον φερομένην τὴν τῆς γῆς φοράν κωλύειν, καθάπερ τὸ ἐν τοῖς κυάθοις ὕδωρ.

онъ хотѣлъ доказать, что его безконечное во всей своей цѣлости обнято однимъ вращательнымъ движеніемъ. Само собою понятно, что все, что говорилъ онъ и что можетъ быть сказано о значеніи вращательнаго движенія какъ первичнаго акта, нисколько не доказываетъ этой мысли о погруженіи въ процессъ всего безконечнаго, а поэтому Тейхмюллеръ ¹⁾ искалъ особыхъ прямыхъ ея доказательствъ и искалъ тщетно. Онъ ссылаясь на Arist. De coel. III. 5, гдѣ Аристотель, критически обсуждая взгляды философовъ, признававшихъ одну стихію, говоритъ между прочимъ и объ единствѣ и тожествѣ движенія, которое должно предполагаться этимъ ученіемъ ²⁾. Но мы уже видѣли, что къ признающимъ одну стихію Аристотель Анаксимандра не причисляетъ, а потому все, сказанное здѣсь Аристотелемъ, къ нему относится не можетъ. Кромѣ того, уже самъ Тейхмюллеръ замѣчалъ, что нѣтъ необходимости приводимое имъ мѣсто толковать въ томъ смыслѣ, какъ будто бы въ немъ приписывалось признаніе единства движенія самимъ философамъ, учившимъ объ одной стихіи; оно можетъ указывать только на то слѣдствіе, которое должно бы, по мнѣнію Аристотеля, соединиться съ этимъ ученіемъ ³⁾; но въ такомъ случаѣ, конечно, изъ него нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ относительно ученія о движеніи у какого бы то ни было философа. Наконецъ, для доказательства мысли Тейхмюллера слишкомъ мало было бы убѣдиться даже въ томъ, что Анаксимандръ признавалъ возможность возникать въ безконечномъ въ качествѣ акта первоначальнаго и соответствующаго природѣ только одному извѣстному движенію, на примѣръ, вращательному; даже и признавая это, Анаксимандръ могъ въ то же время быть убѣжденъ, что безконечное во всей безпредѣльности своей никогда не можетъ быть обнято однимъ вращательнымъ движеніемъ; Аристотель и въ этомъ случаѣ могъ бы говорить о признаніи имъ одинаго соответствующаго природѣ движенія, одного и того же для всѣхъ вещей, возникающихъ изъ безконечнаго. Еще менѣе могла доказывать взглядъ Тейхмюллера ссылка его на De

¹⁾ Stud. Z. Gesch. de Begr., 575.

²⁾ De coel. III. 5. 304. b. 11—13: κοινόν δὲ πᾶσιν ἀμάρτημα τοῖς ἐν τὸ στοιχεῖον ὑποτιθεμένοις τὸ μίαν μόνην κίνησιν ποιεῖν φυσικὴν, καὶ πάντων τὴν αὐτήν.

³⁾ По контексту ясна необходимость этого послѣдняго толкованія; въ объясненіе высказанной мысли Аристотель прибавляетъ: ὁρῶμεν γὰρ πᾶν τὸ φυσικὸν σῶμα κινήσεως ἔχον ἀρχήν. εἰ οὖν ἅπαντα τὰ σώματα ἐν τῷ ἐστίν, πάντων ἂν εἴη μία κίνησις.

coel. II. 1, хотя самъ онъ смотрѣлъ на нее какъ на самое твердое доказательство своей мысли ¹⁾). Въ этомъ мѣстѣ Аристотель, установивъ свой взглядъ на вѣчность міра, вспоминаетъ тотчасъ затѣмъ о τοὺς ἀρχαίους καὶ μάλιστα πατρίους ἡμῶν λόγους, по которымъ есть нѣчто безсмертное и божественное изъ того, чтò имѣетъ, правда, движеніе, но движеніе такого рода, что ему нѣтъ никакой границы, а скорѣе оно служитъ границею для остального ²⁾). Подъ этими ἀρχαίους καὶ μάλιστα πατρίους λόγους Тейхмюллеръ хотѣлъ разумѣть ученіе Анаксимандра какъ происходившаго изъ Милета, родственнаго аеинянамъ по племени. Противники Тейхмюллера совершенно вѣрно возражали, что терминомъ πατριοὶ λόγοι могли обозначаться лишь сказанія, перешедшія отъ предковъ, и поэтому къ ученію Анаксимандра этотъ терминъ не подходитъ; онъ обозначаетъ здѣсь, конечно, религиозныя сказанія подобно какъ ἡ πατριος δόξα въ Metaph. IV. 8. 1014. b. 13. Относя это мѣсто къ Анаксимандру, Тейхмюллеръ имѣетъ въ виду слѣдующія за нимъ слова Аристотеля, въ которыхъ говорится о круговращеніи, не имѣющемъ ни начала, ни окончанія, продолжающемся безконечное время ³⁾; для доказательства его взгляда на вѣчное движеніе у Анаксимандра ему нужна именно эта послѣдняя мысль. Но эта мысль въ словахъ Аристотеля не отнесена прямо къ древнимъ сказаніямъ; она высказана только въ качествѣ объясненія того, почему Аристотель признаетъ истиннымъ ученіе о безсмертіи и божественности движущейся границы міра, заключающееся въ этихъ сказаніяхъ, и ничто не препятствуетъ думать, что это объясненіе дѣлается Аристотелемъ съ своей собственной точки зрѣнія на движеніе міровой границы. Считалось ли самими древними это движеніе вѣчнымъ или оно ими считалось, на примѣръ, только безконечнымъ, а не вмѣстѣ и безначальнымъ, онъ во всякомъ случаѣ могъ

¹⁾ Stud. z. Gesch. d. Begr. 575—581.

²⁾ De coel. II. 1. 284. a. 2—6: διόπερ καλῶς ἔχει συμπεῖθειν ἑαυτὸν τοὺς ἀρχαίους καὶ μάλιστα πατρίους ἡμῶν ἀληθεῖς εἶναι λόγους, ὡς ἔστιν ἀθάνατον τι καὶ θεῖον τῶν ἐχόντων μὲν κίνησιν, ἐχόντων δὲ τοιαύτην ὥστε μὴ εἶναι πέρας αὐτῆς, ἀλλὰ μᾶλλον ταύτην τῶν ἄλλων πέρας.

³⁾ Вслѣдъ за цитованными словами Аристотель говоритъ: τό τε γὰρ πέρας τῶν περιεχόντων ἐστί, καὶ αὕτη ἡ κυκλοφορία τέλειος οὐσα περιέχει τὰς ἀτελεῖς καὶ τὰς ἐχούσας πέρας καὶ παύσαν, αὕτη μὲν οὐδεμίαν οὐτ' ἀρχὴν ἔχουσα οὐτε τελευτήν, ἀλλ' ἀπαυστος οὐσα τον ἄπειρον χρόνον, τῶν δ' ἄλλων τῶν μὲν αἰτία τῆς ἀρχῆς, τῶν δὲ δεχομένη τὴν παύσαν.

одобрительно отнестись къ религиозному ученію о безсмертіи и божественности движущейся границы міра и всегда могъ въ объясненіе своего одобренія сослаться на несомнѣнную съ его точки зрѣнія научную истину, что граница принадлежитъ бытію, обнимающему все остальное бытіе, и что круговое движеніе, которое принадлежитъ ей, есть движеніе вѣчное, условливающее собою все, а само не условливаемое ничѣмъ другимъ. И въ общей связи этого мѣста есть черты, несомнѣнно доказывающія, что такова именно и есть мысль Аристотеля, въ τοῖς ἀρχαίοις πατρίοις λόγοις подвижное бытіе названо ἀθάνατον, но безъ прибавки ἀγένητον или αἰδίον, хотя передъ самыми этими словами Аристотель говорилъ о τῆς ἀθανασίας καὶ τῆς αἰδιότητος неба; и послѣ того какъ онъ разъяснилъ, почему перешедшее отъ предковъ мнѣніе онъ считаетъ истиннымъ, онъ тотчасъ же опять ясно указываетъ границы, въ которыхъ можно сблизять мнѣніе древнихъ съ его собственнымъ мнѣніемъ: говоря о взглядѣ древнихъ на небо, онъ опять ограничивается для неба эпитетомъ ἀθάνατον, и при этомъ прибавляетъ, что представляемое имъ самимъ доказательство свидѣтельствуетъ, что оно ἀφθαρτος καὶ ἀγένητος ¹⁾). Изъ всего этого ясно, что здѣсь дѣло идетъ о такомъ древнемъ ученіи, по которому божественное подвижное бытіе считалось, правда, безсмертнымъ, но не считалось не происшедшимъ, какъ это и должно было быть по миѳологическому взгляду на небо. Но подобное ученіе, очевидно, даже совсѣмъ не подходило бы къ тому воззрѣнію, которое Тейхмюллеръ хотѣлъ приписать Анаксимандру.

Есть положительное препятствіе приписывать Анаксимандру ученіе о вращаніи безконечнаго во всей его цѣлости. Противники взгляда Тейхмюллера совершенно справедливо говорили, что въ понятіи вращающагося безконечнаго заключается слишкомъ явное противорѣчіе, чтобы мы сочли себя въ правѣ приписать его философу, не имѣя ясныхъ и рѣшительныхъ свидѣтельствъ, усвоющихъ ему подобное вопіющее противорѣчіе. Правда, Тейхмюллеръ ²⁾ и Таннери ³⁾, позднѣе отстаивавшіи мысль Тейхмюллера, старались сгладить это противорѣчіе, толкуя понятіе τὸ ἄπειρον не въ смыслѣ пространственной

¹⁾ Тотчасъ за предш. цит.: τὸν δ' οὐρανὸν καὶ τὸν ἄνω τόπον οἱ μὲν ἀρχαῖοι τοῖς θεοῖς ἀπένειμαν ὡς ὄντα μόνον ἀθάνατον. ὁ δὲ νῦν μαρτυρεῖ λόγος ὡς ἀφθαρτος καὶ ἀγένητος.

²⁾ Stud. z. Gesch. de Begr. 5. 56.

³⁾ Tannery. Pour hist. de la seien. hellen. 1887. 94—95. 97—98.

безпредѣльности, а въ смыслѣ (не безусловной, а относительной) неопредѣленности или неразграниченности его содержанія; не рѣшаясь утверждать, чтобы Анаксимандръ ясно принималъ протяженіе за границами своего безконечнаго, то-есть, прямо утверждалъ его пространственную ограниченность (противорѣчіе такого представленія съ терминомъ *ἄπειρον* было бы слишкомъ очевидно), они говорили о неразвитости въ то время представленія о пространственной безпредѣльности или объ отсутствіи у Анаксимандра какой-либо мысли, которая переходила бы предѣлы огненной коры міра. Таннери ищетъ даже прямого доказательства невозможности приписать Анаксимандру представленіе о пространственной безпредѣльности и ссылается на его объясненіе неподвижности земли въ центрѣ цѣлага изъ равенства повсюду разстояній ея отъ его границъ: если преемники Анаксимандра отказываются отъ этого объясненія, то это, по его мнѣнію, признакъ прогресса въ развитіи представленій о безконечномъ протяженіи, не имѣющемъ ни центра, ни границъ. Однако, когда Аристотель ¹⁾ говоритъ объ Анаксимандровомъ объясненіи неподвижности земли, онъ ни однимъ словомъ не даетъ понять, что дѣло идетъ о границахъ безконечнаго, а не образовавшагося въ немъ міра, въ которомъ только (а не въ одновидномъ безконечномъ) и можетъ различаться земля отъ другихъ предметовъ. И едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, о какихъ краяхъ или границахъ могла въ этомъ случаѣ идти рѣчь у Анаксимандра: какъ бы мало развитымъ мы ни предположили у Анаксимандра представленіе о неизмѣримомъ протяженіи, все же говорить о границахъ неограниченнаго едва ли ему могло бы придти на мысль; и Аристотель, который очень обстоятельно опровергаетъ его объясненіе неподвижности земли, не преминулъ бы, конечно, указать на такое явное противорѣчіе, еслибы оно дѣйствительно было. Что же касается причинъ, заставившихъ преемниковъ Анаксимандра отказаться отъ его объясненія неподвижности земли, то онѣ слишкомъ ясны: каждый брошенный вверхъ, слѣдовательно удаленный отъ центра камень, возвращаясь на землю, служилъ опроверженіемъ Анаксимандровой мысли; сказать, что земля не двигается ни въ какую сторону вслѣдствіе равенства разстоянія своего отъ предѣловъ міра,

¹⁾ Arist. De coel. II. 13. 295. b. 10—296. a. 23. Встрѣчающееся у Гипполита, Dox. Diels 559. 23, подобное же извѣстіе отличается совершенною неопредѣленностью и большою неточностью (διὰ τὴν ὁμοίαν πάντων ἀποστασιν, говоритъ Гипполитъ).

это значило перенести понятіе о низѣ, то-есть, объ естественномъ направленіи паденія тѣлъ, оставленныхъ безъ поддержки, на сферическую поверхность вселенной, а такое представленіе, какъ оно ни было смѣло и какъ ни казалось съ перваго взгляда остроумнымъ, слишкомъ противорѣчило всему человѣческому опыту, чтобы была нужда отыскивать какія-нибудь чрезвычайныя причины, по которымъ отъ него отказались непосредственно слѣдовавшіе за Анаксимандромъ философы. Эти непосредственно слѣдовавшіе за Анаксимандромъ философы всѣ безъ исключенія понимаютъ подъ *ἄπειρον* пространственно безпредѣльное бытіе; если Пифагорейцы привносятъ въ это понятіе признакъ качественной неопредѣленности, то ихъ безконечное все же не перестаетъ быть отъ того и пространственно безпредѣльнымъ; Анаксимандръ съ его понятіемъ о τὸ *ἄπειρον* какъ о бытіи только качественно неопредѣленномъ былъ бы исключеніемъ. Но такого исключенія на дѣлѣ не было. Когда онъ мотивировалъ признаніе безконечности начала неизсякаемостью рожденія, то, конечно, разумѣлъ подъ нею не качественную неопредѣленность, которая обезпечить неоскудѣваемости рожденія не могла. Когда извѣстія о немъ говорятъ, что его безконечное обнимаетъ все или обнимаетъ міры ¹⁾, то они, конечно, расширяютъ его во всѣ стороны далѣе предѣловъ бытія, находящагося въ космогоническомъ процессѣ; и Аристотель, упрекая признающихъ субстратъ помимо стихій въ томъ, что ихъ τὸ *ἄπειρον* καὶ τὸ *περιέχον* не можетъ существовать обособленно отъ другихъ предметовъ, предполагаетъ, конечно, что въ качествѣ τὸ *ἄπειρον* καὶ τὸ *περιέχον* этотъ субстратъ признается способнымъ къ такому существованію, то-есть, простирающимся за границы міра ²⁾. Говорить о неспособности Анаксимандра ставить протяженіе за границами вращающейся міровой сферы неудобно уже потому, что жившій за цѣлыя столѣтія до него поэтъ-миѳологъ Гезіодъ оказывается уже очевидно способнымъ ставить особыя подземныя протяженія, которыя лежатъ уже за предѣлами того протяженія, которое подъ землею соотвѣтствуетъ разстоянію земли до небснаго свода; тѣмъ менѣе удобно приписать такую неспособность философу, который ясно сознавалъ ограниченность міра, такъ какъ при объясненіи неподвижности земли прямо говорилъ о краяхъ вселенной и опредѣлялъ по-

¹⁾ Dox. Diels. 559. 18 (Гипполитъ о безконечномъ Анаксимандра): πάντας περιέχειν τοὺς κόσμους, сл. Arist. Phys. III. 4. 11—15.

²⁾ Gen. et. corr. II. 5. 332. a. 20—25.

рядомъ небесныхъ тѣлъ до самыхъ высшихъ небесныхъ пространствъ ¹⁾.

Болѣе ясное представленіе о вѣчномъ движеніи по взгляду Анаксимандра, мнѣ кажется, можно составить себѣ лишь уяснивъ связь между этимъ движеніемъ и самою безпредѣльностью начала.

Безпредѣльность Анаксимандрова начала по протяженію какъ постулатъ вѣчнаго движенія.

Вѣчное движеніе есть причина рожденія и разрушенія; съ вѣчностью движенія, слѣдовательно, ставится и вѣчность процессовъ рожденія и разрушенія. Несомнѣнно, по ученію Анаксимандра, нашъ міръ нѣкогда возникъ: онъ описывалъ его происхожденіе. Если движеніе существовало вѣчно, то до возникновенія нашего міра долженъ былъ существовать другой міръ или другіе міры. Одно извѣстіе говоритъ, что онъ, по его мнѣнію, и разрушимъ ²⁾; мы не имѣемъ основанія не довѣрять этому извѣстію; сама прошедшая исторія міра указываетъ на его будущую судьбу: въ началѣ вода облежала вокругъ всей земли, огненная сфера облежала его снаружи какъ кора дерево, то-есть, однородныя массы земли, воды, потомъ, вѣроятно, воздуха и поверхъ всего огненной стихіи концентрическими сферами обнимали одна другую; теперь вода осталась не смѣшанною только въ земныхъ углубленіяхъ, остальная испарилась и въ качествѣ тончайшихъ паровъ перемѣшалась съ воздухомъ; массы воздуха разорвали огненную сферу, охватили разорванныя части, такъ что пламя можетъ прорываться только изъ отверстій, которыя и составляютъ то, что называемъ мы солнцемъ, луною и звѣздами; и здѣсь, такимъ образомъ, произошло перемѣшеніе огненной стихіи съ воздухомъ подобно тому, какъ съ нимъ перемѣшалась вода; впереди, слѣдовательно, нужно ожидать продолженія этого процесса, а вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно болѣе и болѣе полного и внутренняго объединенія стихій, которое дастъ опять ту одновидную природу, изъ раздѣленія которой возникъ этотъ міръ. Если движеніе вѣчно, долженъ существовать міръ или міры по разрушеніи міра нашего. Чтò приложимо къ нашему міру, то уже по аналогіи можно приложить къ каждому другому. Не рожден-

¹⁾ Dox. Diels. 345. 9—10 (Plut. Plac. и Стобѣй): Ἀναξίμανδρος... ἀνωτάτω μὲν πάντων τὸν ἥλιον τετάχθαι, μετ' αὐτὸν δὲ τὴν σελήνην κτλ. Ibid. 560. 5— (Hippol. объ Анаксимандрѣ): ἀνωτάτω μὲν εἶναι τὸν ἥλιον, κατωτάτω δὲ τοὺς τῶν ἀπλανῶν ἀστέρων κύκλους.

²⁾ Ibid. 331. 12—15 (Stob.): Ἀναξίμανδρος... φθαρτὸν τὸν κόσμον.

ныхъ міровъ Анаксимандръ не зналъ: это слѣдуетъ уже изъ того, что Аристотель о всѣхъ своихъ предшественникахъ говоритъ, что они всѣ небо признаютъ происшедшимъ, всѣ занимаются космогоническимъ процессомъ, и вся теорія ихъ говоритъ о рожденіи и гибели ¹⁾; и всѣ извѣстія объ Анаксимандрѣ говорятъ о рожденіи небесъ и міровъ и прямо указываютъ на вѣчное движеніе какъ на причину ихъ рожденія ²⁾. Но вѣчное движеніе есть процессъ, не рождающій только, но и разрушающій ³⁾; изъ единственнаго отрывка, который мы имѣемъ изъ сочиненія Анаксимандра, мы видимъ, что, по его мнѣнію, изъ чего существующее рождается, въ то оно должно и разрушиться, и это Симплицій передаетъ въ прямой связи съ упоминаніемъ объ ученіи его о рожденіи міровъ изъ безконечнаго ⁴⁾; ясно, такимъ образомъ, что и міровъ неразрушимыхъ Анаксимандръ не зналъ. Если же это такъ, то ученіе о вѣчномъ движеніи само собою превращается въ ученіе о безчисленныхъ мірахъ, смѣнная жизнь которыхъ должна наполнить вѣчность. И извѣстія дѣйствительно говорятъ намъ, что Анаксимандръ принималъ безчисленные міры, то возникающіе, то разрушающіеся ⁵⁾. И

¹⁾ De caelo I. 10. 279. b. 12—13: γινόμενον μὲν οὖν ἅπαντες εἶναι φασίν (τὸν οὐρανόν). Phys. VIII. 1. 250. b. 15—18: εἶναι μὲν οὖν κίνησιν πάντας φασίν οἱ περὶ φύσεως τι λέγοντες διὰ τὸ κοσμοποιεῖν καὶ περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς εἶναι τὴν θεωρίαν πᾶσαν αὐτοῖς. Спорный вопросъ о томъ, не описывалъ ли кто-нибудь изъ предшественниковъ Аристотеля происхожденія міра лишь для разъясненія элементовъ, изъ которыхъ состоитъ онъ, не предполагая рожденія міра въ собственномъ смыслѣ, Анаксимандра, конечно, касаться не можетъ.

²⁾ Simpl. in Phys. 41. 18—19 (объ Анаксимандрѣ): ἧς (ἀρχῆς) τὴν αἰδίον κίνησιν αἰτίαν εἶναι τῆς τῶν οὐρανῶν γενέσεως ἔλεγεν. Dox. Diels. 559. 21—22 (Гипполитъ объ Анаксимандрѣ): κίνησιν αἰδίον εἶναι, ἐν ᾗ συμβαίνειν γίνεσθαι τοὺς οὐρανοὺς. Другія свидѣтельства см. ниже.

³⁾ Ibid. 653. 24—25 (Гермійъ объ Анаксимандрѣ): ταύτη (то-есть, вѣчнымъ движеніемъ) τὰ μὲν γεννᾶσθαι τὰ δὲ φθεῖρεσθαι.

⁴⁾ Simpl. in Phys. 24. 17—19: ἐξ ἧς (φύσεως ἀείρου) ἅπαντας γίνεσθαι τοὺς οὐρανοὺς καὶ τοὺς ἐν αὐτοῖς κόσμους· ἐξ ὧν δὲ ἡ γένεσις ἐστὶ τοῖς οὐσι, καὶ τὴν φθορὰν εἰς ταῦτα γίνεσθαι κατὰ τὸ χρεῶν.

⁵⁾ Dox. Diels. 579. 8—11 (Plut. Strom. объ Анаксимандрѣ): ἐξ οὗ (τοῦ ἀείρου) δὴ φησι τοὺς τε οὐρανοὺς ἀποκεκρίσθαι καὶ καθόλου τοὺς ἅπαντας ἀείρους ὄντας κόσμους. ἀποφάνετο δὲ τὴν φθορὰν γίνεσθαι καὶ πολὺ πρότερον τὴν γένεσιν ἐξ ἀείρου αἰῶνος ἀνακυκλουμένων πάντων αὐτῶν. Ibid. 531. 10—14 (Cicero de natur. Deor. 1—10): Anaximandri autem opinio est nativos esse deos longis intervallis orientis occidentisque, eosque innumerabilis esse mundos. Ibid. 173. August. de civit. Dei. VIII. 2: Anaximander... ex suis propriis principiis quasque res nasci putavit. quae rerum principia singularum esse credidit infinita et innumerabiles

Аристотель, не упоминая, правда, имени Анаксимандра, ставитъ въ связь у своихъ предшественниковъ вообще учение о вѣчномъ движеніи съ учениемъ о безчисленныхъ мірахъ ¹⁾.

Съ учениемъ о вѣчномъ движеніи, такимъ образомъ, неразрывно соединено учение о послѣдовательномъ возникновеніи другъ за другомъ безчисленныхъ міровъ. Но съ нимъ же соединено было у Анаксимандра и учение о пространственной безпредѣльности безконечнаго. Мы уже имѣли случай упоминать, что безконечное постулировалось Анаксимандромъ ради неизсякаемости рожденія; но рождение есть результатъ вѣчнаго движенія; слѣдовательно, по мнѣнію Анаксимандра, продуктивность вѣчнаго движенія считалась обусловленною пространственною безпредѣльностью начала. Какимъ же это образомъ? И если вѣчность движенія въ одно и то же время предполагаетъ и череду безчисленныхъ міровъ, и пространственную безпредѣльность начала, то не должны ли оба послѣднія понятія стоять во внутренней связи одно съ другимъ? Что такая связь предполагалась, на это, по видимому, указываетъ извѣстіе Plut. Plac. и Stobæa, гдѣ учение о безчисленныхъ мірахъ и именно мірахъ рождающихся и разрушающихся, связанное съ учениемъ о безконечности начала, ставилось вмѣстѣ въ какую-то связь съ доказательствомъ безконечности ²⁾. Въ новой ученой литературѣ, однако, этому, очевидно, очень важному вопросу о связи пространственной безпредѣльности съ вѣчнымъ рожденіемъ по ученію Анаксимандра не посвящались ³⁾. Целлеръ, упоминая объ Анаксимандровомъ доказательствѣ

mundos gignere et quaecumque in eis oriuntur; eosque mundos modo dissolvi modo iterum gigni existimavit quanta quisque aetate sua manere potuerit.

¹⁾ Phys. VIII. 1. 250. b. 18—21: ὅσοι μὲν ἀπειροὺς τε κόσμους εἶναι φασί, καὶ τοὺς μὲν γίνεσθαι τοὺς δὲ φθεῖρεσθαι τῶν κόσμων, αἱεὶ φασὶν εἶναι κίνησιν (ἀναγκαῖον γὰρ τὰς γενέσεις καὶ τὰς φθορὰς εἶναι μετὰ κινήσεως αὐτῶν).

²⁾ Dox. Diels. 277. 7—14: Ἀναξίμανδρος... φησὶ τῶν ὄντων τὴν ἀρχὴν εἶναι τὸ ἀπειρον... διὸ καὶ γενέσθαι ἀπειροὺς κόσμους καὶ πάλιν φθεῖρεσθαι εἰς τὸ ἐξ οὗ γίνεσθαι. λέγει γοῦν (по некоторымъ кодексамъ οὖν) διότι ἀπείραντόν ἐστιν, ἵνα κτλ.

³⁾ Въ одномъ изъ историко-философскихъ произведеній самаго послѣдняго времени (Baumker: D. Probl. d. Mater. in d. Griech. Phil. 1890. 13—14) даже заподозривается достоверность извѣстій объ Анаксимандровомъ доказательствѣ безконечности начала на томъ основаніи, что оно слишкомъ совпадаетъ съ однимъ изъ доказательствъ безконечности, которыя, по Аристотелю, приводились древними, и этимъ будто бы возбуждаетъ подозрѣніе, что оно на основаніи простой догадки позднѣйшими писателями отнесено къ Анаксимандру. Такимъ образомъ фактъ срывація позднѣйшихъ извѣстій объ Анаксимандрѣ съ неопредѣленнымъ указаніемъ Аристотеля на мнѣнія древнихъ,—фактъ, который, каза-

безконечности начала, ограничивается заявленіемъ лишь о его несостоятельности, ссылаясь на критическое замѣчаніе о немъ Аристотеля, и совсѣмъ не пытается разъяснить ту связь понятій и тотъ взглядъ на міровую жизнь, которые имъ должны предполагаться ¹⁾. Само собою понятно, что всего менѣ могли благоприятствовать правильному разъясненію связи между безконечностью и вѣчнымъ продуктивнымъ процессомъ у Анаксимандра взгляды тѣхъ ученыхъ, которые погружали это безконечное во всей его цѣлости въ одинъ круговращательный процессъ, такъ какъ по этимъ взглядамъ безконечность начала прямо оказывалась рѣшительно противорѣчающею тому продуктивному движенію, во имя котораго она постулировалась Анаксимандромъ. Съ наибольшимъ вниманіемъ останавливается на разъясненіи Анаксимандрова доказательства безконечности Нейгәузеръ. Но онъ разъясняетъ его такъ, что вывести изъ него безконечность начала на самомъ дѣлѣ оказывается невозможнымъ. Онъ думаетъ, что въ этомъ доказательствѣ рѣчь идетъ исключительно о восполненіи разрушающихся частей въ каждомъ отдѣльномъ мірѣ, то-есть, что вещество каждаго изъ частныхъ предметовъ, подвергающихся разрушенію въ томъ или другомъ частномъ мірѣ, никогда

дось бы, долженъ давать болѣе вѣры этимъ извѣстіямъ, превращается въ доказательство ихъ ненадежности. Однако извѣстіе о мотивѣ, на который ссылался Анаксимандръ, доказывая безконечность начала, встрѣчается не у писателей одной только группы: упоминаемое въ Plac. Plut., у Stob. и у Евсевія оно встрѣчается у комментаторовъ Филопона и Симплиція Philop. in Phys. 432 15—16: ὁ Ἀναξίμανδρος δεῖν μὲν οἰόμενος ἀπειρον εἶναι τὴν ἀρχὴν διὰ τὴν αἰτενεσίαν, ἵνα μὴ ἐπιλείπῃ. Simpl. in Arist. Coel. 273. b. 38. ed. Carst. (Neuh. An. M. 328. 2): Ἀναξίμανδρος... ἀπειρον πρῶτος ὑπέθετο, ἵνα ἔχη χρῆσθαι πρὸς τὰς γενέσεις ἀφθόνως. Притомъ Аристотель приводитъ нѣсколько доказательствъ безконечности начала у древнихъ и между ними одно такое, о которомъ даже онъ самъ говоритъ (Phys. III. 4. 203. b. 22—23): μάλιστα δὲ καὶ κοινώτατον, ὃ τὴν κοινὴν ποιεῖ ἀπορίαν πᾶσιν, а между тѣмъ извѣстія относить къ Анаксимандру только одно изъ этихъ доказательствъ и не это послѣднее. Наконецъ, изъ древнѣйшихъ физиковъ не одинъ только Анаксимандръ училъ безконечности начала, о ней же говорила и нѣкоторые изъ его преемниковъ, между тѣмъ извѣстія мотивируютъ безконечность начала неоскудѣваемостью рожденія только въ отношеніи къ его ученію. Все это доказываетъ, что въ основаніи ихъ лежитъ преданіе независимое отъ не пріуроченнаго къ опредѣленнымъ именамъ перечня доказательствъ безконечности у Аристотеля.

¹⁾ Zell. Phil. d. Griech. 1. 217. Поэтому Целлеръ не хочетъ даже придавать Анаксимандру понятію о безконечномъ особаго значенія въ развитіи философской мысли.

не принимает, по мнѣнію Анаксимандра, въ дальнѣйшее время прежнихъ формъ, а возвращается въ первичное состояніе или тотчасъ же при разрушеніи этого предмета, или черезъ посредство другихъ формъ, такъ что погибшіе предметы должны замѣняться постоянно новыми и новыми выдѣленіями изъ безконечнаго ¹⁾. Последняя мысль, хотя и нѣтъ извѣстій, которая прямо ее бы подтверждала ²⁾, сама по себѣ не представляетъ ничего невѣроятнаго. Если

¹⁾ *Neuh.* An. M. 315—319. Основаніе толковать ἡ γένεσις, на неоскудѣваемость котораго ссылался Анаксимандръ, въ смыслъ замѣны только погибшихъ вещей въ томъ или другомъ опредѣленномъ мірѣ совсѣмъ новыми Нейгзюзеръ видитъ въ словѣ ἡ ὑφισταμένη, которое въ извѣстіяхъ Plut. Plac., Стобѣя и Евсевія прибавляется къ ἡ γένεσις (соответствующаго этому слову выраженія нѣтъ ни у Аристотеля, ни у комментаторовъ) и которое даетъ ему право утверждать de ortu et interitu rerum, quae in mundo nunc consistenti cernantur (Ibid. 317). Но если ἡ ὑφισταμένη должно показывать, что дѣло идетъ въ строгомъ смыслѣ de ortu et interitu rerum, quae in mundo nunc consistenti cernantur, то какое же основаніе будетъ имѣть самъ Нейгзюзеръ говорить, что ipsius cuiusque mundi partes... constanter novis secretionibus suppleri (ibid. 316—317)? Если же мысль Анаксимандра не ограничивается mundo nunc consistenti (въ подлинныхъ словахъ извѣстій ни о какомъ мірѣ не упоминается), то необходимо будетъ признать, что при словѣ ἡ ὑφισταμένη та черта существующаго рожденія, по которой оно относится къ опредѣленному, именно данному теперь физическому міру, не берется во вниманіе, а существующее рожденіе разсматривается просто въ качествѣ существующаго, такъ что продолженіемъ его должно считаться не рожденіе только въ предѣлахъ одного опредѣленнаго міра, а вообще дальнѣйшій процессъ рожденія, все равно относится ли онъ къ тому же міру или къ дѣлому ряду міровъ, смѣняющихъ другъ друга.

²⁾ Нейгзюзеръ въ доказательство ея ссылается на Аристотелево опроверженіе въ Meteor. II. 2. изложеннаго тамъ взгляда на космогоническій процессъ. Но этотъ взглядъ, какъ выше было показано, къ Анаксимандру не относится. Притомъ же Аристотелево опроверженіе лишь въ томъ случаѣ могло бы служить подтвержденіемъ мнѣнія Нейгзюзера, еслибы Аристотелемъ предполагалось, что философы, учившіе возникновенію воздуха изъ испареній воды, рѣшительно отрицали возвращеніе какой-либо части испареній обратно въ воду; но этого изъ словъ Аристотеля не видно; напротивъ того, онъ ясно допускаетъ возможность для держащихся этого мнѣнія предполагать, что часть превратившейся въ воздухъ воды вновь переходитъ въ воду; опровергая ихъ онъ настаиваетъ на томъ, что на самомъ дѣлѣ не часть испарившейся воды, а вся она вновь дышется водою (Meteor. II. 2. 355. a. 25—32: φαερὸς γὰρ αἰεὶ τὸ ἀναχθέν ὄρωμεν καταβαῖνον πάλιν ὕδωρ... ἐν γέ τισι τεταγμένοις χρόνοις ἀποδίδωσι πᾶν τὸ ληφθέν, ὡς οὕτε τρεφομένων τῶν ἀνωθεν, οὕτε τοῦ μὲν μένοντος ἀέρος ἤδη μετὰ τὴν γένεσιν, τοῦ δὲ γιγνομένου καὶ φθειρομένου πάλιν εἰς ὕδωρ, ἀλλ' ὁμοίως ἅπαντος διαλυομένου καὶ συνισταμένου πάλιν εἰς ὕδωρ). Если понимать космогоническій процессъ у Анаксимандра такъ, какъ понимаетъ его Нейгзюзеръ, то

Анаксимандръ, какъ это прямо слѣдуетъ изъ его доказательства безконечности начала, былъ убѣжденъ, что процессъ рожденія долженъ исчерпывать содержаніе начала, то, конечно, это убѣжденіе должно было такъ или иначе (хотя, вѣроятно, и не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ предполагаетъ это Нейгзюзеръ) отразиться и на ученіи его о замѣнѣ однихъ вещей другими въ каждомъ частномъ мірѣ. Но жизнь каждаго міра, по Анаксимандру, ограничена по времени, слѣдовательно, безконечной продуктивности начала изъ нея выводиться нельзя, и нельзя сослаться на неоскудѣваемость рожденія, когда рѣчь идетъ о жизни опредѣленнаго міра, въ которомъ продукція должна нѣкогда изсякнуть. Жизнь каждаго міра ограничена по протяженію, тѣмъ менѣе изъ нея можно было выводиться пространственную безпредѣльность начала, которая прежде всего должна была подразумеваться Анаксимандромъ въ его безконечномъ.

Въ Аристотелевомъ изложеніи и критикѣ ¹⁾ того доказательства безконечности, которое позднѣйшими писателями относится къ Анаксимандру, слишкомъ ясно подъ безконечностію разумѣется не потенциальная, а актуальная (именно по протяженію) безконечность и также ясно постулируется она въ интересахъ обезпеченія рожденія отъ прерыва. Такъ какъ каждый міровой процессъ, по Анаксимандру, долженъ окончиться, слѣдовательно прерваться, то о гарантіяхъ его непрерывности Анаксимандръ, конечно, говорить не могъ. Вѣчно, по его ученію, лишь вообще продуктивное движеніе, порождающее безконечный рядъ міровъ; слѣдовательно, подъ непрерывностію рожденія, которую должна была гарантировать безконечность начала, можетъ разумѣться только это продуктивное движеніе, обнимающее собою не частную только продукцію въ опредѣленныхъ мірахъ, но вмѣстѣ и рядъ послѣдовательныхъ продукцій самыхъ міровъ. Чтобы отъ непрерывности этого продуктивнаго движенія заключать къ пространственной безпредѣльности начала, философъ долженъ былъ предполагать, что

самое предположеніе, будто бы, по его ученію, часть міра, перешедшая изъ одной формы въ другую, не могла возвратиться въ прежнее состояніе, будетъ противорѣчить прямымъ извѣстіямъ объ его ученіи. По извѣстію Гипполита, Dox. Diels. 560. 9—10, Анаксимандръ принималъ, что βετόν δὲ ἐκ τῆς ἀτρίδος τῆς ἐκ τῶν ὕψ' ἡλίον ἀναδιδομένης; и еслибы справедливо было, что по его ученію, какъ думаетъ Нейгзюзеръ, все, кромѣ огня, происходило изъ воды, то происхожденіе дождя изъ ἀτρίδος, очевидно, было бы возвращеніемъ въ воду части воды, перешедшей уже въ другое состояніе.

¹⁾ Arist. Phys. III. 4. 203. b. 15—20. Ibid. 8. 208. a. 8—11. Самый текстъ приведенъ былъ выше.

эта непрерывная продукция не может совершаться на ограниченномъ протяженіи. Но такъ какъ каждый отдѣльный міровой процессъ несомнѣнно совершается на одномъ ограниченномъ протяженіи, то признать, что непрерывная продукция не можетъ совершаться на ограниченномъ протяженіи, очевидно, нельзя было, не предполагая, что замѣна одного процесса другимъ всегда требуетъ новаго протяженія. При этомъ же послѣднемъ предположеніи постулатъ пространственной безпредѣльности начала ради неизсякаемости рожденія дѣлается совершенно понятнымъ; если каждый новый міровой процессъ требуетъ новой части начала для своей реализаціи, то совершенно понятно, что вѣчность продуктивнаго процесса, который можетъ осуществляться лишь въ мірахъ, подлежащихъ разрушенію, слѣдовательно лишь въ безчисленныхъ смѣняющихся другъ друга мірахъ, непремѣнно должна предполагать начало, имѣющее безчисленные части, способныя начать міровой процессъ, то-есть, должна предполагать пространственно безпредѣльное начало. Только при такомъ пониманіи смѣны міровъ заключеніе отъ непрерывности рожденія къ пространственной безпредѣльности начала не есть пустой софизмъ, который могъ бы быть понятенъ или въ устахъ діалектика, или въ разгаръ борьбы философскихъ направленій, но рѣшительно не понятенъ въ устахъ мыслителя, начинавшаго собою философское развитіе и стоявшаго на почвѣ возможныхъ для его времени физическихъ и астрономическихъ наблюдений и математическихъ знаній. Если Аристотель противъ Анаксимандра доказательства безконечности возражаетъ, что новое рожденіе можетъ происходить на счетъ происшедшаго разрушенія, то этимъ предполагается, что Анаксимандръ не принималъ этого круговорота въ бытіи, и разрушившееся (то-есть, возвратившееся въ начало) оставалось у него на вѣки безъ возврата къ жизни; и если къ разрушаемому (то-есть, къ возвращавшемуся въ начало) относились у него не частныя только предметы, но и міры, то отсюда слѣдуетъ заключать, что и закончившая міровой процессъ часть безконечнаго должна была, по его ученію, быть уже лишена производительности, оставаться на вѣки въ покоѣ¹⁾). Нѣкоторое косвенное, но не лишенное значенія под-

1) Очень темный слѣдъ пониманія связи между безконечностію и неизсякаемостію быванія можно находить въ различеніи у комментаторовъ двойкаго способа рожденія ἐπ' εὐθείας и κόλφ и отнесеніи перваго къ признающимъ безконечное по величинѣ начало, послѣдняго къ признающимъ начало ограниченное; Симплицій, in Phys. 42. 3—6, указавъ на отсутствіе въ Arist. Phys. I. 2. 184 b

тверженіе сдѣланнаго вывода мы можемъ, какъ мнѣ кажется, найти и въ другомъ мѣстѣ Аристотеля. Сказавъ, что всѣ его предшественники признавали небо (τὸν οὐρανόν) происшедшимъ, Аристотель¹⁾ дѣлитъ ихъ затѣмъ на три группы: одни признавали его послѣ происхожденія продолжающимъ существовать вѣчно, другіе разрушимымъ, третьи существующимъ посмѣнно то такъ, то иначе, на сколько онъ переживаетъ періодически состоянія разрушенія. Различіе между двумя послѣдними группами, очевидно, полагается имъ въ томъ, что одна изъ нихъ принимала разрушеніе неба безъ возврата его къ новой жизни²⁾, другая же принимала образованіе вновь того же неба изъ состоянія разрушенія. Понятно само собою, что изъ этихъ трехъ группъ Анаксимандръ не можетъ отнестись къ первой, такъ какъ онъ признавалъ разрушеніе міра. Но мнѣ кажется также несомнѣннымъ, что онъ долженъ быть отнесенъ ко второй, а не къ третьей группѣ, и именно на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) при третьей группѣ Аристотель самъ указываетъ на философовъ, которыхъ имѣетъ въ виду, прямо называя Эмпедокла и Гераклита и только ихъ однихъ³⁾; 2) при критикѣ этого воззрѣнія онъ говоритъ о погруженіи въ міровой процессъ τοῦ ὅλου σώματος⁴⁾, чтò, какъ мы видѣли, не приложимо къ Анаксимандрову безконечному; 3) лишь при критикѣ втораго воззрѣнія Аристотель упоминаетъ о безчисленныхъ мірахъ, считая принятіе ихъ необходимымъ для послѣдовательнаго развитія этого ученія⁵⁾. Если же признать это, то едва ли можно сомнѣ-

16—18 упоминанія о безконечности началъ Анаксимандра и Анаксимена, въ виду толкованія этого факта Александромъ замѣчаетъ: ἀπειροῦ μὲν γὰρ οὐσης τῆς ἀρχῆς κατὰ μέγεθος ἢ οὐ γίνεται ἢ δυνατόν ἐπ' ἀπειρον ἐπ' εὐθείας ἂπ' αὐτῆς γίνεσθαι τὰ γινόμενα, πεπερασμένης δὲ ἀνακολεῖσθαι τὴν γένεσιν ἀνάγκη ἢ ἐκλείπειν ποτέ. Другое же подобное мѣсто изъ Simpl. Coel. 91. b. 41 приводитъ Neuh. An. M. 319. № 1.

1) Arist. De coel. I. 10. 279. b. 13—15: ἀλλὰ γινόμενον οἱ μὲν αἰδίον, οἱ δὲ φθαρτόν... οἱ δ' ἐναλλάξ ὅτε μὲν οὕτως ὅτε δὲ ἄλλως ἔχειν φθειρόμενον, καὶ τοῦτο αἰεὶ διατελεῖν οὕτως.

2) Ibid. 280. a. 23—24: τὸ δ' ὅλως γινόμενον φθαρῆναι καὶ μὴ ἀνακάμπτειν, такъ характеризуетъ Аристотель это воззрѣніе при его критикѣ.

3) Ibid. 279. b. 15—16.

4) Ibid. 280. a. 19—21: εἰ τὸ ὅλον σῶμα συνεχὲς ὂν ὅτε μὲν οὕτως ὅτε δ' ἐκείνως διατίθεται καὶ διακεκόσμηται κτλ.

5) Ibid. 23—27: τὸ ὅλως γινόμενον φθαρῆναι καὶ μὴ ἀνακάμπτειν ὄντος μὲν ἐνός ἀδύνατον ἐστὶν πρὶν γὰρ γενέσθαι αἰεὶ ὑπῆρχεν ἢ πρὸ αὐτοῦ σύστασις, ἣν μὴ γενομένην οὐχ οἶόν τ' εἶναι φαιεῖν μεταβάλλειν ἀπειρων δ' ὄντων ἐνδέχεται μᾶλλον. Слѣдуетъ замѣтить, что Стобѣй, Док. Diels. 331. 12—15, называетъ міръ у Анаксимандра, Анаксимена, Анаксагора (?), Архелая и Диогена φθαρτόν, то-есть, употребляетъ о

ваться, что Аристотель смотрѣлъ на смѣняющіе другъ друга міры у Анаксимандра какъ на развивающіеся изъ различныхъ частей безконечнаго. Эмпедоклъ и, нужно думать, Гераклитъ признавали полное разрушеніе смѣняющихся другъ друга міровъ въ первичную стихію (Гераклитъ) или стихіи (Эмпедоклъ), такъ что тождественнымъ въ послѣдовательно созидаемыхъ мірахъ оставалось у нихъ лишь вещество; однако Аристотель, ссылаясь на тождество мірообразовательнаго порядка и состава этихъ міровъ, считаетъ возможнымъ утверждать, что разрушающимся по ихъ взгляду слѣдуетъ считать не міръ, а лишь состоянія имъ переживаемыя; а міръ у нихъ въ дѣйствительности вѣченъ ¹⁾; поэтому, если онъ у философовъ второй группы никакъ не отрицаетъ полного разрушенія міра безъ возврата, и если, съ другой стороны, единство и тождество природы Анаксимандрова безконечнаго несомнѣнно обезпечивало у него единство мірообразовательнаго порядка при послѣдовательныхъ космогоніяхъ, то отнесеніе его ко второй группѣ въ отличіе отъ Эмпедокла и Гераклита было бы совершенно не понятно, еслибы не предполагалось у него различія въ самомъ веществѣ смѣняющихся другъ друга міровъ; а это различіе міровъ по веществу у философа, говорившаго объ единомъ началѣ, конечно, могло состоять только въ томъ, что различные міры созидались у него не изъ однихъ и тѣхъ же частей безконечнаго. Не случаетъ, конечно, уже и тотъ фактъ, что въ группѣ философовъ, признающихъ міръ посмѣнно существующимъ то такъ, то иначе, оказались поименованными исключительно такіе мыслители древности (Гераклитъ и Эмпедоклъ), которые призна-

немъ тотъ самый терминъ, которымъ у Аристотеля характеризуется міръ у философовъ второй группы, а объ Эмпедокловомъ мірѣ говорить *ibid.* 19 — 20, φείρεσθαι κατὰ τὴν ἀντεπικράτειαν τοῦ νεῖκου καὶ τῆς φίλιας, что опять составляетъ, очевидно, только примѣненіе къ особенностямъ Эмпедокловой системы общаго выраженія Аристотеля, употребленнаго имъ совокуно объ Эмпедоклѣ и Гераклитѣ (см. выше); только о способѣ примѣненія понятія разрушенія къ міру Гераклита у Стобѣи нѣтъ упоминанія и вмѣсто того стоитъ очевидно перепутанное извѣстіе, *ibid.* 5 — 7: Ἡράκλειτος, οὐ κατὰ χρόνον εἶναι γενητὸν τὸν κόσμον, ἀλλὰ κατ' ἐπίνοιαν.

¹⁾ De coel. I. 10. 280. a. 11 — 23, τὸ δ' ἐναλλάξ συνιστάναι καὶ διαλύειν οὐθὲν ἀλλοιότερον ποιεῖν ἐστὶν ἢ τὸ κατασκευάζειν αὐτὸν αἰδίον μὲν ἀλλὰ μεταβάλλοντα τὴν μορφήν . . . δῆλον γάρ ἐστι καὶ εἰς ἄλλα τῶν στοιχείων συνιόντων οὐχ ἢ τοιοῦσα τάξιν γίγνεται καὶ σύστασις, ἀλλ' ἢ αὐτή. . . ὥστ' . . . οὐκ ἂν ὁ κόσμος γίγναιτο καὶ φθείραιτο, ἀλλ' αἱ διαθέσεις αὐτοῦ.

вали вещество ограниченнымъ, а для группы философовъ, учившихъ о безвозвратной гибели міра, остается во всякомъ случаѣ выборъ только между такими мыслителями, которые принимали или одно безконечное начало, или безчисленное множество началъ (атомисты): одинъ этотъ фактъ уже доказываетъ, что убѣжденіе въ полной разрушимости міра стояло въ неразрывной связи съ убѣжденіемъ въ безпредѣльности вещества, которая давала возможность созидать новые міры или изъ совѣтъ новаго вещества (при единомъ безконечномъ), или по крайней мѣрѣ изъ различныхъ комбинацій новаго съ прежнимъ (при безчисленности атомовъ, несущихся въ единомъ пространствѣ). Всматриваясь ближе въ систему Анаксимандра, мы найдемъ, что мысль производить новые міры изъ все новаго и новаго вещества такъ естественна для нея, что было бы даже удивительно, еслибъ Анаксимандръ не пришелъ къ этой мысли. Въ виду того, что субстратъ міра опредѣляется какъ τὸ ἐκ τοῦ αἰδίου γόνιμον θερμὸν τε καὶ ψυχρὸν, то-есть, какъ такая часть въ вѣчномъ, которая отличается въ немъ отъ остальныхъ его частей признакомъ γόνιμον, едва ли можно понимать τὸ γόνιμον въ смыслѣ плодovitаго, плодоносящаго или сѣмени; это значило бы признать, что вѣчное не однородно въ частяхъ своихъ: одно въ немъ плодovито или сѣмя, другое же не имѣетъ такого свойства; но этимъ нарушилась бы та однородность безконечнаго, которая одинаково предполагается въ немъ какъ Аристотелемъ, такъ и Теофрастомъ. Мнѣ кажется, τὸ γόνιμον означаетъ здѣсь готовность къ рожденію, зрѣлость для него. Если извѣстная часть безконечнаго въ опредѣленный моментъ времени погружается въ мировой процессъ; если самая сущность времени полагается въ томъ, что опредѣлены границы рожденія и гибели ¹⁾, то, конечно, готовность этой части къ выдѣлительному процессу, къ мировой продукціи должна опредѣляться временемъ, и міръ долженъ былъ возникать изъ того, въ чемъ въ опредѣленный моментъ (κατὰ τὰς ἐξ χρόνου) возникаетъ эта готовность. Если, затѣмъ, Анаксимандръ очерчивалъ самый космогоническій процессъ такъ, что за періодомъ полного міроваго развитія должно было въ естественномъ порядкѣ слѣдовать постепенное погруженіе развившагося разнороднаго бытія въ однородное начало, то все это въ совокупности, очевидно, даетъ представленіе цикла

¹⁾ Dox. Diels. 559. 18 — 19 (Hippol. объ Анаксимандрѣ): λέγει δὲ χρόνον ὡς ὀρισμένης τῆς γενέσεως καὶ τῆς οὐσίας καὶ τῆς φθορᾶς.

органическаго развитія жизни порождающей, разцвѣтающей и затѣмъ дряхлѣющей и разлагающей. Подобно созрѣвшему для развитія въ организмъ зачатку, часть безконечнаго, вступающая въ мировую процессъ, должна была, конечно, быть исполнена жизненной энергии, быть готова къ выдѣленію разнообразныхъ частей и органовъ цѣлаго; но точно также подобно одряхлѣвшему организму, она должна была возвращаться въ свое первооснованіе, истощивши свою энергію. Какъ же было предполагать въ той же части, въ томъ же субстратѣ силу для новаго цикла развитія? Не старѣющимъ, вѣчно юнымъ (ἀγήρω) Анаксимандръ называлъ самое безконечное и называлъ его такъ именно въ противоположность времени, ограничивающему все рождающееся и погибающее¹⁾; ясно поэтому, что лишь этому безконечному, которое въ силу самой своей безконечности обезпечивало неизсякаемость продуктивнаго процесса, а не той или другой его части, вступающей въ процессъ рожденія, должна была принадлежать вмѣстѣ съ этою вѣчною юностью и вѣчная продуктивность. Для тѣхъ философскихъ системъ древности, которыя знали не начало только, но и конецъ міра и за нимъ новые мірообразовательные процессы, представленіе космогоническаго процесса какъ законченнаго въ себѣ цикла развитія, какъ процесса развитія, истощанія и смерти должно было съ такою роковою необходимостью вызывать мысль о все новомъ и новомъ субстратѣ для новыхъ мировъ, что тѣ философы, которые признаютъ ограниченное начало и въ то же время не хотятъ отказаться отъ идеи цѣлаго ряда послѣдовательныхъ космогоній (Гераклитъ и Эмпедокль), достигаютъ этого лишь тѣмъ, что отказываются смотрѣть на рожденіе и разрушеніе міра какъ на естественное проявленіе соответствующаго состоянія его жизненной энергіи. Для талантливаго Гераклита смѣна мировыхъ состояній превращается въ простую игру съ самимъ собою мирового принципа, въ простую забаву Божественнаго Дитяти, находящаго усладу въ этомъ вѣчномъ движеніи смѣны²⁾; а играющій въ глубокomyслие Эмпедокль не можетъ объяснить этихъ состояній иначе,

¹⁾ *Dox. Diels.* 559. 17—19 (Hippol. обь Анаксимандрѣ): ταύτην δ' (φύσιν τιὰ τοῦ ἀπείρου) αἰὼν εἶναι καὶ ἀγήρω... λέγει δὲ χρόνον κτλ., см. выше.

²⁾ *Mullach.* Fragm. philos. graec. I. Heracl. fragm. 44: αἰὼν παῖς ἐστὶ παῖζων, πεττεῶν παῖδός ἢ βασιληγῆ. И это относится именно къ космогонической двательности; Procl. Comment. in Tim. p. 101 (см. тамъ же) говорится: ἄλλοι δὲ καὶ τὸν δημιουργὸν ἐν τῷ κοσμοῦργεῖν παῖζε·ν εἰρήκασι, καθάπερ Ἡράκλειτος; впрочемъ тоже ясно уже изъ того, что съ παῖς отождествляется αἰὼν.

какъ ссылкой на вѣчную клятву¹⁾, значеніе которой остается у него безъ всякаго объясненія; сказать проще, онъ не умѣетъ объяснить череды мірообразованій и міроразрушеній на основаніи физическихъ аналогій подобно Анаксимандру и не умѣетъ оправдать ее съ эстетической точки зрѣнія подобно Гераклиту, и поэтому ищетъ убѣжища въ терминѣ, правда почтенномъ, такъ какъ онъ взялъ изъ религиозныхъ представленій, но для котораго онъ не можетъ указать никакого смысла въ примѣненіи къ тому случаю, на который онъ его переноситъ. Но какъ бы Гераклитъ и Эмпедокль ни объясняли возможность міросозидательныхъ процессомъ послѣ міроразрушеній, во всякомъ случаѣ характернымъ представляется уже тотъ фактъ, что именно эти оба философа, къ которымъ Аристотель относитъ ученіе о мірѣ, переживающемъ состояніе разрушенія и вновь возникающемъ, и которыхъ отличаетъ отъ признававшихъ безвозвратную гибель міра, — именно эти два философа ясно и рѣшительно учатъ круговороту бытія, возвращенію прежняго состоянія на мѣсто смѣнивашаго его. Хорошо извѣстно, что Эмпедокль не только признаетъ, но и особенно рельефно ставитъ на видъ ученіе о періодической смѣнѣ многого единымъ и единого многимъ. Не менѣе рельефно и въ отрывкахъ Гераклита выступаетъ ученіе обь относительности жизни и смерти²⁾, о тождествѣ пути вверхъ и внизъ³⁾; и если ближайшій смыслъ этихъ положеній Гераклита касается смѣны жизни въ опредѣленномъ наличномъ мірѣ, то не слѣдуетъ забывать, что и ученіе о безвозвратной гибели міра, конечно, опиралось, все равно сознательно или безсознательно, на циклъ органической жизни, то-есть, на факты разрушенія частныхъ предметовъ; съ другой стороны, энергическія заявленія обь относительности рожденія и смерти, обь измѣненіяхъ вещества въ обѣ противоположныя стороны во всякомъ случаѣ служатъ свидѣтельствомъ яснаго и рѣшительнаго признанія вообще возможности круговоротнаго движенія въ бытіи; и когда Гераклитъ, признававшій смѣну мірообразовательныхъ и міроразрушительныхъ процессовъ, тѣмъ не менѣе въ извѣстномъ, подвергав-

¹⁾ *Mull.* I. Fr. Emp. v. 177—180:

Αὐτὰρ ἐπεὶ μέγα νεῖκος ἐνὶ μελέεσσιν ἐθρέφθη
ἐς τιμὰς τ' ἀνόρουσε, τελειομένοιο χρόνοιο,
ὅς σφιν ἀμοιβαίος πλατέος παρελήλαται ὄρκου,
πάντα κτλ.

²⁾ *Ibid.* Heracl. Fragm. 46, 59, 60, 62, 67.

³⁾ *Ibid.* 32, 91, слич. *Zell.* I. 614—615.

шемся разнообразнымъ толкованіямъ, отрывкѣ (Fragm. 27) восклицаетъ: „міръ одинъ и тотъ же для всѣхъ сполна вещей не сдѣлалъ кто-либо ни изъ боговъ ни изъ людей, но онъ всегда былъ, есть и будетъ вѣчно-живой огонь въ соответствующей мѣрѣ воспламеняющійся и потухающій“, то развѣ эти слова не представляютъ самаго энергическаго выраженія для мысли о совершенномъ единствѣ, полнѣйшемъ тождествѣ сущности, переживающей процессы мірообразования в міроразрушенія? И чѣмъ рельефнѣе выступаютъ такого рода мысли у Эмпедокла и Гераклита, тѣмъ болѣе права видѣть въ нихъ особенность ихъ системъ или по крайней мѣрѣ взглядъ, ясно не выраженный въ системахъ болѣе древнихъ. Но еслибы уже у Анаксимандра и Анаксимена міры ясно слѣдовали другъ за другомъ, развиваясь изъ одного и того же субстрата, то мысль о круговоротѣ бытія выражалась бы въ самомъ этомъ ученіи такъ рѣшительно и опредѣленно, какъ можно только того желать, и къ энергическому заявленію ея позднѣйшими мыслителями едва ли существовалъ достаточный поводъ.

Такимъ образомъ и та связь, въ которую самъ Анаксимандръ ставитъ понятіе о не изсякающемъ продуктивномъ процессѣ съ безпредѣльно-стію начала и его взглядъ на самый міровой процессъ и позднѣйшія ученія объ одномъ субстратѣ, по-смыслу переживающемъ многочисленные процессы, — все это заставляетъ насъ думать, что вѣчное движеніе, представляемое во всей его цѣлости, было въ главахъ Анаксимандра послѣдовательнымъ движеніемъ мірообразовательныхъ процессовъ все далѣе и далѣе въ глубь его безконечнаго. Съ этой стороны опять выступаетъ аналогія между его системой и системой Анаксагора, который также училъ непрерывному расширенію міроваго процесса въ глубину безпредѣльнаго, но съ тѣмъ существеннымъ различіемъ отъ Анаксимандра, что тогда какъ для Анаксимандра это движеніе въ глубь безконечнаго было порожденіемъ все новыхъ и новыхъ міровъ, для Анаксагора оно представляетъ все большее и большее расширеніе единаго міра, захватъ все большихъ и большихъ частей безпредѣльнаго тѣмъ единымъ вращательнымъ движеніемъ, которое нѣкогда дано было веществу умомъ ¹⁾.

¹⁾ Simpl. in Phys. 156, 21—24 (слова Анаксагора): καὶ τῆς περιχώρητος τῆς οὐλάσης νόος ἐκράτησεν, ὥστε περιχώρησαι τῆν ἀρχήν. καὶ πρῶτον ἀπὸ τοῦ ἀμικροῦ ἤρξαστο περιχώρειν, ἐπει δὲ πλείον περιχώρει, καὶ περιχώρησαι ἐπὶ πλείον. Мы не касаясь вопроса о томъ, принималъ ли Анаксимандръ, кромѣ ряда міровъ, по-

Значеніе Анаксимандрова ученія о безконечномъ.

Греческая философія съ самаго начала выступила съ тою же вѣрой въ возникновеніе нѣкогда и постепенное образованіе вселенной, которая жила въ преданіяхъ мифологіи, и ея вниманіе, подобно какъ и Гезіодовой теогоніи сосредоточено было на мірообразовательномъ процессѣ; лишь на разъясненіи его постепенно уяснялись для философскаго сознанія другія проблемы философскаго знанія и въ связи съ его разъясненіемъ получали онѣ свое разрѣшеніе, такъ что Аристотель считалъ себя въ правѣ сказать о своихъ древнихъ предшественникахъ физикахъ, что они κοσμοποιεῖν καὶ περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς εἶναι τὴν θεωρίαν πᾶσαν αὐτοῖς, Phys. VIII, 1. 250, b. 15 — 18. Но самая постановка въ философіи ученія о космогоническомъ процессѣ, равно какъ и постепенное усложненіе этого ученія возникавшими новыми проблемами такъ существенно отличали философскія ученія отъ мифологическихъ взглядовъ, что, не смотря на сходство ихъ по предмету, мы, переходя отъ космогоній поэтовъ къ космогоніямъ философовъ, живо чувствуемъ, что вступаемъ въ совершенно новую умственную атмосферу. Новое направленіе умозрѣнія довольно опредѣленно обозначается уже у Фалеса; но его черты во всей своей полнотѣ и рельефности выступаютъ лишь въ системѣ Анаксимандра, назвавшаго безконечное началомъ вселенной.

Философское космогоническое ученіе отличалось отъ древней Гезіодовой космогоніи уже тѣмъ, что въ немъ отчетливо поставлены были тѣ вопросы, которые для сознательнаго и послѣдовательнаго мышленія неминуемо должны были возникать изъ самаго предположенія о происхожденіи вселенной. Убѣжденіе въ томъ, что міръ не вѣченъ, что онъ нѣкогда произошелъ, естественно вело прежде всего къ вопросу о его будущей судьбѣ. Извѣстія усвояютъ Фалесу ученіе не только о томъ, что все возникло изъ воды, но и о томъ, что все разрѣшается въ воду. На выраженія, въ которыхъ передается это ученіе, конечно, едва ли можно смотрѣть какъ на совершенно точную формулу Фалесова взгляда: не изъ сочиненій Фалеса, а изъ истори-

слѣдовательно существующихъ другъ за другомъ, безчисленные міры, одновременно существующіе, такъ какъ при разъясненномъ выше взглядѣ на смыслъ міровъ, рѣшеніе этого вопроса ничего не можетъ прибавить къ ученію о безконечномъ.

ческого преданія почерпались свѣдѣнія о немъ, по видимому, уже самимъ Аристотелемъ. Но такъ какъ нельзя сомнѣваться, что Фалесъ вмѣстѣ со всюю древностію былъ убѣжденъ въ происхожденіи вселенной, то намъ достаточно принять, что имъ устанавливалась связь, въ какой бы то ни было формѣ, между происхожденіемъ вещей изъ воды и разрѣшеніемъ ихъ въ воду, чтобы придти къ убѣжденію, что въ его сознаніи не могъ не быть ясно поставленъ вопросъ о судьбѣ не частныхъ только вещей, относящихся ко вселенной, но и самой вселенной. Другое дѣло дальнѣйшая проблема, которая возникала изъ того же предположенія объ ограниченности нашей вселенной по времени ея существованія. Начались ли только съ возникновеніемъ нашего міра всѣ космическіе процессы и кончатся ли они съ нимъ? Должны ли мы предположить ничѣмъ невозмутимый покой первичнаго вещества до возникновенія нашего міра и послѣ его разрушенія? Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что эти вопросы возбуждались уже въ мысли Фалеса. Во всякомъ случаѣ первымъ мыслителемъ, ясно поставившимъ ихъ въ своемъ сознаніи, былъ Анаксимандръ. Ему первому усвоается извѣстіями ученіе о вѣчномъ движеніи, то-есть, отрицаніе покоя первоначальнаго вещества за предѣлами періода жизни нашего міра; ему первому усвоается ученіе о безчисленныхъ мірахъ, смѣняющихъ другъ друга, то-есть, ясное и отчетливое представленіе о судьбѣ бытія до возникновенія и послѣ разрушенія нашей вселенной. Какое огромное значеніе имѣли эти вопросы для его мышленія, объ этомъ достаточно свидѣтельствуется тотъ фактъ, что самое крупное понятіе въ его системѣ, его понятіе о безконечности начала, мотивировалось неизсякаемостью рожденія, то-есть, убѣжденіемъ въ вѣчности мірозидительной дѣятельности начала. И разъ ясно поставленная Анаксимандромъ проблема уже не исчезаетъ изъ философскаго сознанія, хотя рѣшеніе ея получаетъ различныя формы: то является оно въ формѣ Анаксимандрова же ученія о безчисленныхъ мірахъ, то принимаетъ форму ученія объ единомъ мірѣ періодически возникающемъ и разрушающемся, то наконецъ, пройдши подготовительныя ступени, развивается въ ученіе объ единомъ вѣчномъ мірѣ, то-есть, беретъ назадъ самое то предположеніе о происхожденіи міра, изъ котораго оно впервые возникло.

Ученіе о вѣчномъ движеніи и о смѣнѣ міровъ въ системѣ Анаксимандра, какъ мы видѣли, даетъ логическое оправданіе для признанія безконечности начала въ смыслѣ его пространственной без-

предѣльности. Такъ получаетъ ясную и отчетливую постановку другая проблема—о конечности или безконечности бытія. Противорѣчивыя извѣстія о водѣ Фалеса, называющія ее то конечною, то безконечною (Simpl. in Phys. 23. 22 сл. 458. 24 — 25), тѣмъ самымъ показываютъ, что они въ системѣ Фалеса ищутъ отвѣта на вопросъ, который въ опредѣленной формѣ имъ еще и не ставился; и сомнительно, чтобъ Анаксимандръ могъ называть начало однимъ терминомъ τὸ ἄταρον, еслибы уже до него этотъ терминъ примѣнялся къ другому веществу, отличному отъ его вещества и также принимаемому за начало. Этотъ новый вопросъ о конечности или безконечности бытія вызвалъ въ вѣка классической философіи едва ли не болѣе споровъ, чѣмъ какой-либо другой философскій вопросъ. Правда, не самое Анаксимандрово доказательство безконечности бытія наиболѣе сосредоточивало на себѣ философское вниманіе (хотя, конечно, и съ этимъ доказательствомъ приходилось имѣть дѣло); приковывали вниманіе къ вопросу о конечности или безконечности бытія тѣ трудности, которыя находилъ анализъ въ понятіи безконечнаго, все равно ставилось ли оно въ мысли какъ вещественное бытіе или какъ пустота, окружающая міръ. Но этотъ анализъ, это сознаніе трудностей впервые сдѣлались возможными, лишь когда ясно былъ поставленъ вопросъ о безконечномъ продолжающемся за предѣлами міра бытіи, а это именно и сдѣлано было системой Анаксимандра ¹⁾.

¹⁾ Понятно, что это не значить, чтобы идея безконечнаго по протяженію бытія не имѣла своего историческаго генезиса въ смыслѣ постепеннаго проясненія ея въ сознаніи. Важнѣйшимъ переходнымъ моментомъ въ этой исторіи, мнѣ кажется, было представленіе о трансцендентномъ въ отношеніи къ міру протяженномъ бытіи, простирающемся въ неопредѣленную даль. Едва ли можно отрицать даже у древнѣйшихъ поэтовъ способность хотя смутно представлять протяженіе за границами вселенной: оно предполагается извѣстнымъ Гезіодовымъ описаніемъ границы вселенной, куда свержены были Титаны. Сомнительно, чтобъ и Фалесъ протяженіе подземной воды представлялъ себѣ такимъ незначительнымъ, чтобы вращающіеся свѣтила не встрѣчали его на своемъ подземномъ пути: такое представленіе едва ли не равнялось бы признанію, что вода вмѣстѣ съ плавающей на ней землею есть метеоръ, а между тѣмъ о Фалесѣ ничего подобнаго извѣстія не говорятъ, и выпуклая постановка подобнаго извѣстія о положеніи земли по ученію Анаксимандра (у Гипполита), по видимому, доказываетъ, что Анаксимандръ первый открывалъ подъ землею свободное мѣсто круговращенію неба; вѣрнѣе предположить, что вода Фалеса простиралась внизъ (и, конечно, въ боковыя стороны, но едвали вверхъ) въ неопредѣленную даль и что въ ней она искала такой опоры для земли, которая не представляла бы со стороны

Философія не только расширила представление о космическом процессѣ за тѣ предѣлы времени, далѣе которыхъ оказывалось без-

своей плотности такихъ же препятствій для круговращенія неба, которая должна была бы представлять земля; въ такомъ случаѣ дѣлается болѣе понятнымъ приписываемое ему Гипполитомъ (Dox. Diels. 555. 4—5) ученіе, что водою ἄστρων κινήσεις γίνεσθαι; и если въ своей водѣ онъ искалъ болѣе удобопроеходимой среды для вращающагося неба, то его взглядъ окажется естественною переходною ступеню къ геніальной мысли Анаксимандра, что земля есть метеоръ. Но если принять это предположеніе, то въ массѣ воды, лежащей глубже того разстоянія, на которомъ вращается небо, мы будемъ, очевидно, имѣть бытіе трансцендентное въ отношеніи къ нашей вселенной, и въ такомъ случаѣ и другое ученіе Анаксимандра о томъ, что начало обнимаетъ вселенную или небеса, сдѣлается для насъ совершенно понятнымъ; дѣло въ томъ, что какъ Гезіодъ, такъ и древнѣйшіе философы іонійской школы ищутъ опоры для вселенной и естественно ставятъ первымъ реальнымъ звеномъ бытія то, чтѣ можетъ служить такой опорой: у Гезіода происхожденіе земли, которую онъ называетъ εὐρύστερος πάντων ἔδος ἀσφαλές αἰεὶ ἀθανάτων и къ которой прикрѣплено все бытіе, предшествуетъ происхожденію другихъ частей универсума, у Фалеса начало отождествляется съ водою, которая служитъ опорой самой землѣ, у Анаксимена оно отождествляется съ воздухомъ, которымъ, по его ученію, поддерживается земля и даже важнѣйшія свѣтила (Arist. De coel. II. 13. 294. b. 13—16. Hippol. Dox. Diels. 561. 2—4, сл. Teichm. Stud. z. Gesch. d. Begr. 84—91); естественно, что и Анаксимандръ смотрѣлъ на начало какъ на опору вселенной; и какъ скоро онъ перенесъ понятіе о низѣ, то-есть, о направленіи паденія тѣлъ, оставленныхъ безъ поддержки, на всю небесную периферію (какъ это видно изъ его доказательства неподвижности земли), неизбѣжно, начало и опора вселенной должна была у него не продолжаться только неопредѣленно внизъ, а охватить (περιέχειν) вселенную со всѣхъ сторонъ. Если тотъ же терминъ περιέχειν употребляется и Анаксименъ (Plut. Plac. и Stob. Dox. Diels. 278. 12—15), воротившійся, очевидно, къ Фалесу понятію о низѣ, то это, конечно, уже результатъ установившагося понятія о безконечности начала, слѣдовательно, о безпредѣльномъ распространеніи его во всѣ стороны; но при этомъ все же заслуживаетъ вниманія, что Анаксименъ сравниваетъ значеніе охватывающаго міръ воздуха съ значеніемъ души, которая, будучи воздухомъ, συγκρατεῖ ἡμᾶς; ясно, что съ представленіемъ охвата міра началомъ продолжаетъ соединяться представленіе о началѣ какъ не допускающемъ распаданія частей міра, условливающимъ соединенія ихъ въ одно цѣлое, — мысль, которая всего удобнѣе могла явиться при Анаксимандровомъ представленіи объ одинаковой возможности для всѣхъ центральныхъ частей вселенной разлетѣться во всѣ стороны. Когда Анаксимандръ вслѣдствіе сдѣланнаго имъ открытія, что земля метеоръ, пришелъ къ своему особому представленію о низѣ и поэтому призналъ начало облегачающимъ міръ со всѣхъ сторонъ, то оставался одинъ шагъ для того, чтобы отъ этого представленія неопредѣленнаго продолженія бытія во всѣ стороны за границами міра перейти къ ясной концепціи бытія безпредѣльнаго. Мысль о вѣчномъ движеніи и смѣнѣ міровъ въ выше разъясненномъ смыслѣ побудила сдѣлать этотъ шагъ, а вмѣстѣ дала логическое оправданіе

сильно заглянуть воображеніе древнѣйшихъ поэтовъ, она не только требовала сознательной постановки конечности или безконечности бытія, она существенно измѣняла самое представленіе о космогоническомъ процессѣ. Характерную черту философскихъ космогоній даетъ намъ ясно видѣть Аристотель, когда онъ не одинъ разъ и очень опредѣленно говоритъ объ общемъ убѣжденіи физиковъ, что ничто не возникаетъ вновь и не превращается въ ничто¹⁾. Открытаго ученія о возникновеніи изъ ничего старается по возможности избѣгать уже древняя космогоническая поэзія. По установленіи первыхъ звеньевъ бытія, Гезіодъ говорилъ о рожденіи одного бытія изъ другаго, рисуя, очевидно, процессъ постепеннаго усложненія бытія аналогично съ процессомъ размноженія индивидуумовъ въ мірѣ человѣческомъ. Потребность въ такого рода образахъ, конечно, возникала изъ того же инстинкта мысли, который вызвалъ позднѣе сознательную вѣру въ невозможность чистаго возникновенія изъ ничего; но эти образы давали только мнимое удовлетвореніе вызвавшему ихъ инстинкту: въ космогонической поэзіи порождающее не убывало вслѣдствіе выдѣленія изъ него порождаемаго, а сохранялось во всей своей цѣлости, и такъ какъ эта поэзія не имѣла никакого представленія объ актѣ творческой воли, то порожденія на дѣлѣ были по своей субстанціи непонятною прибавкою къ существующему, то-есть, возникали изъ чистаго ничто. Убѣжденіе въ невозможности возникновенія изъ ничего и полнаго исчезновенія, съ которымъ выступила философія, въ существѣ дѣла равнялось убѣжденію, что кажущееся возникновеніе и исчезновеніе суть лишь замѣна одного бытія другимъ, что, напримѣръ (если взять эту мысль въ примѣненіи къ предметамъ, о которыхъ нерѣдко упоминается въ извѣстіяхъ о космогоническихъ взглядахъ философовъ) пары суть только испарившіяся или утончившіяся части воды, дождь—осѣдающіе или уплотнившіеся пары и пр. п. Это проясненіе инстинкта мысли, совершившееся, конечно, частію подъ вліяніемъ на-

ніе представленію о безконечномъ бытіи. Совершенно понятно, что представленіе о περιέχειν, на которомъ уяснялось понятіе τὸ ἀπειρον, тотчасъ же (вѣроятно, уже у Анаксимандра) само искало себѣ логическаго оправданія въ послѣднемъ понятіи, которое такъ счастливо, какъ казалось, нашло для себя твердую опору въ ученіи о вѣчномъ движеніи.

¹⁾ Phys. I. 4. 187. a. 27—29: διὰ τὸ ὑπολαμβάνειν τὴν κοινὴν δόξαν τῶν φυσικῶν εἶναι ἀληθῆ, ὡς οὐ γινόμενον οὐδενὸς ἐκ τοῦ μὴ ὄντος. Gen. et corr. I. 3. 317. b. 28—31: ὁ μάλιστα φοβούμενοι διέτέλειαν οἱ πρῶτοι φιλοσοφῆσαντες, τὸ ἐκ μηδενὸς γίνεσθαι προὔπαρχοντος. То же Metaph. I. 3. 984. a. кон. и др.

копленія фактовъ, свидѣтельствовавшихъ о такой замѣнѣ одного бытія другимъ, частію вслѣдствіе болѣе сознательнаго и внимательнаго отношенія къ фактамъ извѣстнымъ издавна, должно было произвести настоящій переворотъ въ космогоническихъ взглядахъ. Живая фантазія народа и его древнихъ поэтовъ не только олицетворяла разнообразныя части вселенной, небо, землю, море, рѣки и пр., она рисовала общія представленія, отвлеченныя отъ частныхъ сходныхъ другъ съ другомъ явленій (дня, ночи, зари, молніи, грома и пр. п.), въ качествѣ особыхъ конкретныхъ предметовъ и смотрѣла на послѣдніе какъ на непосредственную причину частныхъ явленій, которыхъ они дѣлались олицетворенными представителями; вслѣдствіе этого какъ наблюдаемая послѣдовательность частныхъ явленій одного за другимъ, такъ и разнообразныя другія случайно образовавшіяся ассоціаціи между ними вели къ установленію въ космогоническомъ процессѣ генетической связи не между самими этими явленіями, а между олицетворенными ихъ отвлеченіями, тогда какъ самыя явленія уже непосредственно сводились къ этимъ отвлеченіямъ какъ своимъ причинамъ. Теперь идея замѣны одного бытія другимъ при возникновеніи и исчезновеніи бытія неволью заставляла генетически связывать другъ съ другомъ самыя явленія и реальныя предметы; такимъ образомъ олицетворенныя отвлеченія оказывались излишними для ихъ объясненія и должны были скромно и безъ шума сойти со сцены. Та же идея должна была при самомъ установленіи генетической связи между предметами и явленіями ограничивать значеніе случайныхъ ассоціацій, такъ какъ неволью заставляла обращаться къ такого рода фактамъ послѣдовательности, гдѣ можно было или прямо подмѣнить замѣну одного реальнаго бытія другимъ, или косвенно убѣдиться въ подобной замѣнѣ. Съ другой стороны, та же идея замѣны одного бытія другимъ при кажущемся возникновеніи и исчезновеніи должна была повести къ постановкѣ въ философскомъ сознаніи новаго философскаго вопроса. Вѣра въ невозможность безусловнаго возникновенія и безусловнаго уничтоженія есть вѣра въ непрерывное продолженіе реальности и должна вызывать стремленіе точнѣе опредѣлить то, что именно продолжаетъ существовать въ процессѣ смѣны, не смотря на пестроту смѣннаго разнообразія. Первыя философскія системы, выходящія изъ предположенія о состоявшемся нѣкогда возникновеніи міра и, слѣдовательно, предполагавшія начало, первичное вещество, части котораго въ мірообразовательномъ процессѣ переходятъ въ новое состояніе, не могли не

слить представленіе объ этой продолжающейся реальности (какъ скоро явилась опредѣленная идея о ней) съ представленіемъ о своемъ первичномъ веществѣ, или лучше сказать, фактически идея непрерывно продолжающагося среди смѣны бытія изъ неопредѣленнаго смутнаго представленія впервые сама превращается въ опредѣленное представленіе, какъ скоро начало (*ἀρχή*) сознательно ставится не какъ только простой первый членъ цѣпи развитія, но и какъ реальность, продолжающая существовать въ другихъ предметахъ, которые изъ нея возникаютъ и которые разсматриваются какъ различные только способы ея существованія. Аристотель видитъ въ *Θαเลสѣ* родоначальника философіи; преданіе не приписываетъ *Θαλεсу* ни одного мнѣнія, которое напоминало бы особенности миѳологическихъ представленій, поэтому, хотя у насъ и нѣтъ извѣстій о подробностяхъ космогоническаго процесса по его взгляду, однако мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ томъ, что при его космогоническихъ объясненіяхъ вообще предполагалась замѣна одного бытія другимъ во всѣхъ процессахъ кажущагося возникновенія и уничтоженія. Но мы едва ли имѣемъ право думать, что уже у него неопредѣленная идея о непрерывномъ существованіи реальности при смѣнѣ перешла въ отождествленіе этой реальности съ началомъ, то-есть, что онъ уже утверждалъ не только, что изъ воды все возникаетъ и въ воду все возвращается, но что изъ воды все и состоитъ. Правда, Аристотель въ *Metaph. I. 3* подобнымъ образомъ характеризуетъ начало древнѣйшихъ философовъ вообще и тотчасъ за этимъ начинаетъ переченъ ихъ съ *Θαλεса*, слѣдовательно, и его причисляетъ къ отождествляющимъ начало съ субстратомъ. Но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ предположеніи, что въ этихъ словахъ Аристотеля всему историческому ряду мыслителей приписанъ взглядъ, который не былъ высказанъ и твердо установленъ первымъ изъ нихъ, а существовалъ у него лишь въ зачаткѣ, но который развился тотчасъ же послѣ него и долженъ былъ развиться въ силу общаго убѣжденія этихъ мыслителей въ невозможности безусловнаго возникновенія и совершеннаго уничтоженія. Если справедливо, что теорія сжатія и расширенія формулирована была лишь *Анаксименомъ*, то этотъ фактъ долженъ подтверждать высказанное предположеніе, такъ какъ для мыслителей, признававшихъ за начало стихію, то-есть, вещество простое, лишь въ этой теоріи нашло для себя отчетливое выраженіе убѣжденіе въ непрерывномъ продолженіи существованія начала при самой смѣнѣ состояній. Заслуживаетъ, при разрѣшеніи этого вопроса, вниманія и показаніе позднѣй-

нихъ извѣстій, стоящихъ ближе къ первоисточнику, изъ котораго они черпали. Въ *Plut. Strom.*, когда говорится о *Θαλεσῆ*, упоминается лишь объ *ἀρχὴν τῶν ὄλων*; но объ τὸ ἄπειρον Анаксимандра говорится здѣсь, что оно τὴν πᾶσαν αἰτίαν ἔχειν τοῦ παντός γενεσέως τε καὶ φθορᾶς¹⁾, то-есть, здѣсь, очевидно, предполагается, что безконечное Анаксимандра было уже не только началомъ какъ вода *Θαλεσα*, но представляло собою и другія формы αἰτίας. Подъ этими другими причинами, вѣроятно, нужно разумѣть между прочимъ и то, что впоследствии называлось *ὀλοκείμενον* или также *στοιχεῖον* (конечно, въ такомъ менѣе точномъ употребленіи этого слова, при которомъ не считали необходимымъ дѣлать исключеніе изъ него для Анаксимандрова безконечнаго, единственнаго во всемъ древнемъ мірѣ начала, къ которому понятіе стихій могло прилагаться лишь въ смыслѣ не совсемъ точномъ). Гипполитъ въ своемъ извѣстіи объ Анаксимандрѣ, по видимому, прямо даетъ разъясненіе этой *πᾶσα αἰτία Strom. Plut.* Онъ сначала называетъ безконечное *ἀρχὴν τῶν ὄντων*; затѣмъ назвавъ его *αἰδίον* (каὶ ἀγήρω въ противоположность понятію о времени), то-есть, приписывая ему то свойство, съ которымъ соединено непрерывное продолженіе существованія, сводитъ результатъ въ положеніе: *ὁὗτος μὲν οὖν ἀρχὴν καὶ στοιχεῖον εἶρηκε τῶν ὄντων τὸ ἄπειρον*; послѣ этого онъ заключаетъ извѣстіе о безконечномъ Анаксимандра прибавкой: *πρὸς δὲ τοῦτο κίνησιν αἰδίον εἶναι, ἐν ᾗ συμβαίνει γίνεσθαι τοὺς οὐρανοὺς*²⁾. Такимъ образомъ, мы здѣсь имѣемъ три черты безконечнаго: оно, во-первыхъ, есть начало; во-вторыхъ, вѣчно, что, нужно думать, древнему извѣстію давало поводъ называть его *στοιχεῖον* или, какъ у Симплиція, *ὀλοκείμενον*³⁾; и в-третьихъ, ему присуще вѣчное движеніе. Очень вѣроятнымъ представляется, что эти черты безконечнаго сократились въ *Plut. Strom.* въ *πᾶσαν αἰτίαν* въ очевидное отличіе отъ воды *Θαλεσα*, названной только *ἀρχὴν*⁴⁾. Но какъ бы *Θαλεсъ* ни

¹⁾ *Dox. Diels.* 579. 5—8.

²⁾ *Ibid.* 559, 15—22.

³⁾ *Simpl. in Phys.* 150. 12—13; однако въ другомъ мѣстѣ 24. 13—15 *στοιχεῖον*, какъ и у Гипполита.

⁴⁾ Видѣть въ фразѣ Гипполита объ Анаксимандрѣ *πρῶτος τοῦτομα καλέσας τῆς ἀρχῆς* (*Dox. Diels.* 559. 20—21) и въ подобныхъ фразахъ Симплиція (см. цитату предшествующую) прямое свидѣтельство о томъ, что Анаксимандръ первый назвалъ начало стихій или субстратомъ, какъ хотѣть Тейхмюллеръ и Нейгәузеръ, мнѣ кажется, нельзя: ни самый текстъ извѣстій, ни общія историческія соображенія не оправдываютъ этого взгляда.

училъ, нельзя сомнѣваться по крайней мѣрѣ въ томъ, что у Анаксимандра уже совершилось отождествленіе начала съ продолжающею непрерывно существовать при смѣнѣ реальностью: на это указываютъ не только приведенныя извѣстія, но уже и тотъ фактъ, что онъ хочетъ получить разнородное чрезъ выдѣленіе изъ безконечнаго, оберегая такимъ образомъ содержаніе безконечнаго отъ прямаго перехода въ иное бытіе и какъ бы увѣковѣчивая въ немъ самомъ это иное содержаніе, которое должно заступитъ его мѣсто. И та неисчерпаемая сила рожденія, которая приписывалась теперь началу и которая рельефно выражалась въ его пространственной безпредѣльности, сама собою способна была вызывать убѣжденіе, что его природа сохраняется, а не разрушается, переходитъ лишь въ иное состояніе, а не замѣняется совсемъ иною природою при своихъ мірообразовательныхъ процессахъ. Такимъ образомъ, эта послѣдняя мысль, проходящая различныя стадіи своего развитія въ исторіи системъ древнихъ физиковъ, но всегда въ той или другой формѣ имѣя присущая, должна была явиться уже у Анаксимандра, и можетъ быть, у него перваго.

Сочиненіе Анаксимандра не давало не только точнаго описанія природы безконечнаго, но и достаточныхъ данныхъ, изъ которыхъ можно было бы вывести его взглядъ на эту природу. Самъ Аристотель необыкновенно искусный въ толкованіи мнѣній своихъ предшественниковъ, очевидно, не рѣшается высказать опредѣленнаго сужденія о видовыхъ свойствахъ этой природы. И неопредѣленность въ этомъ пунктѣ Анаксимандровой системы не представляетъ ничего удивительнаго. Выраженія извѣстій: „природа безконечнаго“, „безконечное“, — выраженія, которыми ограничивался, конечно, и самъ Анаксимандръ, достаточно ясно говорятъ намъ, что мы присутствуемъ на торжествѣ открытія безконечности бытія и что свѣтъ великаго открытія въ *ἀρχή* этого свойства безконечности, неожиданное расширеніе доселѣ неопредѣленно очерчивавшагося передъ сознаніемъ кругозора такъ овладѣваетъ сознаніемъ, даетъ ему такое полное удовлетвореніе, что указаніе на эту безконечность кажется ему достаточнымъ разъясненіемъ всѣхъ вопросовъ относительно его природы. Однако эта неопредѣленность, въ какой по необходимости является передъ нами понятіе Анаксимандра о природѣ его безконечнаго, никакъ не безусловная. Разнообразныя отношенія, въ которыя ставились другъ къ другу безконечное и конечное бытіе при мірообразовательномъ процессѣ, все же давали возможность Аристотелю установить выше разъясненныя черты перваго, и онъ во всякомъ случаѣ достаточны для

насть, чтобы понять по крайней мѣрѣ тѣ общія задачи космогоніи, которыя вызывали представлеіе природы безконечнаго съ этими именно чертами. Признавая единство природы безконечнаго, Анаксимандръ, конечно, хотѣлъ придать ей свойства исходнаго пункта космогоническаго движенія, то-есть, возможную простоту, нерасчлененность содержанія для того, чтобы имѣть возможность уже космогоническому процессу предоставить постепенное усложненіе и расчлененіе бытія, которыя характеризуютъ вселенную. Это стремленіе обще всѣмъ взглядамъ, признающимъ происхожденіе вселенной: оно вызываетъ мысль о первоначальности хаоса у Гезіода, воды у Фалеса, воздуха у Анаксимена, смѣшенія, въ которомъ ничто не выдѣлялось, у Анаксагора и пр. Но ставя въ безконечномъ на ряду съ единствомъ и все содержаніе остальнаго бытія какъ бы въ зачаточномъ состояніи, онъ хотѣлъ, очевидно, имѣть въ немъ такое свойство, которое объясняло бы, дѣлало бы понятнымъ для мысли происхожденіе изъ него будущаго разнообразія. Если въ хаосѣ Гезіода видѣть прежде всего зияющую бездну съ самымъ неопредѣленнымъ представленіемъ о какомъ-либо содержаніи, ее наполняющимъ; если принять во вниманіе, что это содержаніе, какъ бы оно ни представлялось, очевидно, не играетъ никакой роли въ происхожденіи разнообразія, далѣе постепенно развивающагося, то послѣдняя черта Анаксимандрова начала окажется новою въ философіи сравнительно съ древнею поэзіей. Поэзія Гезіода, правда, тотчасъ же за хаосомъ вводитъ Эротъ; но Эротъ имѣетъ цѣлю объяснять только вводимые далѣе акты рожденія, но не свойства рождаемаго, онъ не разъясняетъ, почему рождаемое имѣетъ такую, а не иную природу, почему вообще представляетъ оно бытіе разнообразное. Потребность, которая вызываетъ у Гезіода представлеіе Эрота, скорѣе тождественна съ тою, которая заставляла философовъ прилагать началу вообще движеніе. Лишь теорія сжатія и расширенія представляла другую попытку объяснить изъ начала разнообразіе дальнѣйшаго бытія. Въмѣсто того, чтобы предполагать это разнообразіе какъ-то предсуществовавшимъ въ первоначальномъ бытіи и потому изъ него выдѣляющимся, она награждала начало способностью сжиматься и расширяться, то-есть, уплотняться и разрѣжаться и тѣмъ старалась сдѣлать прозрачнымъ для мысли появленіе новыхъ формъ. Если эта теорія Фалесу не принадлежала, то все, что могъ давать Фалесъ для объясненія изъ своего простаго начала будущей расчлененности и разнообразія вселенной, — все это только ограничивалось приписываемою ему Аристотелемъ ссылкой на факты опыта, доказывающіе значеніе жидкости при процессѣ рожденія. Но Аристо-

тель ясно даетъ понять, что руководится въ этомъ извѣстіи не какимъ-либо преданіемъ объ ученіи Фалеса, а простою догадкою; да и эти факты могли только свидѣтельствовать о томъ, что изъ единства жидкаго фактически возникаетъ разнообразное бытіе, но не разъясняли, какимъ образомъ это могло происходить, не дѣлали это происхожденіе понятнымъ для мысли; ссылка на факты опыта неоспоримо ставила космогонію на болѣе реальную почву, но она не давала какого-либо опредѣленнаго отвѣта на запросъ мысли, требовавшей объясненія этихъ фактовъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи взглядъ Фалеса оказывается, по видимому, лишь переходною ступенью къ установкѣ проблемы и къ попыткамъ ея рѣшенія, первый примѣръ котораго даетъ лишь система Анаксимандра. Мы уже знаемъ, какія противорѣчія должны были обнаружиться въ Анаксимандровомъ рѣшеніи этой проблемы, въ постановкѣ природы единой и въ то же время какимъ-то образомъ содержащей въ себѣ многое. Нисколько не удивительно поэтому, что тотчасъ же у его преемника Анаксимена является совершенно иное направленіе въ разрѣшеніи проблемы. Въмѣсто того, чтобы въ началѣ видѣть заключеннымъ уже все будущее разнообразіе, онъ награждаетъ его лишь такими способами движенія, которые сами собою должны давать это разнообразіе. Однако и направленіе, въ которомъ искалъ разрѣшенія проблемы Анаксимандръ, вслѣдствіе возникновенія новаго направленія въ ея рѣшеніи, никакъ не сходитъ съ исторической сцены. Въ то время какъ къ Анаксимену примыкаетъ Діогенъ Аполлонійскій, мысль Анаксимандра оказывается имѣющею въ себѣ столько привлекательнаго, что въ преобразованномъ, правда, видѣ вновь она является у Анаксагора. Вслѣдствіе открытыхъ у Анаксагора противорѣчій Архелай опять принужденъ въ этомъ пунктѣ сблизиться съ Анаксименомъ; съ нимъ замираетъ школа древнихъ физиковъ. Наклонъ къ отрицанію происхожденія міра, продолженіе анализа понятія о бытіи неизмѣнномъ среди измѣненія, закончившееся ученіемъ о совершенно безкачественномъ субстратѣ, по видимому, совсѣмъ снимаютъ со сцены двѣ враждовавшія одна съ другою теоріи древняго міра; но на самомъ дѣлѣ ихъ отличіе другъ отъ друга, утонченное до чрезвычайности, еще продолжаетъ чувствоваться въ различіи Аристотелева понятія объ $\beta\lambda\eta$ какъ $\delta\delta\nu\alpha\mu\epsilon$, какъ потенціи всякой дѣйствительности, отъ Платонова понятія о матеріи какъ $\mu\grave{\eta}$ $\delta\upsilon$, какъ простой восприимчивѣ отражающагося на ней блеска міра идеальнаго.

У древнѣйшихъ греческихъ поэтовъ—миѳологовъ, Гомера и Ге-

віода не было,—нужно сказать это прямо,—глубины религиознаго созерцанія. Ихъ дѣйствительные боги, награжденные высшимъ разумомъ и вѣдѣніемъ, могущественные хозяева вселенной, высшій предметъ почтенія, поклоненія и страха, лишены истинно божественнаго свойства—вѣчности, независимости по своему бытію отъ какого бы то ни было другаго бытія, а вмѣстѣ съ тѣмъ они лишены истинно божественной дѣятельности—міровизводительной; отсюда самая глупина бытія, его первичныя творческія силы не озарены у нихъ свѣтомъ истинно божественнаго разумѣнія и мудрости. Переворотъ въ этомъ отношеніи ясно обозначается космогоніей Ферекида и философскимъ міровоззрѣніемъ Ксенофана. Ферекидъ относилъ Зевса къ первой триадѣ, ясно признавая его вѣчность и приписывая ему мірообразовательную дѣятельность. Вѣчность Ксенофанова Бога, полнота зависимости отъ него міра не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію ¹⁾. Что же подготовляло возможность этой перемѣны во взглядахъ? Ростъ нравственной жизни постепенно очищаль понятіе о богахъ, которымъ древняя міеологія не затруднялась приписывать много недостойнаго. Но для того, чтобы живо почувствовать противорѣчіе, которое заключалось въ міеологическихъ представленіяхъ объ отношеніи боговъ къ космосу, мнѣ кажется, было недостаточно одного развитія нравственныхъ представленій. Какъ извѣстно, преданіе, идущее отъ Теофраста, ставитъ Ксенофана въ историческую связь съ Анаксимандромъ. Историческія работы послѣдняго времени указываютъ на зависимость Ферекида отъ взглядовъ того же Анаксимандра ²⁾. Поэтому едва ли можетъ показаться слишкомъ смѣлою мысль, что ученіе Анаксимандра о безконечномъ подготовляло къ этому перевороту въ религиозныхъ представленіяхъ. Извѣстія, которыя говорятъ, что Фалесъ называлъ воду Богомъ, справедливо считаются недостовѣрными. Нѣтъ никакого со-

¹⁾ Разрѣшеніе въ ту или другую сторону поднятаго въ позднѣйшее время Фрейдентагемъ (Ueb. d. Theolog. d. Xenoph. 1886) вопроса о правѣ приписывать монотеизмъ Ксенофану, для взгляда, нами развиваемаго, существеннаго значенія не имѣетъ.

²⁾ См: Diels. Zu Pherekydes von Syros. *Archiv f. Gesch. d. Phil.* I. 1. Если справедливо, какъ доказываетъ O. Kern. (De Orph. Epim. Pherec. theog. 1888, p. 97—98), что по Ферекиду Хроносъ ἐκ τοῦ γόνου Ζεῦσα сдѣлалъ огонь, воду и воздухъ, то это образованіе Хроносомъ (временемъ) изъ γόνου Зевса-эира (ibid., p. 94) огня, воздуха и воды хорошо сличить со взглядомъ Анаксимандра, котораго безконечное, среднее по плотности между огнемъ и воздухомъ, вещество выдѣляетъ τὸ γόνιμον, причѣмъ также γόνος становится въ неразрывную связь съ рожденіемъ и гибелью.

мнѣнія, что и Анаксимандръ не давалъ такого имени своему безконечному: названіе боговъ онъ предоставлялъ высшему изъ производнаго бытія, самимъ мірамъ, возникающимъ въ безконечномъ ¹⁾ Но вѣчность и пространственная безпредѣльность начала (хотя послѣдняя скоро же подвергнута была критическому анализу), а особенно полнота, всеобъемлемость его содержанія, обнимающаго въ себѣ все содержаніе міра въ объединенной формѣ, а не въ той односторонности, съ которою является оно въ частныхъ предметахъ; наконецъ, взглядъ на него не только какъ на опору міра, но и какъ на бытіе, дающее направленіе міровому движенію, все это возвышало его надъ богами міеологіи, дѣлало его болѣе божественнымъ, чѣмъ были эти боги, которые могли сохранять свое божественное величіе лишь до тѣхъ поръ, пока философскій взглядъ, ища въ предыдущемъ основанія для разъясненія послѣдующаго, не озарилъ свѣтомъ величія самый исходный пунктъ бытія. Аристотель по существу совершенно справедливо говоритъ, что для учившихъ безконечному оно было θεῖον, и на этомъ θεῖον религиозное сознаніе должно было всего скорѣе почувствовать недостатокъ истинной божественности въ своихъ собственныхъ богахъ.

¹⁾ См. вышеприведенную цит. Цицерона. Plut. Plac. и Stob. (Dox. Diels. 302. 2—3): Ἀναξίμανδρος τοῦ ἀπειροῦς ὀρατοῦ θεοῦς. Подобныя же извѣстія повторяются и въ сочиненіяхъ церковныхъ писателей.